

B27
555

ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ

История формирования и
культурное наследие

Казань 2004

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казанский государственный университет
Казанский Совет народных депутатов

*Посвящается
1000-летию основания г. Казани*

ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ

Материалы III-го этапа Международной
научно-практической конференции
«Великий Волжский путь»,
**Астрахань – Махачкала – Дербент –
Баку – Энзели – Тегеран –
Актау – Астрахань**

3–14 августа 2003 г.

Часть II

Казань – 2004

Издание осуществлено при поддержке
Казанского Совета народных депутатов

Редакционный совет: *К.Ш.Исхаков, Р.С.Хакимов, Ф.Г.Хамидуллин,
М.А.Усманов, Л.М.Дробижева, В.А.Тишков, Л.Н.Андреева,
Р.Р.Хайрутдинов, С.Т.Рахимов*

Великий Волжский путь: История формирования и культурное наследие. Материалы III-го этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Астрахань – Махачкала – Дербент – Баку – Энзели – Тегеран – Актау – Астрахань, 3-14 августа 2003 г. Часть II. – Казань: Институт истории АН РТ, 2004. – 170 с.

ISBN 5-94981-045-7

В книге представлены материалы пленарных заседаний Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», проведенной 3-14 августа 2003 г. по маршруту Астрахань – Махачкала – Дербент – Баку – Энзели – Тегеран – Актау – Астрахань.

Материалы сборника представляют интерес для историков, преподавателей, аспирантов, студентов, широкого круга читателей, интересующихся историей формирования и развития крупнейшей водной трансевропейской торговой магистрали.

© Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ, 2004
© Казанский Совет народных
депутатов, 2004

ISBN 5-94981-045-7

Секция первая

Великий Волжский путь: история формирования и развития

ПРИЧИНЫ ВОЙН УЛУСА ДЖУЧИ С ХУЛАГУИДСКИМ ИРАНОМ

Как известно, в 30-х гг. XIII в. большая часть Ирана и страны Закавказья были завоеваны монголами. Непокоренными оставались владения исмаилитов в горах Альбурса и Кухистана, а также владения багдадских халифов в Ираке Арабском и в Хузистане. На всемонгольском курултае 1251 г., избравшем великим ханом Мунке, было решено предпринять новый поход для завершения этих завоеваний под командованием Хулагу-хана. Для похода, который рассматривался как общемонгольское дело, было выделено войско от всех четырех улусов, собранное из расчета по два воина из каждых десяти¹. Войско Хулагу-хана вступило в пределы Ирана в 1256 г. Свой поход Хулагу начал с покорения 40 крепостей исмаилитов с центром в Аламуте, которые были им разрушены.

Затем он отправился на Багдад, где правил халиф ал-Муста'сим (1242–1258). Благодаря захвату Багдада монголы получили бы возможность выйти к Средиземному морю и овладеть очень важными торговыми путями – от Персидского залива до сирийских портов, что сулило богатую добычу и крупные доходы, поэтому завоеванию этого города Хулагу-хан придавал большое значение. Багдад был взят монголами 5 февраля 1258 г., и впоследствии потерял свое значение в качестве одного из центров мировой торговли. В руки победителей попали огромные сокровища халифата, которые Хулагу-хан отправил в Азербайджан для хранения в казнохранилище на г. Шахи близ оз. Урмия. Сам же халиф был казнен. Дальнейшее продвижение монголов на запад остановили египтяне, оказав упорное сопротивление и разбив их в Сирии в 1260 г.

Несмотря на то, что монголам в результате неоднократных попыток на протяжении десятков лет так и не удалось завоевать Сирию, тем не менее, за короткое время им удалось утвердиться на обширной территории Передней Азии. На терри-

тории завоеванного Ирана Хулагу основал собственное государство, столицей для которого он определил Марагу, а затем Табриз, т.е. в качестве центральной его области был выбран Азербайджан. В состав этого государства вошли Армения, Грузия, Азербайджан, большая часть Малой Азии, Месопотамия и другие страны. В 1261 г. Хубилай-хан признал его правителем этих земель и пожаловал титул "ильхана" (т.е. владыки народа или племени). С этого момента и вспыхнула вражда между Джучидами и Хулагуидами.

Из многих источников известно, что среди войск, выделенных Хулагу-хану для похода, имелись и золотоордынские войска, которые принимали участие во всех указанных завоеваниях. Как отметил А.А.Али-Заде, "из материалов этих историков явствует, что после того, как взаимоотношения между золотоордынским ханом Беркаем и Хулагу-ханом ухудшились, эти войска по указанию Берка должны были вернуться обратно в Золотую Орду. Часть из них покинула территорию ильханов и, пройдя границу, вступила в земли египетских мамлюков, а некоторые из них, пройдя Дербент, вернулись в Золотую Орду"². Таким образом, Берке счел нужным отозвать свои войска, поскольку не был уверен в их безопасности. "Как известно, – писал А.А.Али-Заде, – египетский султан действительно оказал прибывшим золотоордынским войскам самый радушный прием: он приказал своим наместникам снабдить их всем необходимым и направить в Каир, куда отправился и сам для их встречи. Золотоордынцы были размещены в домах, специально построенных для них в ал-Луке. В их честь было устроено пиршество, султан наградил их почетными одедами, лошадьми и деньгами, военачальников их сделал эмирами, а всех прочих включил в число "бахриев" (или бахритов). Первые отряды золотоордынских войск, покинувшие лагерь Хулагу, прибыли в Египет в 1261/62 гг. Золотоордынские отряды продолжали прибывать в Египет и в дальнейшем, и были также радушно там приняты"³.

А.Ю.Якубовский считал, что, вероятно, Берке, оказывая военную помощь ильхану при завоевании Ирана и взятии Багдада, рассчитывал, что за это он получит от него в качестве своей доли территорию Азербайджана, где имелись прекрас-

ные пастбища и богатая “ремесленная промышленность, преимущественно текстильная, которой славились города и селения Азербайджана”⁴. Об интенсивной торговле между Золотой Ордой и иранским Азербайджаном и о том, какое большое значение ей придавали Джучиды и Хулагуиды свидетельствуют Вассаф, Киракос Гандзакец и другие авторы. Однако в результате переговоры по этому вопросу ни к чему не привели. По мнению Н.И.Веселовского, Джучиды, так же как и Чагатаиды, должны были содействовать походу Хулагу. В случае успеха это обычно вознаграждалось наделением участка из завоеванной территории. Очевидно, именно поэтому Беркехан и стал претендовать на Арран и Азербайджан, поскольку это соответствовало его экономическим и стратегическим интересам. “Но обе эти провинции остались за Гулагу, почему золотоордынский хан и счел себя обиженным”⁵. Во всяком случае, отсутствуют какие-либо документальные сведения о том, что между Хулагу и Берке существовала какая-либо договоренность по этому вопросу⁶.

По мере ухудшения взаимоотношений ильханов с Улусом Джучи все более благоприятные условия создавались для союза последнего с египетскими султанами. Они часто обменивались посольствами и драгоценными подарками. Под предлогом защиты ислама подстрекали друг друга к войне против Хулагуидов. Как известно, Берке первый в Улусе Джучи принял ислам и старательно распространял его в своих владениях. Ислам в данном случае выполнял и роль определенного идеологического средства, которое Берке использовал для завоевания симпатий тех мусульман, которые находились на территории, подвластной ильханам, а также для заключения союза с египетским султаном, т.е. для привлечения внутренних и внешних врагов ильхана.

“Можно сказать, что одной из причин принятия ислама ордынским ханом Берке, братом и наследником Бату-хана, была его вражда с Хулагуидами и союз с противниками последних – египетскими султанами. Наоборот, как это ни странно на первый взгляд, ильханы долго не принимали ислам, т.е. религию, которую исповедовало большинство их подданных. Сам Хулагу вообще покровительствовал христианам, и

его старшая любимая жена (кереитка), как сообщает Рашид ад-дин, была христианкой. Но то же самое делали и прочие Чингизиды, пока Монгольская империя не стала клониться к распаду. Пока шли упорные войны Джучидов и Хулагуидов (60–80-е годы XIII в.), ильханы оставались язычниками⁷, и их основной опорой были кочевые племенные ополчения, пришедшие в Иран еще с Хулагу”⁸.

Таким образом, дипломатические отношения Улуса Джучи с Египтом были обусловлены важными политическими факторами и представляли собой результат продолжительного и тесного союза между этими, столь различными по культуре, странами на протяжении от середины XIII до конца XIV в. В связи с этим важно отметить, что инициатива в установлении взаимно комплиментарных отношений в основном исходила именно от Египта, так как он чаще “кровно был заинтересован”⁹ в могуществе Улуса Джучи и в военном союзе с ним против своего непримиримого врага – иранских монголов¹⁰. В Египте хорошо сознавали выгоду сраживания Золотой Орды с их непосредственным соседом – хулагуидским Ираном – ради того, чтобы, в конечном счете, ослабить оба эти государства, в потенциале способных стать противниками египетских правителей. Более того, усилия последних были направлены на поддержание постоянной вражды между ними с целью отвлечения внимания Хулагу от завоевания Сирии. Джучиды, со своей стороны, также были в этом заинтересованы, так как не желали выхода Хулагуидов к Средиземному морю и захвата ими приморских сирийских городов для установления торговых связей с Европой.

В сочинениях арабских авторов имеются ценные сведения о переписке между ханами Улуса Джучи и египетскими султанами. Так, секретарь египетского султана ал-Малик аз-Захир Рукн ад-Дина Байбарса I, Ибн Абд аз-Захир, оставивший летопись современных ему событий, написал с его слов письмо Берке, подстрекая того для выступления против Хулагу, объясняя это тем, что для него “обязательна священная война с татарами (Хулагуидами)... ислам не состоит только в одних словах; священная война есть одна из [главных опор] его”¹¹. Как указывает Салих Закиров, это письмо послужило началом для

целой серии подстрекательств против Хулагуидов, которыми постоянно сопровождались дипломатические отношения между Египтом и Улусом Джучи. Так, например, арабский историк ан-Нувайри сообщает: “В месяце рамазана упомянутого года (9 июля – 7 августа 1263 г.) султан Эльмалик Эззахыр отпустил послов его (Беркея) обратно и написал ему (письмо), возбуждая его против Хулагу и подстрекая его к войне с ним”¹².

Как справедливо отметил А.Ю.Якубовский, “расчеты мамлюкского султана Бейбарса были чрезвычайно просты. Хулагуидский Иран являлся соседом Египта, владевшего также и Сирией. Границы пролегли в Месопотамии”¹³. Сильный Иран – угроза мамлюкским султанам. Что может быть более действенным средством, чем вражда двух монгольских государств?

Вот почему основной задачей всей внешней политики мамлюкского Египта и являлось всячески поддерживать, а если можно, и усилить эту вражду”¹⁴.

В начале XIII в. (в течение 40 лет) до тех пор, пока Хулагуиды не приняли ислам, козырной картой в руках мамлюкских султанов были призывы к “священной войне” против неверных. Так, например, арабский историк аз-Зехеби сообщает, что “одной из главных причин возникновения войны”¹⁵, происшедшей между ним (золотоордынским ханом Берке. – А.А.) и Хулагу было умерщвление (последним) халифа”¹⁶. Аналогичные сведения приводят и другие арабские историки. Однако уже Хулагуид Токудар (1282–1284), а затем и Газан-хан (1295–1304) приняли ислам. Между тем, вражда между ильханами и их соседями-мусульманами вовсе не прекратилась, а только разгорелась. Таким образом, очевидно, что она носила характер не религиозных, а именно политических противоречий”¹⁷.

Военное противостояние золотоордынских ханов и иранских ильханов, которое продолжалось на протяжении почти 100 лет (1262–1357 гг.) и изредка прерывалось периодами непрочного мира, началось уже при Хулагу (1256–1265) и Берке (1257–1266)¹⁸ – брате Бату-хана, т.е. после образования ильханского государства. Берке как сын Джучи считал себя старшим в роде и по праву требовал от Хулагу подчинения. При жизни Бату, который до появления в Персии Хулагу распоряжался монгольскими силами в Закавказье, сохранялись дру-

жественные отношения. Сыновья Джучи и Тули даже совместно участвовали в возведении на трон Менгу-хана в 1251 г., однако вскоре после завоевания Багдада и образования государства Хулагуидов ситуация резко изменилась, усилились противоречия между членами ханского дома. Дружба перешла в открытую вражду, поскольку Хулагу-хан стал ханом тех стран, которые раньше принадлежали Бату-хану. Арабский историк ал-Омари заметил, что до смерти Бату Золотая Орда имела политическое влияние над странами Передней Азии, что Азербайджан и Иран входили в ее владения и что Джучиды противились походу Хулагу-хана на запад, главным образом, завоеванию Багдада¹⁹. Когда власть в Улусе Джучи перешла к Берке-хану (1256–1265), Хулагу стал действовать независимо от него.

Рашид ад-Дин сообщает, что Хулагу был недоволен “своевластием Берке”. Со своей стороны, Берке осуждал Хулагу за то, что тот “уничтожил халифа без совещания с родичами” и всячески наставлял и укорял его. “Но ввиду того, – добавляет Рашид ад-Дин, – что Берке был старшим в роде [ака], Хулагу-хан переносил все это...”. Вскоре, однако, это стало ему досаждать и, как передает тот же Рашид ад-Дин, он сказал: “Хотя он [Берке] и старший в роде [ака], но так как он далек от пути скромности и мягкости и обращается ко мне с угрозой и насилием, то далее оказывать ему уважение я не хочу...”²⁰. Возможно, Берке, пользуясь своим авторитетом, хотел поставить Хулагу в зависимое от себя положение. Хулагу же, стремившийся к независимости, со своей стороны, намеренно лишил его тех некоторых доходов, которые он получал до образования государства ильханов.

Таким образом, причинами этой войны, как указывал В.В.Бартольд, явились притязания Джучидов на Арран и Азербайджан; высокомерие Берке, старшего в роде, в его сношениях с Хулагу²¹; смерть джучидских царевичей в Иране (Берке подозревал, что их отравили); к тому времени ставший мусульманином Берке объявил себя защитником приверженцев ислама от притязаний Хулагу²².

Салих Закиров заметил, что основные причины этого противостояния часто “оказываются скрытыми за очень многими

второстепенными причинами, так как каждый историк и летописец, описывая ход событий, придерживался своих взглядов и выдвигал в качестве главной ту или иную причину, наиболее вескую с его точки зрения”²³. В некоторых дошедших до нас документах имеются сведения о границах Улуса Джучи и государства Хулагуидов, в них говорится и о причинах ухудшения взаимоотношений между ними, что было связано с территориальными притязаниями золотоордынских ханов к ильханам²⁴.

Персидский историк XIII–XIV вв. Вассаф, определяя границы Золотой Орды и Хулагуидов, писал, что “до окраин Дербенда Бакинское он [Чингиз-хан. – А.А.] предназначил старшему сыну Туши. Что позади Дербенда, называемого Демир-капук (Железные ворота), то всегда было местом зимовки и сборным пунктом разбросанных частей войск (Туши); по временам они делали набеги до Аррана и говорили, что Арран и Азербайджан также входят в состав владений и становищ их (Джучидов)... Вот почему с обеих сторон, хулагидской и джучидской, – продолжает вышеуказанный автор, – стали проявляться одна за другой причины раздора и поводы к озлоблению”²⁵. Из этого сообщения, а также из ряда других арабских и персидских источников, очевидно, что ханы Золотой Орды не без основания претендовали на земли Закавказья, т.к. по завещанию Чингиз-хана они были выделены старшему сыну Джучи, но затем были захвачены Хулагуидами. Большинство же средневековых историков считают границы золотоордынского государства, начиная от Дербенда и далее к северу. “Таким образом, – заметил А.А.Али-Заде, –...можно констатировать, что Дербенд (Баб-ал-абваб, Демир-капу) вошел в состав Золотоордынского государства, а ильханы владели Ширваном, Арраном и вообще Азербайджаном. Фактом, подтверждающим это положение, является то, что налоги, взимавшиеся с этих областей, поступали в центральную казну ильханов, о чем имеются материалы у Хамдаллаха Казвини. Как известно, последний в своем географическом произведении приводит общую годовую сумму налоговых поступлений из этих областей в государственную казну ильханов”²⁶.

Собственно, основным камнем преткновения для обоих государств был Азербайджан с центром в Табризе, в котором, благодаря его выгодному географическому положению нахо-

дился один из главных узлов торговых караванных путей между восточными и западными странами²⁷. Фактически после образования ильханского государства торговые связи между Джучидами и Хулагуидами были нарушены.

В своем повествовании о путешествиях по Азии Марко Поло дает суждение о причинах войны “между Алаем, царем левантским, и Баркою, царем запада”. По его мнению, война возникла из-за пограничной области. “Каждому хотелось ею завладеть, – писал Поло, – и ни один не хотел уступить ее другому: почитали они себя оба сильными и могущественными. Вызывали друг друга и говорили: “Пойду и возьму ее и посмотрю, кто у меня ее отнимет”²⁸. Это объяснение ближе к реальности, чем объяснение ал-Муффадала и армянского историка Киракоса Гандзакеци, писавших, что Берке поддерживал Ариг-Буку против Хубилая, а Хулагу “огорчился этим” и выступил против Берке²⁹.

Между тем, все же очевидно, что дело не ограничивалось только узкими пограничными спорами и в основе этих, глубоко зашедших, противоречий лежали более крупные интересы, а именно ожесточенная борьба за области, очень важные в экономическом и стратегическом отношении.

Указанный выше ал-Муффадал, ссылаясь на некоего Алад-Дина ибн Абдаллаха ал-Багдади отметил, что причиной войны был раздел доходов с завоеванных стран, который, по установлению Чингис-хана, должен был делиться на пять частей, из которых две части отдавались Великому хану, две части – войску и одна часть должна была поступать хану из дома Бату³⁰. “Когда Бату умер и на престол вступил Берке, Хулавун удержал его долю”³¹. Таким же образом объяснял причины войн Ибн Васил, указывавший на то, что, по постановлению Чингиз-хана, с каждой покоренной области по третьей части должно было идти в пользу дома Берке, дома Чингиз-хана и войска. Хулагу перестал выполнять это постановление³². Персидский историк Джузджани, бывший современником этих событий, писал, что Хулагу после захвата Багдада только “кое-что в виде подарка и доли отослал к Берке”³³.

Однако из сообщения арабского автора ал-Омари можно сделать иное заключение о финансовых счетах между Джучи-

дами и ильханами. “Оказывается, что содержание вспомогательных корпусов, посланных в Персию на помощь Хулагу, было обеспечено доходами с богатых промышленных городов Мераги и Тавриза. Следовательно, когда ильханам предъявлялись претензии, то дело шло не о пятой или третьей части добычи или доходов, в качестве компенсации за участие в походе, а о покрытии расходов по военным издержкам”³⁴. Можно согласиться с азербайджанским автором М.А.Сейфеддини, который писал, что еще “до образования Ильханидского государства Золотая Орда свободно распоряжалась торговыми путями и обширными пастбищами Азербайджана, Грузии, а также частью Малой Азии. Кроме того, ввозимые ею товары не облагались налогами. Появление нового государства, которое стремилось овладеть торговыми путями, ведущими от Черного моря в южную часть Азербайджана, естественно ущемляло ее интересы”³⁵. Отсюда понятно, что военные действия между этими государствами становились неизбежными. Как писал ИЛ.Петрушевский, “борьба за обладание Закавказьем между Хулагуидами Ирана и Джучидами Золотой Орды была в немалой степени борьбой за обладание путями караванной торговли с Европой, пролежавшими через Закавказье”³⁶.

Золотоордынские ханы, заинтересованные в поддержании непосредственных и беспошлинных торговых и политических отношений с восточными и западноевропейскими странами и в получении дохода с этой территории, стремились укрепиться в Азербайджане. “Таким образом, господство ильханов над некоторыми важнейшими торгово-караванными путями сообщения являлось одной из основных причин, заставлявших золотоордынских ханов предъявлять претензии на Азербайджан и время от времени совершать набеги на эту территорию”³⁷. Кроме того, здесь находились исключительные пастбища, столь излюбленные монголами, и важные естественные ресурсы.

Непосредственным поводом к войне между Джучидами и Хулагуидами стали отзыв Улусом Джучи своих вспомогательных подразделений из армии Хулагу-хана в 1261/62 г. и гибель трех командиров (царевичей – племянников Бату-хана)³⁸. Поскольку все завоевания монголов осуществлялись всем

народом, то и все приобретения становились собственностью всего царского дома, что налагало определенные обязанности ханов улусов друг к другу и к монгольскому императору. Как было отмечено, когда Хулагу-хан отправился для покорения ряда областей Передней Азии, ему из каждого улуса были выделены войска, среди которых имелись и золотоордынские под командованием некоторых царевичей и крупных феодалов. По данным Рашид ад-Дина, все три командира этих отрядов – царевичи Балакан, сын Шейбана, Тутар, сын Бувала, и Кули, сын Орды, т.е. внуки Джучи и племянники Бату, которые непосредственно участвовали в расширении Монгольской империи и требовали своей доли, при разных обстоятельствах были умерщвлены в улусе Хулагу³⁹. Один из царевичей – Тутар – был обвинен в колдовстве и заговоре против Хулагу, подвергнут допросу и признан виновным. Хулагу, в знак уважения к Берке, отправил его к нему. Берке же, со своей стороны, убедившись в правоте обвинения, согласно ясе Чингиз-хана, вернул его обратно к Хулагу, который приказал его казнить. Другие золотоордынские феодалы, по Рашид ад-Дину, умерли естественной смертью, однако Берке подозревал Хулагу-хана в их умышленном отравлении. Семьи этих трех царевичей бежали в Иран, достигли Дербента и оттуда прибыли в Улус Джучи. Об оценке этого инцидента современниками можно судить из слов Рашид ад-Дина: "...когда родственников его (Берке. – А.А.): Тутара, Балагу и Кули постигла беда (смерть), то между ними (Хулагу и Берке) появилась вражда и озлобление, которое с каждым днем все усиливалось"⁴⁰. Золотоордынские отряды, принимавшие участие в завоевании Ирана, покинули ряды армии ильханов. Небольшая часть их перешла в Египет, враждебный Хулагуидам, другая через Хорасан или через Дербент ушла в Улус Джучи и стала активно участвовать в борьбе против Хулагу. Об этих событиях по-своему повествуют армянские средневековые историки. Так, например, инок Магакян так сообщал причину раздора между Хулагу и Берке: император Мунке повелел аргучиям (судьям) возвести Хулагу на ханство в завоеванных им землях, но некоторые царевичи возмутились против него. "Как только ханские сыновья узнали о том, что Гулаву намерен воссесть на ханский престол, то четве-

ро из них пришли в ярость и не захотели повиноваться Гулаву. Такудар и Бора-хан подчинились, а Балаха, Тутар, Катаган и Миган не согласились признать его ханом. Когда аргучи Мангу-хана убедились в том, что эти четверо не только не желают повиноваться, но еще намерены сопротивляться Гулаву, то приказали: подвергнуть их ясаку, т.е. задушить тетивой лука: по их обыкновению, только этим способом можно было предавать смерти лиц ханского происхождения....После того аргучи приказали армянским и грузинским войскам идти на войска мятежников и перебить их, что и было исполнено. Народу было истреблено столько, что от убитых татарских трупов злобление распространилось по горам и полям. Только двое из предводителей, Нуха-куун и Аратамур, проведав заблаговременно об опасности, взяли с собой сокровища, золото, превосходных лошадей, сколько могли, и бежали с 12 всадниками. Переправившись через великую реку Кур, они воротились в свою сторону. Не довольствуясь тем, что спаслись, они восстановили против Гулаву Берке, брата Саин-хана, и в течение 10 лет производили страшное кровопролитие”⁴¹. Киракос Гандзакети в главе “Кровопролитная война между Гулаву и Беркаем” также описывает эти события. “...Великий Гулаву, при котором находились великие и знатные князья равного с ним происхождения, родственники Бату и Беркая – Кули, Балаха, Тутар, Меган, сын Кули, Хатаган и многие другие, истребил их всех вместе со всеми их войсками, не щадя ни стариков, ни детей, потому что они вмешивались в его распоряжения. Только немногие из них и то лишенные жен, детей и имущества, успели бегством спастись к Беркаю и к другим своим родственникам. Узнав об этом, Беркай собрал многочисленное войско и приготовился к походу против Гулаву, чтобы отомстить ему за смерть родственников”⁴². За указанные 100 лет войн между Джучидами и Хулагуидами военная и политическая инициатива переходила от одного государства к другому. Соответственно выделяются три периода: 1262 г. – 70-е годы XIII в., когда инициатива находилась в руках Улуса Джучи, 70-е годы XIII в. – 1318 г., инициатива в руках Хулагуидов, 1318 г. – 1357 г. – инициатива опять в руках Улуса Джучи. “Проявления этой инициативы, – по мнению А.Е.Криштопы, – со стороны золотоор-

дынцев носили в основном военный характер (походы с целью завоевания – впрочем, неудачные) ввиду территориальных претензий Джучидов; активизация Хулагуидов находила выражение преимущественно в политических и экономических мероприятиях”⁴³.

Таким образом, политическое и военное противостояние Улуса Джучи и державы Хулагуидов было связано с их борьбой за очень выгодные для обоих государств в экономическом и стратегическом отношении территории. Эта борьба во многом определяла историческую ситуацию в этом обширном регионе, включавшем Дашт-и Кыпчак, Закавказье, Иран, Хорасан, Азию, Египет, и в целом определенно имела большое влияние на мировой исторический процесс.

Примечания:

1. В.Г.Тизенгаузен. Сборник... – Т.II. – С.67; И.П.Петрушевский. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256-1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. – Изд. -2-е. – М.: Наука, 1977. -С.231.
2. А.А.Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. – Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1956. – С.304.
3. Указ. соч. – С.39.
4. Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л., 1950. – С.76.
5. Н.И.Веселовский. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время // Записки Российской Академии наук. – 1922. – Серия VIII. По отделению исторических наук и филологии. – Т.XШ. – №6. – С.4.
6. А.А.Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1956. – С.305.
7. Как указывает Киракос Гандзакец, “И еще построил [Хулагу] обители для огромных идолов, собрав там всяких мастеров, и по камню, и по дереву, и художников. Есть [у них] племя одно, называемое тоннами. Эти [тоины] – волхвы и колдуны, они своим колдовским искусством заставляют говорить лошадей и верблюдов, мертвых и войлочные изображения. Все они – жрецы, бреют волосы на голове и бороды, носят на груди желтые фелоны и поклоняются всему, а паче – Шакмони и Мадрину. Они обманывали его (Хулагу), обещая ему бессмертие, и он жил, двигался и на коня садился под их диктовку, целиком отдав себя на их волю. И много раз на дню кланялся и целовал землю перед их вождем, питался [пищей], освященной в кумирнях, и возвеличивал его более всех остальных. И поэтому он собирался построить храм их идолов особенно великолепным. А стар-

- шая над его женами, Тохуз-хатун, была христианкой. Она, хотя и неоднократно укоряла его, однако не смогла оторвать от волхвов; сама же она, поклоняясь богу, защищала христиан и помогала им". (Киракос Гандзакети. История Армении / Пер. с древнеармян., пред. И комментарий Л.А.Ханларян. – М.: Наука, 1976. – С.238).
8. История Востока. – Т.II. Восток в средние века. – М.: Вост.лит-ра, 1995. – С.414.
9. Б.Д.Греков, А.Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л., 1950. – С.78.
10. Государство ильханов граничило с улусом Джучи, с мамлюкским Египтом и с Улусом Чагатай. Все эти государства находились во враждебном отношении к нему, и между ними происходили частые войны.
11. В.Г.Тизенгаузен. Сборник... – Т.I. Текст С.47, Пер. С.55.
12. В.Г.Тизенгаузен. Сборник... – Т.I. Текст С. 131–132, Пер. С. 152.
13. Государство ильханов граничило с самыми крупными государствами того времени: с Улусом Джучи, управлявшимся потомками Джучи-хана, с государством мамлюкских султанов Египта и с государством, управлявшимся потомками сына Чингиз-хана – Чагатай. Все эти государства находились во враждебных отношениях друг к другу.
14. Там же. А.А.Али-Заде, подробно рассмотревший этот вопрос по материалам персидских и арабских источников, пришел к выводу, что после того, как Хулагу захватил Ирак арабский и уничтожил Аббасидский халифат, мамлюкские султаны делали все, чтобы не дать Хулагу-хану продвинуться вглубь Сирии, старались вернуть себе захваченные сирийские города, а затем захватить Ирак арабский и территории Малой Азии и т.д. Ильханы, в свою очередь, также стремились к захвату всей Сирии и полному ее подчинению. "Если учесть большое торговое, хозяйственное, стратегическое значение Сирии, Ирака арабского, Рума и прилегающих к ним стран, то станут понятными причины вражды между мамлюкскими султанами и ильханами. В целях эксплуатации оседлого населения, а также для господства над караванными путями и для расширения торговых отношений с восточными и западными странами, ильханы стремились установить свой контроль над этими территориями и укрепить свою власть. Кроме того, территории Ирака арабского, Рума и прилегающих областей являлись весьма удобными районами для развития скотоводства, ведения кочевого хозяйства и земледелия. Не случайно, что территория Ирака арабского (Багдад) также, как и Арран (Карабаг) с обширными степными пастбищами считались кышлагами (местами зимних кочевков). После того, как при правлении Хулагу-хана, его военачальник Кайтубуга (или Китбука) был побежден, взят в плен и казнен египетским султаном Кудузом, ильханское прави-

- тельство видело в египетских султанах противников, с которыми приходилось серьезно считаться. Для захвата богатых территорий Сирии и Египта ильханы стали искать сближения с противниками египетских мамлюков, которые, в свою очередь, стали союзниками противников ильханов – золотоордынских ханов. В борьбе против египетских мамлюков ильханы, в частности Абака и Аргун, поддерживали союз с крестоносцами и сношения с римскими папами, с Климентом IV, Григорием X, Гонорием IV и последующими.... Кроме того, ильханы, в частности, Абака и Аргун, держали связь с некоторыми европейскими государями, в том числе и с Михаилом VIII, Палеологом византийским, на дочери которого был женат Абака, а также королем Франции Филиппом IV и другими. Между государством ильханов и западными странами (особенно с Генуей) поддерживались также оживленные торговые сношения. Активное участие в торговых операциях, в частности при Аргун-хане, проявляли и венецианские купцы. Прибытие ряда торговых миссий и путешественников (Марко Поло и др.) также являлось результатом сближения правителей ильханов с западными странами... Кроме египетских мамлюков... против государства ильханов выступало чагатайское государство в Средней Азии.
15. А.А.Али-Заде резонно считает, что на самом деле факты уничтожения аббасидского халифа и уничтожение принадлежавших мусульманам городов являлись не столько причиной, сколько поводом для начала военных действий. – См.: А.А.Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. – Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1956. – С.311.
16. В.Г.Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т.I. -СПб., 1884. – С.205, арабский текст, с.202.
17. А.А.Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. – С.300.
18. Благодаря арабскому историографу Ибн ал-Муфаддалю, давшему описание посольства египетского султана Бейбарса к Берке-хану, мы имеем его физический портрет: “В это время царю Берке было от роду 56 лет. Описание его: жидкая борода; большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны за оба уха; в [одном] ухе золотое кольцо с ценным [осьмиугольным?] камнем; на нем [Берке] шелковый кафтан; на голове его колпак и золотой пояс с дорогими камнями на зеленой болгарской коже; на обеих ногах башмаки из красной шагреновой кожи. Он был опоясан мечом, но на кушаке его черные рога витые, усыпанные золотом.” Именно с именем этого хана связаны не только крупное городское строительство в районе Поволжья, расширение торговли с Европой, но также и тяжелейшие войны с Хулагу-

- идами. С последними теснейшим образом была связана дипломатическая активность в отношениях с мамлюкским Египтом.
19. В.Г.Тизенгаузен. – Сборник...- Т.I. – С.246.
 20. В.Г.Тизенгаузен. Сборник...- Т.II. – С.73-74.
 21. Берке, считавший себя старшим в роде, справедливо требовал от Хулагу беспрекословного подчинения и уважения.
 22. В.В.Бартольд. Очерк истории Семиречья // Соч. – Т.II. – 4.1. – С.59-60.
 23. С.Закиров. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. – М.: Наука, 1966. -С.9.
 24. Г.Х.Ичалов. Дагестан – арена военных столкновений Хулагуидов и ханов Золотой Орды в XIII–XIV вв. // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). – III. – Махачкала, 1975. -С.172.
 25. В.Г.Тизенгаузен. Сборник... – Т.II.- С.80-81.
 26. А.А.Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII-XIV вв. – Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1956. – С.310.
 27. См.: там же. – С.316.
 28. И.П.Минаев. Путешествие Марко Поло / Пер. со старофранц. текста. – С.338.
 29. СМИЗО. – Т.I. – СПб., 1884. – С.187-189.
 30. По Ибн Василю, причина войны, которая Н.И.Веселовскому показалась “довольно странною”, состояла в том, что “будто бы Чингиз-хан предписал, чтобы с каждой области, которая будет завоевана, треть доходов доставалась дому Берке, треть дому Чингиз-хана, треть войску Чингизову. Когда Чингиз-хан умер, то никто из татар не отступился от решения его и от того, что им было предписано, но Хулаву все оставил себе”. – См.: Н.И.Веселовский. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки Рос. АН по отд. историч. наук и филологии. – Т.XIII. – №6. -ПГ., 1922. – С.4.
 31. В.Г.Тизенгаузен. Сборник.-Т.I.-С. 187-188.
 32. В.Г.Тизенгаузен. Сборник. – Т.I. – С.73.
 33. В.Г.Тизенгаузен. Сборник. – Т.II. – С. 19, прим.3.
 34. Н.Н.Козьмин. Экономические причины войн между Чингизидами / / Изв. Иркутского гос. Пед.Ин-та. – М.-Иркутск, 1935. – Вып II. – С.97.
 35. Сейфеддини М.А. Монетное и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. – Баку, 1981. – Кн.2. – С.72–73.
 36. И.П.Петрушевский. Хамдаллах Казвини как источник истории Восточного Закавказья // Изв. АН, Отд. общ.наук. – 1937. – №4. – С.912.
 37. А.А.Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. – С.316.

38. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т.2. – С.81–82; Л., 1946. – Т.3. – С.54.
39. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. – Т.2. – М.-Л., 1960. – С.81–82.
40. В.Г.Тизенгаузен. – Т.II. – С.74. Об этом же писал армянский автор Киракос Гандзакечи: “...А великий Хулагу беспощадно и безжалостно истребил всех находившихся при нем и равных ему по происхождению знатных и славных правителей из рода Батыя и Беркая: Гула, Балахая, Тутхара, Мегана, сына Гула, Гатахана и многих других вместе с их войском – были уничтожены мечом и стар и млад, так как они находились при нем и вмешивались в дела государства. И лишь некоторые из них, и то с большим трудом, спаслись, одни, без жен, детей и имущества, убежали к Беркаю и другим своим сородичам. Узнав об этом: Беркай собрал бесчисленное и несметное войско, чтоб прийти отомстить Хулагу за кровь сородичей своих”. – См.: Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеармян., пред. И комментарий Л.А.Ханларян. – М.: Наука, 1976. – С.237.
41. История Монголов инок Магакии, XIII века / Перевод и объяснения К.П.Патканова. – СПб., 1871. – С.31–32.
42. История Монголов по армянским источникам. – Т.I. – С.62-63.
43. А.Е.Криштопа. Дагестан XIII–XIV вв. по сообщениям восточных авторов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. – Вып.V. – Махачкала, 1974. – С.98.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ БУЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА СО СТРАНАМИ ВОСТОКА В IX–XIII СТОЛЕТИЯХ

В контексте торговых, экономических и культурных связей, которые существовали по Великому Волжскому пути, особое значение уделяется Болгарскому государству. Это понятно, так как в данном случае связь не только прямая, но и опосредованная. Кроме того, особая ценностей арабского и среднеазиатского мира состоит в том, именно отсюда произошло проникновение и распространение мусульманской религии.

Недаром Метц называл IX–X вв. веком мусульманского ренессанса и, как он подчеркивал, “арабскому мусульманскому купцу была характерна горделивая осанка”. Через распространение наиболее видных результатов мусульманской культуры происходило развитие как Волжской Булгарии, так и ряда других стран.

Если выделить этапы развития таких взаимоотношений между Болгарским государством и Востоком, то можно назвать 2 периода, в общих чертах совпадающие с общей периодизацией истории Волжской Болгарии.

Первый период падает на IX – конец X в., а второй период – XI – начало XIII вв., причем для Болгарского государства в определенный степени он совпадает с безмонетным периодом вплоть до монгольского нашествия. Естественно, что в последующем эти взаимоотношения продолжались, но они уже осуществлялись в иных исторических и социально-экономических условиях. Если рассматривать эти взаимоотношения, следует подчеркнуть, что для их изучения необходим комплекс источников. Это письменные, археологические, нумизматические источники, и только путем комплексного источниковедения можно выйти на раскрытие этой темы.

Все востоковеды, которые рассматривали арабские и персидские источники IX–XIV вв., отмечали, что в них торговые

интересы преобладают над научными. Скажем, животный мир Восточной Европы представлен преимущественным описанием животных, которые ценны своим мехом и составляли одну из главных статей дохода в тот период между Западом и Востоком.

В сообщениях арабских и персидских авторов IX–XIII вв. имеется немало прямых и косвенных связей между Болгарским государством и странами Востока. Наиболее интересным является вопрос, когда же Болгарское государство стало занимать определяющую или посредническую роль в торговле между Западом и Востоком.

Есть известные сообщения Ибн-Хордабека “Книга путей и государств”, которая относится к 846–885 гг. Когда речь идет о подобной торговле, то упоминания болгар и Болгарского государства здесь совершенно нет. Следующий источник – это известное упоминание Ибн-Русте “Книга драгоценностей и ожерелий” 903 г. (материалы здесь сообщаются конца IX в.), т.е., в промежуток между периодом второй половины IX в., между 846 и 903 гг. мы можем говорить, что произошел процесс, когда Болгарское государство стало центром посреднической торговли между Западом и Востоком; именно через Болгар начала осуществляться та торговля, о которой мы говорим.

Письменные источники свидетельствуют о торговле не только в IX–X вв., но и XI–XIII. Это известное сообщение ал-Гарнати, который пишет о том, что болгары организуют северную торговлю из областей Вису и Ару в страну Мрака, а также о вывозе клыков животных, которые сбывали в Хорезме, где из них делали гребешки и другие предметы.

Ибн-Алафир, автор первой половины XIII в., пишет, что после первого вторжения монголов в 1223 г. прекратилась торговля из этих стран, не привозили ни черных лисиц, ни белок, ни бобровых шкур, никаких других товаров, которые были обыкновенно предметом торговли. Когда татары удалились, большие дороги опять оживились и купцы опять стали доставлять товары на Восток.

Возникает вопрос – какими были основные статьи торговли (т.е. то, что мы называем сегодня экспортом и импортом), что проходило непосредственно из Болгарского государства

или выступало в качестве транзита с Востока на Запад. Есть известное сообщение на этот счет ал-Мукаддафи. Он перечисляет весь набор товаров, который идет по письменным источникам в торговле между Востоком и Западом, в том числе и из Болгар и русских государств.

Если же выделять наиболее важные статьи торговли, то на первое место я бы выделил работорговлю. Об этом уже говорил профессор А.Н.Кирпичников, и по сути в IX–X вв. работорговля приняла настолько широкий размах, что не прекращалась и в более позднее время – ни в XII, ни в XIII в., ни даже в период Золотой Орды. Болгар и Итиль превратились в мировой рынок живого товара, куда привозились рабы из Руси, отсюда они попадали в Хорезм, Багдад, Дербент и Александрию. О работорговле есть прямое указание у Ибн-Фадлана. Организация работорговли осуществлялась на деньги, т.е. на мусульманские деньги, которые поступали из мусульманских стран. Кроме того, следует подчеркнуть, что и в Болгарию привозили захваченных рабов. Как пишет Ибн-Фадлан, “Русь имеет царя, который называется Хакан-Рус, они производят набеги на славян, подъезжают на кораблях, выводят на берег и полонят народ, который затем продают”. Естественно, и сами представители Волжской Болгарии становились рабами. В частности, в кургане близ Смоленска один воин был похоронен по обычаю с одной из своих рабынь. Рабыня, судя по найденным вещам, была из Среднего Поволжья. Эти рабы иногда в арабских странах превращались в видных воинов. В частности, Абу-али-Мансур, автор конца X в., при перечислении выдающихся арабо-египетских полководцев и адмиралов, первых фатимидов, выделяет среди них людей из племени ас-саклаф. Как он пишет, Сабир, Масут, Мансур, Майсут, Фаради, Майсур и добавляет, что они произошли из Болгар. Широкое развитие работорговли видно и из других сообщений.

На основе письменных арабских и персидских источников, археологических и нумизматических материалов наиболее важную статью торговли составляет поступление мусульманских монет мусульманских династий. Эти монеты позволяют выделить тот круг стран, с которыми торговала Болгария как посредник, поскольку они дальше уходили на Запад. Есте-

ственно, есть прямые сообщения об этом, в частности Ибн-Русте пишет о том, что белые круглые дирхемы привозят из стран мусульманских путем мены их на товары. Необходимость обмена товара на деньги сохранялась значительно позже. В XI–XII вв. на территории Востока наступил так называемый серебряный кризис, когда произошло прекращение поступления куфического дирхема в Восточную Европу. Окончательная монета, которая нам известна – это 1012–1015 гг. Кризис произошел и на территории Волжской Болгарии, наступил так называемый безмонетный период. Хотя известно, что сами болгары еще в X в. чеканили монеты Болгара. Естественно, что эта торговля продолжалась и позже, в том числе монетами. В частности, Кул-Гали, поэт начала XIII в., в своей поэме “Кыссаи-Йусуф” подробно описывает денежный характер торговли.

Выделим монеты различных династий. Одними из наиболее ранних являются монеты, чеканенные омейядами, которые правили до середины VIII в. Омейядские дирхемы на территории самой Волжской Болгарии представлены единичными экземплярами. Их не так много, но первый наиболее древний клад, который известен в Восточной Европе, это Старо-Альметьевский клад. Старое Альметьево – деревня, которая находится в 25 км от Билярска – будущей столицы Волжской Болгарии. В этом кладе было найдено порядка 150 дирхемов VIII–IX вв., 30% которого относятся к периоду правления легендарного халифа Гаруна ал-Рашида. Последняя монета 820–821 гг.

Интересно, что на территории Волжской Болгарии найдены первые монеты, чеканенные Аббасидами. После смены власти произошло некоторое смещение подходов в самой деятельности государства, когда из чисто захватнической политика арабов начала приобретать торговую экспансию. Для X в. основная группа монет – это монеты Саманидов. Именно в X в. происходит резкое увеличение кладов. Если для VIII–IX вв. я называл только один клад, то в X веке основная масса монет найдена в 19 кладках (сегодня число кладов гораздо больше), но в основном это монеты саманидов. Здесь они чеканены в разных городах Саманидского государства – Самарканд, Бухара и т.д. Самое значительное влияние саманидской чеканки

и вообще культурное направление привело к тому, что монеты болгарского чекана (они относятся к 902–908 гг.) и последние монеты, которые известны на сегодняшний день (987 г.) чеканились по образцам саманидских монет, даже с описанием саманидских городов. Следует подчеркнуть, что где-то с середины X в. начинается увеличение доли египетских монет и других династий. Они идут как примесь к существующим, но доминирующее положение занимают саманидские монеты.

Интересным в этом отношении является клад, найденный у д. Татарский Толкиш, весом более 12 кг, состоящий из 934 определенных дирхемов самых различных династий. Это абасиды, саманиды, абудауди, и т.д. – по сути, весь набор мусульманских династий.

Вторую по важности группу импортируемых товаров составляют художественный металл – золотая, серебряная, бронзовая утварь из Византии, Ирана, Хорезма, Армении и драгоценные и полудрагоценные камни. На этот счет достаточно литературы, я не буду на этом останавливаться.

Очень важной статьей импорта является поступление дорогих тканей. Известно сообщение Ибн-Фадлана, который пишет, что у Алмуша трон покрыт византийским ковром. В этот период ткани и ковры были также наиболее ходким товаром. Ал-Балхи, который сообщает о тех товарах, которые вывозятся из Хазарии, подчеркивает, что сама Хазария производит белужий клей и вывозимые товары поставляются из Болгара, Руси и т.д.

Из городов Моверанахара шла в Болгарию писчая бумага, получившая название кадис. Основным центром производства бумаги был г. Самарканд. И, по сообщениям Якута, лучшей бумагой была китайская и самаркандская.

Следующую группу товаров составляет оружие. Об этом есть сообщение Ибн-Русте. Из различных городов Средней Азии, Ирана сюда поступала керамика. Она найдена в значительном количестве в ходе раскопок. Из городов шла богато орнаментированная керамика X–XI вв. Необходимо особо отметить производство сфероконусов, которое Волжская Болгария организовала на своей территории.

Важной статьей дохода была торговля предметами из стекла. Анализ, проведенный специалистами в Казанском универ-

ситете, позволил доказать, что они производились в городах Закавказья.

Существовали и тесные связи с Египтом – о чем свидетельствует поэма болгарского поэта Кул-Гали. Имеют различные подробности о Египте – его кварталах и городах, переправе через Нил, красочной торговле, базарах и т.д., хотя следует подчеркнуть, что связи с Египтом получили наиболее широкое развитие гораздо позднее, в конце XIII–XIV вв.

Тесные контакты поддерживались с Хорезмом. Ибн-Фадлан сообщает о женщинах-хорезмийках, которые снаряжают покойника-болгарина в последний путь. Очень важно, что эта культурная традиция переходит и в Болгарское государство. Естественно, важным является и то, что это влияние среднеазиатское, восточное сказывается и на традициях.

Несколько слов следует сказать и о развитии весовой системы. Весовая система в Болгарском государстве (через него произошло на первых этапах развитие весовой системы и Русского государства) связана с Востоком. Известная у татар весовая система – мискаль – пришла с Востока, хотя произошло это не в IX–X вв., а значительно раньше. Известно, что на территории Волжской Болгарии найдены монеты второго этапа, которые называют сасанидскими. А монет первого этапа (до н.э.) здесь совершенно не видно.

Сасанидская весовая система, в ее основе лежала атическая весовая драхма – 4,25 г, и мискаль составлял 4,26 г. Другая весовая норма, которая получила распространение в тот период – это вес в 409 г. Он на территории Болгарии, а затем и Казанского ханства у татар получила название вада. Интересно, что вес русского фунта составляет те же 400 г.

Таким образом, тесные торговые связи с развитыми мусульманскими странами определили особенности экономики, материальной и духовной культуры древних болгар. Соответственно в Волжской Болгарии перерабатываются все те достижения и ценности мусульманского мира, применительно к нашим местным историческим условиям.

КРЫМСКОТАТАРСКО-ИРАНСКИЕ СВЯЗИ В XVI–XVII вв.

Крымскотатарско-иранские связи до сих пор не стали предметом отдельного исследования, так как Крымское ханство рассматривалось как вассал Османской империи и крымскотатарская проблематика обсуждалась исключительно в зависимости от османско-иранских связей. Такая точка зрения, конечно, имеет право на существование, ведь совпадение интересов Порты и крымских татар с середины XVI в. становится очевидным, что, в свою очередь, определяет характер отношений Крымского ханства с сафавидским Ираном. Однако наличие двух факторов все же определяет необходимость самостоятельного исследования: с одной стороны, возрастающее значение России – развивающейся великой державы евразийского континента, а с другой стороны, постоянные в течение двух столетий попытки европейских держав создать за спиной Османской империи восточную союзную систему с центром в Иране. Цель моего доклада – сформулировать уже имеющиеся данные и наметить возможные направления исследований.

Для отношений Крымского ханства к Ирану не характерно острое противостояние, напротив, современные европейские источники рассматривали его как возможного члена антиосманской коалиции. Идея антиосманской коалиции во главе с Ираном, которая поначалу являлась любимой концепцией дипломатии находящегося под угрозой османского завоевания Венгерского королевства, затем была принята Габсбургами как план большой восточной лиги, однако инициативы создания коалиции исходили из Венеции, а больше всего от папского двора¹. Большой план заключался в том, чтобы окружить и остановить Османскую империю, для чего Венеция, венгерский и польский короли, а также крымский хан и персидский шах должны были заключить союз против общего вра-

га – османов. Движение европейских послов облегчали грузинские цари, без поддержки которых они не смогли бы попасть через Кавказ в Тебриз и Казвин. Среди союзников в самом двусмысленном положении находилась Польша, которая ни в коем случае не хотела воевать в одном лагере с крымскими татарами, с которыми имела множество противоречий. Польский канцлер считал, что “если Европа призовет на помощь такой народ, как татары, последует то же, что произошло, когда греческий император использовал против крестоносцев сельджуков, которые затем сели ему на голову”.² Таким образом, Польша терпела деятельность папских нунциев на своей территории, однако не проявляла никакой активности. В течение долгого времени определяющим мнением Польши относительно восточного союза было то, что “венецианцы своими переговорами хотят лишь избежать обязательств воевать с турками”.³ В течение XVI в. две определяющие европейские страны вышли из планируемой союзной системы. Польша после заключения в 1553 г. вечного мира с турками еще долгое время не выступала активно против османов, а Венеция заняла сходную позицию во второй половине века. Из бывших потенциальных союзников лишь Венгрия, вернее получившие Венгерское королевство Габсбурги, остались заинтересованы в построении союзнических отношений с находящимися за спиной Османской империи восточными государствами.

Существовала ли реальная возможность союза между европейскими христианскими державами и мусульманскими правителями? Вероятность согласованных военных действий была весьма невелика из-за больших расстояний. Дипломатические связи с отправкой послов, в первую очередь, пытались налаживать европейские державы, на что персы отвечали письмами, которые посылались большей частью с монахами европейского происхождения, а иногда с авантюристами с сомнительной репутацией.⁴ Европейские послы прибывали с севера с помощью поляков и грузин, а посланники шаха следовали более безопасным южным путем через Святую Землю и Средиземное море.

Подводя итоги рассмотрения антиосманских связей персидских правителей и европейских держав, можно согласить-

ся с мнением исследователя данного вопроса итальянским историком Барбарой Паломбини, которая считает, что поиск европейскими странами союзников на востоке в XVI в. можно оценить скорее как дипломатические попытки и защитные приемы. Все это принесло мало практических результатов, и хотя беспокоило османов, соотношение сил не изменилось. Эти отношения строились по принципу “враг моего врага – мой друг”, но несмотря на общую антиосманскую заинтересованность, они значили для сторон, в первую очередь, источник информации. Стоит отметить, что в христианских государствах никогда или очень редко возникал идеологический вопрос о допустимости союза с мусульманами, с шиитами Сафавидами и суннитами Гираями. Ответ на слабые сомнения папство нашло в XVI в., связав идею союза с персами с миссионерской деятельностью⁵.

Европейские и крымско-татарские источники не содержат данных о том, были ли в первой половине XVI века установлены непосредственные отношения между династиями Гираев и Сафавидов в рамках антиосманского союза. Все же несомненным косвенным доказательством устойчивых дипломатических связей двух стран является распространение в крымскотатарских грамотах миндалевидной печати, вероятно, под влиянием персидской канцелярской практики. Так как ни туркменская, ни османская, ни узбекская канцелярия не знала печати такого типа, она могла попасть в крымскотатарскую дипломатическую практику только под персидским влиянием в результате дипломатического сношения⁶. Печати миндалевидной формы впервые появляются в 1509 г. при Исмаил шахе и использовались еще в XVIII в. Это одно из направлений исследования, разработка которого с привлечением персидских источников обещает дать много нового⁷.

В последней трети XVI в. соотношение сил на евразийском континенте изменилось. После взятия поволжских татарских ханств вес России вырос, и она стала необходимым фактором при установлении союзнических отношений. Эти события тяжело отразились на престиже крымскотатарской династии Гираев, которые вели свой род от внучатого племянника Чингиз-хана Тукай Тимура, ведь значительная часть территорий

наследства чингизитов попала в русские владения. Это привело к тому, что Крымскому ханству требовалась все большая поддержка Османской империи, и в конце концов оно попало в полную зависимость. После того, как и Грузия в 1577 г. попала под османский протекторат, для европейских стран возросло значение России, ведь дорога на Персию теперь проходила по водному пути Москва – Казань – Астрахань. Кроме того, в борьбу Сафавидов и Османов за гегемонию на Кавказе включилась Россия и Крымское ханство. Геополитической предпосылкой этому явились противоречия между ханами Золотой Орды и персидскими владыками, возникшие еще в XIV в. из-за контроля над торговыми путями через Кавказ, а также владения Тебризом. Крымские ханы, считая себя наследниками Золотой Орды, начиная с 1540-х годов распространяют свое влияния на черкесские племена западного Кавказа. Одновременно с татарами персы продвигались на восточный Кавказ. В 1538 г. они захватили Ширван, и эта провинция на долгое время стала местом соперничества Османов и Сафавидов. Османы претендовали на эту провинцию по праву меча/силы, к тому же большая часть населения Ширвана принадлежала к суннитской ветви ислама, и это служило постоянным предлогом для османского вмешательства.

Воспользовавшись разгоревшейся после смерти Тахмаспша борьбой за престол, Османы взяли инициативу на себя и в 1578 г. начали войну против Персии. Война вспыхнула из-за установления полного контроля над торговым путем с севера на юг и затянулось до 1590 г. Не менее важной целью этой войны было воспрепятствовать персидско-российскому сотрудничеству, а также обеспечить связь со среднеазиатскими ханствами, которые будучи союзниками Османов служили для того, чтобы держать персов в шоке. В войну на стороне Османов вступили и крымские татары. Внешнеполитическое поле деятельности Крымского ханства с 1570-х годов значительно сузилось, а его военное значение, напротив, возросло. Османское командование нуждалось в крымскотатарских вспомогательных отрядах, которые выполняли задачи логистики и сохраняли завоевания османской армии, в то время, когда она отходила на зимний отдых. Охраняющие передовую линию врага крымские

татары часто попадали в зависимое положение, в результате чего в первые же годы войны два высокопоставленных руководителя крымского войска попали в плен⁸. Из братьев хана сначала в руки персов попал Адил Гирай, занимающий пост калги, а затем его младший брат Гази-Гирай.⁹

Воспользовавшись подходящим моментом, персидский правитель попытался изменить ориентацию Крымского ханства на дружбу с османами с помощью налаживания династических отношений. После того, как Адил-Гирай попал в плен, шах отправил письмо крымскому хану, в котором писал, что содержит калгу в собственном дворце в соответствии с его рангом, и готов выпустить на свободу, в обмен на определенные гарантии.¹⁰ Тут же он предложил заключить дружбу. Еще больший вес предложению придавала готовность шаха скрепить сотрудничество родственными отношениями, сделав Адил-Гирая своим тестем. Однако Мехмед-Гирай II уже не был в том положении, чтобы принять предложение, и переправил письмо шаха в Порту. В результате интриг казвинского двора Адил-Гирая затем обвинили в том, что он завел любовную интригу с сестрой шаха и приобрел слишком большое влияние на его жену Бегум-Хайрун-Неша, и за это вскоре казнили¹¹.

Судьба Гази-Гирая сложилась в персидском плену по-другому. Ценного пленника подарили наследнику персидского престола Хамза-мирзе. Хамза-мирза, осыпая молодого ханзаде милостями при своем дворе, пытался привязать его к себе и привлечь на службу. Однако, заметив его твердость, заключил в крепость Кахкаха/Аламут. Поворот в событиях произошел в 1584 г. В тот год Порты решила сместить хана Мехмет-Гирая II с его поста. Ряд поражений от персов турецкое командование приписывало недостаточной поддержке Крыма и лично хана. Безусловно, Мехмет-Гирай II и его войско с трудом переносили испытания зимовки и не раз возвращались в Крым без разрешения Порты. Поэтому Порты инициировала смещение хана, что вызвало в ханстве антиосманские выступления.¹² Под воздействием этих событий советники персидского двора предложили освободить Гази-Гирая из-под стражи, заключить династический брак и назначить его правителем Ширвана. Ханзаде сдержанно воспринял предложе-

ния, но, воспользовавшись большой свободой передвижений, бежал с тремя товарищами. После побега его карьера круто пошла вверх при поддержке османов. В 1588 г. султан Мурад III нашел его самым подходящим кандидатом на освободившийся крымский трон. На решение султана безусловно повлияла служба и последовательное поведение Гази-Гирая в персидской войне. Но не меньшую роль в назначении сыграло то, что благодаря своей образованности и исключительным музыкальным способностям, Гази-Гирай приобрел в Порте большую популярность и сильную поддержку. Самым влиятельным из его покровителей был Оздемироглу Осман-паша, бывший сердар персидского похода.

В качестве Крымского хана Гази-Гираю не пришлось воевать со своим бывшим пленителем, так как султан и шах вскоре заключили мир (1590 г.). На этом завершился полный заключений период жизни Гази-Гирая, однако время персидского плена стало определяющим и в его дальнейшей жизни. Во время плена он углубился в персидскую литературу и стал писать персидские стихи. Свои произведения он писал под псевдонимом Газаи или Хан Гази. Большая часть его литературного наследия не исследована. Среди его стихов осталось персидское четверостишие рубай, в котором он в вежливой форме отвергает вышеупомянутое предложение шаха. Однако эпические произведения (месневи) Гази-Гирая написаны на литературном языке его предков, на чагатайском. Известно о двух его крупных произведениях на языке чагатай. Одно из них называется *Gul ve Bulbul* “Роза и соловей”,¹³ другое эпическое произведение написано по образцу произведения Фузули *Beng* и *Bade* “Опиум и вино” и называется *Kahve* и *Bade* “Кофе и вино”.¹⁴ Последнее написано в 1603 г., когда он вместе со своим войском зимовал в Венгрии, поддерживая войну османов против Габсбургов (1593–1606). К сожалению, это произведение утеряно, о его существовании нам известно из хроник турецкого историка Ибрагима Печеви.

Любовь Гази-Гирая к литературе и его выдающуюся образованность признавали и его враги. Его современник венгерский историк Иштван Самошкёзи отмечает, что Гази-Гирай кроме родного татарского отлично владеет османско-турецким,

арабским и персидским языками, в каждый поход берет на-вьюченного книгами верблюда и ищет общества ученых.¹⁵

На рубеже XVI–XVII вв. папская дипломатия пытается организовать новый большой антитурецкий союз, в котором рассчитывали как на крымского хана, так и на персидского шаха, и даже на русского царя.¹⁶ Основной движущей силой союза были находящиеся в состоянии войны с османами Габсбурги, которые часто использовали содействие дипломатии трансильванского князя.¹⁷ Папская и габсбургская дипломатия снова попыталась включить крымских татар и персов в антиосманский союз и вела с мусульманскими властителями отдельные переговоры. В случае татарского хана цель заключалась в том, чтобы за материальное вознаграждение держать его вдали от венгерского театра военных действий или задерживать его походы так, чтобы он появлялся в Венгрии только по окончании настоящих военных действий поздней осенью.¹⁸ От персидского шаха ждали, чтобы он напал на османские территории с востока, в первую очередь на Кавказе, таким образом вынудив османское командование воевать на два фронта. Хотя в обработанных источниках не найдено указаний на то, что хан и шах принимали участия в согласованных действиях, однако основные цели европейской дипломатии были достигнуты.

В 20-х годах XVII в. в крымской политике явно проявляется персидская ориентация как одно из средств достижения независимости от Османской империи, которая связана с именами Мехмед-Гирая и Шагин-Гирая. Оба они принимали участие в анатолийском восстании против османов в начале века, однако в 1610 г. были прощены и заняли в ханстве высокие посты. Во время очередной борьбы за престол они проиграли ставленнику Порты, поэтому Шагин-Гирай бежал к персидскому шаху Аббасу I, на службе которого успешно сражался с крымскими войсками, которые поддерживали османов в новой войне против Персии.

После того, как его брат Мехмед-Гирай, ловко воспользовавшись связями в Порте, в 1623 г. все же стал ханом, он тут же призвал брата и назначил его на пост калги. Шагин-Гирай проводил открытую антиосманскую политику и на время даже

захватил важный для османов город Каффу. В 1625 г. он отказался от участия в начатом османами походе против персов.¹⁹ Однако поддержки персов оказалось для ханства недостаточно, и с 1628 г. на бахчисарайском троне вновь сидели зависимые от Порты ханы.

Подводя итоги, можно констатировать, что в свете исследованных источников можно выделить три основные области крымскотатарско-иранских отношений. На первом этапе до 1578 г. они оба рассматривались как потенциальные союзники христианской лиги, призванной остановить Османскую империю, однако вопрос о реальном содержании этих предположений можно решить только с привлечением персидских источников. На втором этапе наблюдаются неоднократные попытки с персидской стороны ослабить зависимость Крымского ханства от османов, вассалами которых оно стало, но эти династические попытки не дали устойчивых результатов. Начиная с 1628 г., двусторонние отношения однозначно определяются антиперсидской направленностью Крыма, связанной с доминированием османов.

Примечания:

1. О планах лиги Palombini 1968, о восточной дипломатии Венгерского королевства Tardy 1978, о роли западноевропейских государств, в первую очередь австрийских и испанских Габсбургов Neck 1952, Niederkorn 1993, 1996 и папства Pastor 1938. О воинственных событиях Allouche, 1983.
2. Palombini 1968, 33.
3. „die Venezianer wollten sich auf diese Weise nur von ihren Verpflichtungen zum Tiirkenkrieg freikaufen (Palombini, 1968, p.34).
4. Имена послов обеих сторон, их личность и деятельность подробно описаны у Niederkorn 1996.
5. „Die christlichen Mächte nie, oder nur ganz selten die Frage anschnitten, ob das praktieren mit Muslimen, mit den Siitischen Safawiden, erlaubt sei. Das Papstum fand in dieser Beziehung schliesslich Ende des 16. Jahrhundert insofern einen legitimen Weg, als er den Gedanken der Mission eng mit dem des Persienbiindniss verknüpfte.“ Palombini 1968, 119.
6. Знаки крымскотатарских ярлыков см.: Усманов (1979) и Ivanics (1992).
7. Много примеров в палеографии Fekete (1977).
8. Походы Сахиб Гирая описаны у Gokbilgin (1973). Хороший анализ походов у Некрасова (1990)

9. Истории попавших в плен Гираев описаны по турецким источникам Смирновым (1887, р. 479 ff.), Kutukoglu (1993, р.89ff), Kortepeter (1972).
10. Содержание письма персидского шаха к крымскому хану Mehmed Гираю II сохранилось в Muhimme Defterleri Istanbul, Ba^vekalet Osmanli Ar\$ivi, (8Re 987). Kutukoglu 1993, 103. n. l 11.
11. Известие о его смерти по турецким хроникам публиковал Kutukoglu, 1993, р. 103.
12. Печевци цитирует ответ хана на султанское письмо "Что же, разве мы османские бей что ли?...Я падишах, господин хутбы и монети – кто может смещать и назначать меня?" (Перевод Смирнова 1867, 438).
13. Печевци и после его и Халим Гирай и другие воспринимают Gul ve Bulbul переделкой произведения Фузули Nik и bed. "Добро и зло". Но такое произведение Фузули литератороведам не известно.
14. Pecevi Ibrahim, Tarih т. II. Istanbul 1866, 250–252.
15. Szamoskozy, IV. 1880, 208.
16. Pastor 1938, Niederkorn 1993 и 1996, Busev 1976.
17. Ivanics 1994b, Schwarz 2001, Ivanics 2000.
18. Ivanics 1994a.
19. По крымскотатарским хроникам, прощаясь с отъезжавшим Шагин Гирем, шах спрашивал: „А что, если падишах пошлет тебя, будешь ли ты с нами сражаться?“ На это Шагин Гирай отвечал: „Когда волк за-видит ягненка, достает ли у него терпения? Когда сокол (Шагин) за-видит голубчика, разве хватит ли у него сдержанности?“ (Перевод Смирнова 1867, 480.)

Литература:

- Allouche, Adel: The Origin and Development of the Ottoman-Safavid Conflict (906-962/1500-1555). Islamkundliche Untersuchungen, 91. Berlin, 1983.
- Palombini, Barbara von, Bündniswerben abendländischer Mächte um Persien 1453–1600. Freiburger Islamstudien, 1. Wiesbaden, 1968.
- Neck, Rudolf: Diplomatische Beziehungen zum Vorderen Orient unter Karl V. In: Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs, 5(1952), 63–86.
- Niederkorn, Jan Paul, Die europäischen Mächte und der „Lange Turkenkrieg“ Kaiser Rudolfs II. (1593–1606). Wien, 1993.
- Niederkorn, Jan Paul, Zweifrontenkrieg gegen die Osmanen. Iranisch-christliche Bündnispläne in der Zeit des „Langen Turkenkriegs“ 1593-1606. In: Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung 104(1996/3–4), 310–323.
- Pastor, Ludwig, Geschichte der Papste. Vol.IX., Kap.V. Bemühungen Klemen's VIII. zur Abwehr der Turkengefahr. Freiburg im Bresgau. 1938.

- Ivanics Maria, *The Role of the Crimean Tatars in the Habsburg-Ottoman War (1595–1606). The Great Ottoman Turkish Civilisation. I.* Ed. by Guler Eren, Ercument Kuran, Nejat Goyun, Ilber Ortaylk and Kemal, i, ek. Istanbul, 2000. 302-310.
- Ivanics Maria, *Die Beglaubigungsmittel der Krimtatarischen Urkunden.* In: *Proceedings of the 35nd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference.* Taipei, September 12-17, 1992. 175-182.
- Бушев П. П. *История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1596–1612 гг.* М., 1976.
- Tardy Lajos, *Beyond the Ottoman Empire. 14th-16th Century Hungarian Diplomacy in the East.* *Studia uralo-altaica* 13. Szeged, 1978.
- Шварц Искра (Schwarz Iskra), *Посольство Императора Рудольфа II в Персию (1602–1604 гг.) и пребывание послов в г. Казани. Великий Волжский Путь. Материалы круглого стола и международного научного семинара, Казань 28–29 августа 2002 г. – Казань 2001. – С.331-339.*
- Некрасов А. М. *Международные отношения и народы Западного Кавказа последнюю четверть XV – первую половину XVI в.* 1990.
- Fekete Lajos, *Einführung in die persische Palaographie. 101 persische Dokumente.* Hrsg. G. Hazai. Budapest, 1977.
- Kutukoglu Bekir, *Osmanli-Iran Siyasi Munasebetleri (1578–1612).* Istanbul, 1993.
- Kortepeter Carl Max, *Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and the Caucasus.* *New York University Studies in Eastern Civilization* 5. London–New York, 1972.
- Pecevi Ibrahim, *Tarih II.* Istanbul, 1283/1866.
- Ertaylan I. H., *Gazi Geray han – Hayati ve Eserleri.* 1958.
- Gokbilgin Ozalp, *Tarih-i Sahib Giray Han.* Ankara, 1973.
- Смирнов В. Д. *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века.* СПб., 1887.
- Новосельский А. А. *Борьба Московского государства с татарами в XVII веке.* 1948.
- Szamoskozy Istvan *torteneti maradvanyai. IV.* Budapest, 1880. 208.
- Ivanics Maria, *Der Bundnisplan zwischen dem Chan Gazi Giray II. und dem Fursten Sigismund Bathory aus dem Jahre 1598.* *Hungarian–Ottoman Military and Diplomatic Relations in the Age of Suleyman the Magnificent.* Ed. Geza David-Pal Fodor. Budapest 1994, 183-198.
- Усманов М.А. *Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.* Казань, 1979.

ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИСЛАМА В ПОВОЛЖЬЕ

В “Тарих-и Бейхак” Бейхаки есть сообщение о посылке правителем Булгара эмиром Абу Исхаком Ибрахимом ибн Мухаммадом ибн Б.л.т.варом в 415 г. х. (1024/1025 г.) в Бейхак, область Нишапура денег для строительства двух мечетей в Себзеваре и Хосровджерде. По словам Бейхаки, эмир булгар “послал много денег, послал удивительные дары для государя Хорасана, каких никто не видал...” по причине боговдохновенного сна, “что мол, следует направить некоторые деньги в Бейхак”. “В то время, – добавляет он, – те деньги потратили на построение этих двух мечетей”.¹

Понятно, что какие бы не были причины отправки посольства эмира булгар в Хорасан, факт этот сам по себе замечателен. Он указывает на регулярные религиозно-политические и культурные связи между Булгарией и государством Саманидов. В том, что это было, если и уникальное событие, то по своим масштабам, но не направленности. Например, в 1041/1042 (433 г.х.) “...человек из булгар – один из больших людей того народа – со свитой из пятидесяти человек, направляясь совершить хаджж” посетил Багдад. Показательно, что этого булгарского аристократа сопровождал человек Йа’ла ибн Исхак ал-Хорезми, по прозвищу “Судья”, который вел переговоры в халифском Диване (государственной канцелярии).²

Зарождение этих контактов следует отнести еще к IX-X вв. Кратким и в достаточной мере искаженным свидетельством этого служит упоминание в одном из своих сочинений арабского купца и дипломата из Андалусии (Испания) Абу Хамида Ал-Гарнати. Он приводит рассказ о начале Булгарского государства и первых его правителях. Особо следует подчеркнуть, что ал-Гарнати передает не просто услышанную им легенду, а пересказывает довольно близко к первоначальному тексту отрывок из прочитанной им книги “История Булгарии”, пере-

писанной (написанной ?) болгарским столичным кади Йакубом ибн Нугманом, т.е. вполне официальную историографическую традицию. “А смысл слова болгар”, – пишет андалусский путешественник, – “ученый человек”. Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину”. Далее он рассказывает о болезни эмира/царя болгар и его жены, их излечении этим факихом и о принятии болгарами ислама. Принятие ислама вызвало гнев царя хазар, который пошел на болгар войной, но был разбит, с помощью “больших мужей на серых конях” (“войска Аллаха, великого и славного”, как сообщает источник ал-Гарнати).³ Это, скорее всего, не первая версия этого сюжета, но единственная аутентичная, сохранившаяся в письменных источниках. Основная канва этого своеобразного “введения” в болгарскую историю состоит в том, что болгары приняли ислам в период существования Хазарского каганата (конец 970-х – начало 980-х гг.), и значительную роль в этом сыграли проповедники из государства Саманидов. Не случайны, видимо, были последующие контакты с Хорасаном и вообще со странами ислама Переднего и Ближнего Востока.

Исторически важнейшую роль в установлении долговременных связей Среднего Поволжья с Востоком сыграло возникновение и функционирование северного ответвления Великого шелкового пути. Еще с эпохи античности Старый Свет был опутан множеством торговых путей. Постепенно все они в той или иной степени были включены в историко-культурный коридор международного общения, который протянулся от Китая до Черного и Средиземного морей, впоследствии названный Великим шелковым путем. Около III–II в. до н. э. путь этот начал складываться по двум направлениям: “скифского” – от греческих колоний в Таврике (Южный Крым) и Тамани через нижнее течение Волги, плато Усть-Урт и Хорезм до предгорий Тянь-Шаня и “царской дороги” персидских царей от Сард (Малая Азия) до Персеполя (Передняя Азия). В период могущества Персидской империи другие “царские” дороги прочно связали земли Средней Азии, лежащие за Амударьей, которые персы называли Тураном, с Ираном. Древние торговые пути сомкнулись. Но здесь они не заканчивались. Именно в

конце II в. до н. э. они соединились с караванными путями, которые шли из Китая через пустыни и сухие степи Восточного Туркестана в Кашгар, далее разветвляясь на многие магистрали в Индию, Ближний Восток и Европу. Таким образом, Старый Свет был объединен от края до края единой системой торговых путей. Основными товарами, которые двигались по нему, были шелк, пряности, благовония и многое другое. Вряд ли правильно считать, что данная магистраль представляла собой единственную торговую артерию. Скорее всего, следует говорить об огромном историко-культурном пространстве, которое активно участвовало в торговых, экономических и культурных контактах, и по которому распространялись не только различные товары, но и знания, открытия и религии.⁴

Контакты Булгарии с Востоком развивались по сухопутному пути из Средней Азии (Хорезма) через Южный Урал в Булгарию, который и являлся северным ответвлением Великого шелкового пути. Именно этим путем двигалось посольство багдадского халифа с Ибн-Фадланом, и определенно существовал регулярный торговый караванный путь. Судя по имеющимся письменным свидетельствам, ислам к булгарам пришел вместе с торговцами и проповедниками из Средней Азии.

Северо-западная часть Евразии (включая и Среднее Поволжье, и Скандинавию) участвовала в этих контактах довольно эпизодически. Так продолжалось много веков. Однако с середины I тыс. н. э. ситуация изменилась. Бурное развитие производительных сил на севере Европы под влиянием римской цивилизации привело к становлению классового общества и дало толчок движению населения, которое получило в истории название “эпоха викингов”, суть которого было в становлении раннесредневекового общества и государства на обширных просторах Северной и Северо-Восточной Европы.

Значительную роль в этом сыграл также Балтийско-Волжский, или Великий Волжский путь. Естественную почву для пролонгации этого пути в восточном направлении создавали эпизодические контакты между Восточной Скандинавией и севером Восточной Европы вплоть до Прикамья и связи великих цивилизаций Средиземноморья и Передней Азии с Волго-Уральским регионом, зародившиеся еще в эпоху бронзы. Осо-

бенно активизировался этот путь с VII в., когда в регион начинает массово поступать сасанидская серебряная посуда, монеты и другие изделия. Одновременно в VII–VIII вв. начинает формироваться и северное направление этого пути из Скандинавии и Дании в устье Невы и далее на восток.

Уже к середине IX в. выход из Приладожья и Поволховья на Волгу, равно как и движение по Волге, были прочно освоены. Об этом свидетельствует появление вдоль пути торгово-ремесленных поселений и военных стоянок, где повсеместно в большем или меньшем количестве представлен скандинавский этнический компонент и монеты восточной чеканки. Практически все известные ныне поселения IX в. на севере Восточной Европы располагались на реках и озерах, образовавших магистраль или ее ответвления. Таковы Ладога, Городище под Новгородом, Крутик у Белоозера, Сарское городище под Ростовом, позднее – древнейшие поселения в Пскове, Холопий городок на Волхове, Петровское и Тимерево на Верхней Волге – самый восточный из известных ныне центров северо-восточноевропейского отрезка Балтийско-Волжского пути. Следующим крупнейшим пунктом был Булгар, столица Волжской Болгарии, непосредственно связанная с арабским миром. Здесь в X в. завершался путь большинства скандинавских купцов, ездивших на Восток, хотя некоторые из них достигали Каспийского моря и даже Багдада.⁵

Значение протяженных торговых путей не ограничивалось экономической сферой.⁶ Сложившаяся крупная магистраль являла собой отнюдь не просто дорогу, по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживавшие путешественников; пункты, контролировавшие опасные участки пути; места для торговли с местным населением (ярмарки) и т.п. Путь обрастал сложной инфраструктурой: системой связанных с ним комплексов, число и функциональное разнообразие которых постепенно росло. Одновременно происходило и расширение территории, в той или иной степени втянутой в функционирование торгового пути, откуда поставлялось продовольствие, а при возможности и товары, реализуемые в торговле. Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекал округу в сферу своей деятельнос-

ти, т.е. играл консолидирующую роль. Путь дальней торговли, таким образом, представлял собой более или менее широкую зону.

Включение в крупномасштабную международную торговлю служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие избыточного продукта требовалось теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение объема собираемых даней влекло за собой усложнение властных структур в регионе и, соответственно, усиление центральной власти.

Таким образом, в жизни севера Восточной Европы VIII–X вв. отчетливо вырисовывается главенствующая и организующая роль Балтийско-Волжского пути, открытие и функционирование которого являлось результатом деятельности скандинавских торговцев и воинов, с одной стороны, и мусульманских купцов и проповедников, с другой. В зоне пути возникают первые предгородские поселения, усиливаются процессы социальной дифференциации в среде местных разноэтничных племен, укрепляются старые и возникают новые потестарно-политические и раннегосударственные институты. Наконец, благодаря ему консолидируется обширная территория, на которой в середине – конце IX в. возникает первое раннегосударственное образование, во главе которого становятся булгары под предводительством Шилки. Однако на широкую историческую арену это этнополитическое объединение выходит при сыне Шилки, эльтебере Алмыше (910–920-е гг.).

Важным свидетельством формирования и территориально-распространения зоны Балтийско-Волжского пути являются клады арабских серебряных монет IX в. Они концентрируются вдоль рек, образовавших Балтийско-Волжский путь. В Среднем Поволжье они фиксируются с середины IX в. Это клады и находки монет из Альметьево (1906), Биляра (1857), Болгара (1905) и Большетарханского могильника. Все они относятся к первой волне монетного серебра, хлынувшего в Европу и выпавшего в клады около 840–860 гг. Причем клад из 150 дирхемов, найденный в 1906 г. у с. Старое Альметьево

(Элмед) близ Билярска (Татарстан), имеет две монеты с граффити. Одна из них идентична скандинавской руне s.⁷ Появление этого клада в глубине болгарских земель свидетельствует, по крайней мере, о двух фундаментальных закономерностях в истории Среднего Поволжья. Во-первых, о появлении и первых этапах функционирования сквозного пути от Скандинавии в Поволжье, а во-вторых, о том, что в IX в. в период формирования Булгарского государства существенную роль играл путь из Среднего Поволжья в Хорезм и Хорасан, как минимум, не уступая по своему торгово-экономическому значению поволжскому пути. Вместе с тем это прямое свидетельство включения Булгарии в мировую торговлю, где главенствующую роль играли скандинавы.

Скандинавов на мусульманском Востоке называли “русами”, и сведения о них сохранились у Ибн-Хордадбега и Ибн-ал-Факиха – авторов IX в., встречавших их в Багдаде и иранских провинциях халифата и, особенно Ахмеда Ибн-Фадлана – автора начала X в., описавшего колонию этих русов близ ставки правителя болгар на Волге. Все они свидетельствуют о том, что скандинавы-викинги осуществляли военные и торговые экспедиции по Волго-Балтийскому торговому пути в страны Востока. В Среднем Поволжье сохранились и археологические следы пребывания “русов”.⁸

В начале X в. движение варягов – русов (шведов в значительной части) по Волге активизировалось, причем действовать они начинают не только самостоятельно, но и в составе дружин Русского государства (походы Аскольда и Олега на Византию и Халифат). В 913 г. укрепившееся болгарское государство наносит поражение русам на Волге и подчиняет себе стихию варяжских дружин. Часть их продолжала торговлю по Волге, уплачивая правителю Булгарии пошлину, а другая – включается в среду болгарской знати.

Булгария была конечным пунктом караванов, но не товаров. Далее они двигались на судах и по суше на Русь и в Северную Европу. Булгария занимала в этой торговле ключевую роль, служа настоящим мостом между Востоком и Европой. Именно благоприятному положению в мировой торговле обязаны болгарские племена быстрому появлению оседлых по-

селений и союзов племен. Можно сказать, что богатства от международной торговли, как дрожжи, попавшие в тесто, вызвали бурное социальное брожение и появление государства.

Изначально болгарские племена попали в зависимость от Хазарии и вынуждены были платить дань, а их правители – отдавать каганам детей в заложники. Но к началу X в. экономическая мощь и политическая консолидация привели к созданию объединения трех наиболее сильных княжеств. Они повели борьбу за освобождение от власти хазар.

Знаменем и идеологией этой борьбы стал ислам. Дело в том, что язычество не в состоянии оказалось сыграть роль объединителя различных племен. Оно возникло в недрах веков как средство духовного осознания окружающего мира, служило ядром мифологии и регулировало внутреннюю жизнь племени. Для каждого общества они были особыми, поэтому никак не подходили для объединения племен в условиях становления надэтнической культуры государства. Кроме того, язычество никак не могло противоборствовать с хазарским иудаизмом.

Мусульманство начало проникать в Среднее Поволжье довольно рано. Практически одновременно с первыми купеческими караванами. На первых порах оно, видимо, конкурировало в среде знати с христианством (православными были первые ханы Великой Болгарии в Подонье – Органа, Кубрат и его сыновья) и иудаизмом (центром его распространения в Поволжье с начала VIII в. становится Хазария). Но уже в начале X в. ислам побеждает. Первые археологические следы ислама прослеживаются еще в языческих погребениях второй половины IX в. Танкеевского могильника, где обнаружены перстни с арабскими надписями, знаменую, очевидно, начальный этап проникновения ислама в среду болгарских племен.⁹

Победа ислама была в значительной мере предопределена наличием сильных мусульманских общин – выходцев из Средней Азии в Болгарии.¹⁰ Этот факт нашел отражение даже в официальной болгарской историографической традиции. В ее древнейшем варианте, сохранившемся, как уже было выше сказано, в труде ал-Гарнати, сообщается, что ислам эмиром болгар был принят после его излечения “одним факихом из Бухары”.

Вслед за этим в ислам перешло все население Булгарии и именно благодаря этому обстоятельству оно победило в сражении войско хазарского кагана. В другой, более поздней версии, дошедшей до нас в преданиях, записанных в XVIII – XIX вв., сюжет этот изложен более подробно и приписывает распространение ислама в Булгарии трем асхабам (сподвижникам) Пророка Мухаммеда. Один из них излечил дочь правителя от смертельного недуга и, женившись на ней, дал начало новой исламской династии. С точки зрения исторической реальности сюжет этот носит легендарный характер. Это было ясно уже такому реалистически мыслящему просветителю, как Ш. Марджани, подвергшему эту версию резкой критике. И он был прав. Однако зерно истины в этой легенде все же есть. По существу, это предание можно расценивать как попытку болгарских средневековых историков удревить корни своего правоверия и утвердить в среде населения Булгарии чувство превосходства над соседями, не способными претендовать на родство со сподвижниками Пророка.

Кроме того, как мы видим, ни одна официальная болгарская традиция не упоминает в связи с принятием новой религии багдадских халифов. И это не случайно. Сами болгары четко и недвусмысленно указывают, откуда пришел ислам в Поволжье и какие религиозные связи оставались для болгар актуальными на протяжении многих веков – Средняя Азия и Бухара. Недаром, первые болгарские монеты являлись подражаниями саманидскому чекану, вплоть до дат и центров чеканки (Бухара, Самарканд, Чач). Только, видимо, гораздо позднее эта традиция была переосмыслена, а приоритет в распространении ислама стал связываться не с анонимным бухарским факихом, а прямо со сподвижниками Пророка.

В чисто богословском аспекте, это играет важнейшую определяющую роль. Дело в том, что в IX–X вв. в Средней Азии, особенно при дворе Саманидов, наибольшее распространение получил ханифитский мазхаб (толк) ислама, в то время как в Багдаде утвердились мазхабы аш-Шафии и Ханбалия. По ряду замечаний Ибн-Фадлана, описывавшего “ошибки” религиозной практики болгар (особенности чтения хутбы, двойная икама, не упоминание имени халифа и т.д.), можно заключить, что

они следовали в ней как раз учению Абу Ханифы. Все это убедительно свидетельствует о приоритете среднеазиатского центра ислама на выбор веры у болгар.

Когда же состоялось официальное принятие ислама? Трудно ответить на него со всей определенностью, но, судя по целому ряду фактов, уже отец “малика болгар” Алмыша, завязавшего переговоры с багдадским халифом, был мусульманином. Ислам исповедывал и сам эльтебер (правитель) Алмыш и, определенно, часть его ближайших сподвижников (тот же Абдаллах ибн-Башту и др.) и подданных (например, клан баранджар имел даже свою деревянную мечеть). Все это заставляет думать, что ислам стал завоевывать позиции в Среднем Поволжье уже в IX в. и процесс этот совпал с резким увеличением торговой активности, появлением оседлых поселений и становлением у болгар ранней государственности. Остается, однако, неясным, почему правитель болгар, имевший такие прочные связи с державой Саманидов, отправил посольство именно в Багдад?

Очевидно, что такое решение было вызвано рядом обстоятельств. Булгария, состоявшая из трех крупных объединений племен, вступила в пору создания единого государства и стала тяготиться зависимостью от хазарского кагана. А она проявлялась во всем – и в обременительной дани, и оскорбительном захвате дочерей Алмыша в жены кагану, а фактически в заложницы, и даже в титуле, который носил Алмыш. Древнетюркский титул “эльтебер” означал зависимость его носителя от кагана – верховного правителя. Такое положение требовалось изменить. Но для прямого военного столкновения с Хазарией у Алмыша не было сил. Необходимо было искать союзников. Государство Саманидов им быть не могло по ряду причин: они вообще редко вмешивались в европейскую политику, поскольку их интересы были сосредоточены в Хорасане, кроме того, сама их империя переживала период неуклонного упадка и распада, который произошел уже в середине X в. Другой дружественной силы, которая могла бы помочь в борьбе с Хазарией, у болгар не было.¹¹

Тут и сыграли свою роль давние торговые и политические связи. Булгары знали, что мусульмане Багдада являются злей-

шими врагами хазар. Возможно, они даже знали арабские исторические труды о войнах арабов с хазарами в VIII в. или хотя бы рассказы о них. И хотя этот героический период религиозных войн остался для Халифата далеким прошлым, Амыш мог надеяться на возможность союза и взаимопомощи с Багдадом. Вполне возможно, что им двигало также желание заручиться поддержкой великой, как ему казалось, державы, способной поддержать его в противоборстве с каганатом. В ответ на такую помощь и политический союз правитель булгар был готов, как явствует из письма, даже сменить принятый у них мазхаб ислама на шафиитский!

Однако этого, судя по всем имеющимся источникам, не произошло. Но как бы то ни было, именно благодаря посольству багдадского халифа состоялось дипломатическое признание Булгарии, а исламская цивилизация раздвинула свои пределы далеко на север. С тех пор восточные дипломаты и историки стали пристальнее всматриваться в политические процессы, в бурлящей Восточной Европе, где появилось самое северное исламское государство – единственный и естественный союзник для любой восточной страны, имеющей интересы в Поволжье, и надежный торговый партнер для всех купцов, торгующих северными товарами. Со времени Ибн-Фадлана ни одно географическое сочинение уже не обходилось без упоминания булгар. Их описания вошли в традицию и сведения о них переписывались, дополнялись и изменялись, особенно, после того как Булгария окрепла и стала мощным средневековым государством. Развивались и крепили и ее связи со странами ислама. Теперь они стали приобретать стабильный и регулярный характер, становясь все более межгосударственными отношениями. Булгария и по форме, и по сути становится страной, включенной в мусульманскую цивилизацию.

Уже в начале X в. арабо-персидская историко-географическая традиция (Ибн-Русте, Истахри, Марвази, Гардизи и др.) фиксирует, что у булгар два города: Болгар и Сувар; в обоих городах – деревянные строения, соборная мечеть, живут там мусульмане по 10 тысяч человек в каждом городе; они сражаются с неверными.¹² Еще более выразительно о распространении и характере ислама позволяют судить могильники вол-

жских булгар, погребения которых совершены по мусульманскому погребальному обряду. Булгарские могильники как археологический источник были скрупулезно и всесторонне проанализированы исследователями, что позволяет опираться на их выводы по этой проблеме. Они позволяют сделать вывод о начале распространения ислама в Булгарии в конце IX – начале X вв., о полной и окончательной победе мусульманской погребальной обрядности в среде горожан в первой половине X в., а в отдельных регионах во второй половине XI в.¹³ При этом особо следует подчеркнуть, что с рубежа X–XI вв. языческие могильники на территории Булгарии уже не известны. В настоящее время открыто примерно 59 могильников по всей территории Булгарии (Предволжье, Предкамье, Западное и Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан), на которых вскрыто более 970 погребений, совершенных по мусульманскому обряду и при этом не обнаружено ни одного не только могильника, но даже и единственного языческого погребения. Все эти факты весьма ярко и недвусмысленно свидетельствуют о повсеместном распространении ислама и глубине его проникновения в народную культуру.

Кроме того для булгарских археологических памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. Например, среди остеологических материалов из Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. (всего обнаружено 9606 костей) их вообще не выявлено, нет костей свиньи и на других памятниках.¹⁴ Редкие исключения только подтверждают общее правило. Так, при раскопках Билярского городища (1974–1977 гг.) обнаружены отдельные кости свиньи, которые концентрируются близ усадьбы русского ремесленника.¹⁵ Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи, как среди материалов городских, так и сельских поселений, учитывая факт широкого распространения свиноводства в более ранний исторический период и в соседних с Булгарией регионах, позволяет сделать вывод о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаний и запретов ислама.

Уникальным свидетельством распространения ислама в городах булгар следует признать открытие деревянной и бе-

локаменной мечети на Биярском городище – древнем городе Бияре.¹⁶

Став мусульманской страной и восприняв культуру, Булгария вошла в исламскую цивилизацию. С этого момента связи ее со странами Переднего и Ближнего Востока стали постоянным фактором истории. Эти обширные и активные контакты оставили множества материальные свидетельства в виде многочисленных археологических находок. Среди них фрагменты хорасанской поливной посуды, стеклянных и каменных бус, серебряной и бронзовой посуды, украшения, предметы роскоши и бытовые изделия.¹⁷ Одной из характерных находок является ближневосточный бронзовый замок с арабской надписью: “Работа Абу-Бекра сына Ахмеда. Постоянная слава и мирный успех, и счастье всеобъемлющее, и благосостояние (да будут) владельцу сего (замка)! В летосчисление пятьсот сорок первого года” (1146/1147 г.)¹⁸. Недаром в бытовой культуре булгар, которую исследуют археологи, находят огромное количество параллелей именно с бытовой культурой мусульманского Востока (бронзовые замки, посуда, украшения, светильники и т.д.), а также, особенно, предметами характеризующими “высокую культуру” (письменные принадлежности, детали от книжных обложек и т.д.). Кроме того, в культуре булгар с X в. появляются предметы с арабскими надписями с кораническими формулами, возможно, молитвами.¹⁹

Видимо, связи Булгарии с мусульманским Востоком стали довольно обычными и постоянными, поскольку отнюдь не каждое посольство булгар находит отражение в письменных источниках. Однако сообщение о посылке денег правителем булгар на постройку мечетей в Хорасане было выдающимся событием, показывая все возрастающий авторитет булгар не просто как страны только обретающей ислам, но уже распространяющей его. Одновременно оно показывает направленность культурно-информационных связей Булгарии, ориентированной не на Запад, но на Восток, откуда она черпала духовные богатства.

Все это позволяет, таким образом, говорить о регулярных и активных политических, экономических и религиозных связях между Булгарией и Передней Азией и Ближним Востоком

в период VII-XIII вв., которые предопределили принятие тюрками Поволжья ислама и включению их в исламскую цивилизационную ойкумену. В последующий период в период монгольских государств отношения между этими регионами продолжали развиваться, но в других условиях.

Примечания:

1. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – Т. II. – М., 1967. С. 46.
2. Халидов А.Б. Сообщение арабской хроники XII в. о посольстве их Булгара в Багдад // Марджани: наследие и современность. – Казань. 1998. – С. 82.
3. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). / Публ. и коммент. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. – М. 1971. – С. 31.
4. Радкевич В.А. Великий шелковый путь. М., 1990; Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М., 1994; Петров А.М. Великий шелковый путь. О самом простом, но мало известном. М., 1995.
5. Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы // Восточные источники по истории народов Восточной Европы. М., 1964. С. 19–28; он же. История Ширвана и Дербенда. М., 1963; Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989; Мельникова Е.А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Казань, 1999. С. 80–87.
6. Polany K. Primitive, Archaic, and Modern Economies / G. Dalton. Boston, 1968; Trade and Market in the Early Empires / K. Polany. Glencoe, 1957; Брюсов А.Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // Советская археология, 1957. Вып. XXVII. С. 14–28.
7. Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. № 1.
8. Измайлов И.Л. К вопросу о булгаро-скандинавских контактах // Билляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991. С. 130–138; он же. Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории 11–14 мая 1999 г. Пушкинские горы. СПб., 2000. С. 70–86.
9. Казаков Е.П. Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // Сов. Археология. 1985. № 4. С. 178–182; он же. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.

10. Zimonyi I. *Volga Bulgars and Islam* // *Bamberger Zentralasienstudien* (Konferenzakten ESCAS IV Bamberg 8-12. Oktober 1991. Ingeborg Baldauf, Michael Friederich (Hrsg.) (Islamkundliche Untersuchungen. Band 185). S. 235–240.
11. Новосельцев А.П. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М., 1990. С. 196–199.
12. Заходер Б.Н. *Каспийский свод сведений о Восточной Европе*. Т. II. М., 1967. С. 36–37.
13. Халикова Е.А. *Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в.* Казань, 1986. С. 137–152.
14. Петренко А.Г. *Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967–1971 гг.* // *Исследования Великого города*. Отв. ред. А.Х. Халиков. М., 1976. С. 228–239; он же. *Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг.* // *Новое в археологии Поволжья*. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1979. С. 124–138;
15. Петренко А.Г. *Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья*. М., 1984. С. 66–69.
16. Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. *Исследование комплекса мечети* // *Новое в археологии Поволжья*. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1979. С. 21–45.
17. Даркевич В.П. *Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья*. М., 1976.
18. Малов С.Е. *Замок из Билярска с арабской надписью* // *Записки Коллегии Восточников*. II. Казань, 1922.
19. Казаков Е.П. *Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным* // *Сов. Археология*. 1985. № 4. С. 183–184.

ТОРГОВЛЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА И ПРИНЯТИЕ ИСЛАМА БУЛГАРАМИ

В отечественной и зарубежной историографии давно признана важная экономическая роль, которую сыграл Великий Волжский путь в истории Европы, после того, как арабские завоевания прервали существовавшие еще с античных времен маршруты из Средиземного моря на восток. Особенно большую роль они играли в экономическом и социальном развитии Древней Руси, скандинавских стран и народов Поволжья, откуда в большом количестве поступало восточное серебро, используемое в зарождающемся денежном обращении и в ювелирном производстве. Однако возникновение этого пути имело и другие не менее значительные последствия, в первую очередь, для социально-экономического и социально-политического развития Восточной Европы.

Еще с эпохи античности Старый Свет был опутан множеством торговых путей. Постепенно они все в той или иной степени были включены в историко-культурный коридор международного общения, который протянулся от Китая до Черного и Средиземного морей и который впоследствии будет назван Великим шелковым путем. Около III–II вв. до н.э. путь этот начал складываться по двум направлениям: скифский – от греческих колоний в Таврике (Южный Крым и Тамань), через нижнее течение Волги, плато Устьюрт, Хорезм до предгорий Тянь-Шаня. Второй (так называемая царская дорога) от Сарт в Малой Азии до Персеполя в Передней Азии. В период могущества персидской империи другие царские дороги прочно связали земли Средней Азии, лежащие за Амударьей, с Персеполем и основными иранскими провинциями.

Древние торговые пути, таким образом, сомкнулись, но на этом они не заканчиваются. Именно в конце II в. до н.э. они соединились с караванными путями, которые шли, в свою оче-

редь, из Китая через пустыни и сухие степи Восточного Туркестана в Кажгар. Далее разветвлялись на многие направления и соединялись с торговыми путями, которые шли из Европы.

Таким образом, Старый Свет оказался объединен от края до края единой системой торговых магистралей. Основными товарами, которые двигались по нему, были шелк, пряности, благовония и многое другое. Вряд ли правильно считать, что данная магистраль представляла собой единственную торговую артерию. Скорее следует говорить об огромном историко-культурном пространстве, которое активно участвовало в торговых, экономических, культурных контактах и по которым распространялись не только различные товары, но и знания, открытия, религии.

Долгие века северо-западная часть Евразии, включая Среднее Поволжье и Скандинавию, участвовала в этих контактах довольно эпизодически. Только с середины I тыс. н.э. ситуация изменилась. Бурное развитие производительных сил на севере Европы под влиянием римской цивилизации привело к становлению классового общества и дало толчок к движению населения, которое получило в истории название эпохи викингов. Суть его была в установлении раннесредневекового общества и государств на обширных просторах северной и северо-восточной Европы.

Путь этот зародился в Дании и через различные этапы соединился с Волжским путем, который начинает приобретать особо важное значение в VIII–IX вв. При этом, очевидно, как показывают исследования Старой Ладogi, этот путь стал своеобразным открытым окном из Европы на Восток, в Восточную Европу. По этому пути, в первую очередь двигались различные товары, а с Востока куфические и саманидские дирхемы. Практически все известные поселения IX в. на севере Восточной Европы располагались на реках и озерах, образовавших Балтийско-Волжскую магистраль.

Одним из крупнейших пунктов на этом пути был Булгар – столица Волжской Болгарии, которая была непосредственно связана с арабским миром. Здесь в X в. завершался путь большинства скандинавских купцов, ездивших на Восток, хотя некоторые достигали и Каспийского моря и даже Багдада.

Вместе с тем, значение протяженных торговых путей не ограничивалось только экономической сферой. Сложившаяся крупная магистраль являла собой отнюдь не простую дорогу, по которой проходили караваны купцов. Вдоль нее вырастали поселения, обслуживающие путешественников; пункты, контролировавшие опасные участки пути; места торговли с местным населением, ярмарки и т.д. Путь таким образом обрастал сложной инфраструктурой, разнообразие которой и набор услуг, предлагаемых населению, постепенно рос. Одновременно происходило расширение территории, в той или иной степени втянутой в функционирование торгового пути, откуда поставлялось продовольствие и товары, которые реализовались в этой торговле.

Путь концентрировал и стягивал окружающие территории, вовлекая в сферу своей деятельности, т.е. играл важную консолидирующую роль. Путь представлял собой более или менее широкую зону. В этой зоне протекание основных экономических и социальных процессов определялось требованиями дальней торговли или контроль над отдельными участками пути позволял знати и социальной верхушке того или иного участка концентрировать денежные и другие средства. С одной стороны, это вело к ускорению имущественной и социальной дифференциации как общества в целом, так и знати.

С другой стороны, вызывало перемещение знати к ключевым пунктам торгового пути и ее сосредоточения в уже возникших или вновь создаваемых поселениях, которые приобретали положение не только торговых и ремесленных, но и административных центров. Как доказательство этого – доклад А.Н.Кирпичникова, который показал, как Ладога из торгового поселения становится княжеским городом и даже столицей Северной Руси.

Чрезвычайно разветвленная речная сеть северо-восточной Европы способствовала формированию вокруг нее широкой зоны. В целом надо отметить, что важность пути для Восточной Европы определяется тем, что она создала условия для соединения двух потоков – скандинавских купцов и воинов, с одной стороны, и восточных мусульманских купцов и проповедников, с другой. Благодаря их деятельности и существова-

ла в начале IX в. эта сквозная торговая магистраль, которая протянулась от Скандинавии до Передней Азии. Важнейшим доказательством существования этого пути являются клады монет. Они известны в большом количестве и своеобразным пунктиром очерчивают эти торговые магистрали.

Несомненно, что путь, который возникал в Скандинавии, и его этапы представляют собой достаточно сложный период. Мы еще не до конца знаем все этапы формирования этого пути. Сам путь зависел от многих условий, в том числе от политической и экономической конъюнктуры. Необходимо наложить друг на друга периоды политической и военной активности на периоды подъемов и спадов международной торговли. При таком наложении мы выявим критические точки развития Волжского пути.

Среди них можно выделить один очень интересный период конца IX – начала X в. Интерес к этому периоду связан с тем, что в этот период Хазарский каганат перекрыл дорогу для руссов для прямой торговли с Востоком. Это так называемая торговая блокада Хазарии вновь образованному на берегах Среднего Днепра государству, которое получило название Русь. В результате этого произошло перенаправление торговых маршрутов, и они из Волжской Болгарии направляются по сухопутному пути в Хорезм. В результате этого произошло резкое усиление Волжской Болгарии, которое привело к целому ряду последствий: и к возникновению Болгарского государства, и к принятию ислама, и целый ряд других факторов.

Начало функционирования болгаро-скандинавских отношений относится к 840-м годам. К этому периоду относится клад из 150 восточных дирхемов, первой волны монетного серебра из Халифата в Скандинавию. Еще большее скопление монет этого типа чеканки (в первую очередь это были монеты северо-африканской чеканки) относятся к району современной Ленинградской области. Это Петергофский клад и сконцентрированные вокруг него клады и клады в Скандинавии. Болгары в этот период только начинают вступать в мировую торговлю, что привело к резкому ускорению их социально-экономического развития. В начале X в. движение руссов, шведов в значительной части по Волге активизировалось.

Действовать они начинают не только самостоятельно, но и в составе дружин Русского государства. В 913 г. укрепившееся Болгарское государство наносит поражение руссам на Волге и подчиняет себе стихию варяжских дружин. С этого времени происходит стабилизация отношений болгар с руссами. Часть из них продолжала торговлю по Волге, уплачивая, как это отмечает Ибн-Фадлан, правителю Болгарии пошлину. А другая – включается в социальную структуру болгарского общества, как это можно заметить на примере археологических материалов из Бальмерских курганов.

Некоторые дружины привозили в Скандинавию знания о стране Болгарии и даже о восточных странах. Судя по данным Ибн-Фадлана, вокруг ставки правителя Болгара Алмыша существовало даже особое поселение руссов.

Кульминация связей между руссами и булгарами достигает в 985 г., когда в Восточной Европе утверждается 2 феодальных государства – Русь и Болгария, которые заключают между собой мирный договор. С этого момента связи болгар и скандинавов переходят в ранг межгосударственных отношений. Мировая торговля при этом резко сокращается, монетные потоки иссякают. Начинается безмонетный период, и гораздо большее значение приобретает торговля сельскохозяйственной и ремесленной продукцией.

Дальняя торговля этого времени – это предметы роскоши и те товары, которые, к сожалению, археологически почти не фиксируются, – шелк, пряности, бумага, рабы и т.д. Можно констатировать, что булгары и руссы сыграли интересную и важную роль в становлении Великого Волжского пути в этнокультурных и торгово-экономических взаимодействиях в Европе.

ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Местоположение Старой Ладogi – это река Волхов, Ладожское озеро. Это северная часть Великого Волжского пути. В VIII–X вв. Ладoge принадлежало лидирующее место среди населенных пунктов, которые располагались на этом пути, не слишком часто и не слишком населенно. Это отдельный и важный участок гигантского пути от Багдада до Британии. Северный участок Великого Волжского пути занимал положение на 12 км вглубь от Ладожского озера. В него входили: Балтийское море, Финский залив, река Нева, Ладожское озеро, ниже – река Волхов, Нижний Новгород, озеро Ильмень и далее происходила развилка на 2 части – на Волгу и Днепр. Ладoga находилась на совмещении этих двух путей.

Старая Ладoga основана в 753 г. Дата эта археологическая, ни в одном письменном источнике она не упоминается. Первые постройки здесь возникли на материке в 753 г., что и дало нам повод отметить юбилей Старой Ладogi в 2003 г. как 1250 лет. Скажу по секрету, что наша экспедиция мечтает эту дату “удревнить”. Мы сейчас работаем в раскопе на уровне IX в. и надеемся найти более древние слои. Возможно, будет более древняя дата, потому что в Ладoge встречается много находок конца VII – первой половины VIII в. Я думаю, что это не случайно, но принятый на государственном уровне юбилей остается в силе.

Сама Ладoga возникла на водном пути. Вокруг болота, леса, поэтому главная магистраль и главный путь только водный, Ладoga окружена могильными холмами и сопками. Сейчас Ладoga – это деревня. Мы этому обстоятельству радуемся, потому что нет искажения культурного слоя, нет домов. В центре находится каменная крепость, река Ладожка и река Волхов. Культурный слой (VIII–X вв.) на территории 12 га. Мы раскопали 2% этого слоя, так что место в плане археологических раскопок очень перспективное.

Что же представляет Ладога сегодня? Взглянем на топографию Ладоги. Это излучина Волхова, где находится крепость, по берегам рек расположен поселок. Он и сегодня растянулся на 1,5 км, как и в древности. Границы Старой Ладоги, в принципе, сохранились. Это достаточно редкий случай, когда современное поселение сохраняется в тех же масштабах, каким оно было 1000 лет назад.

По берегам реки Ладоги находятся погребения. Это загадочные могильные холмы-сопки, погребения первых поколений ладожан. Ученые спорят: кто в них похоронен, какая это традиция – славянская, балтская, скандинавская? Вопрос до конца не решен, но ключ к пониманию этих памятников есть. Кстати, подобные холмы-сопки также распространены и на территории Новгородской области. Есть мнение, что они впервые изобретены на берегах Ладоги. Ключ к их пониманию – хорошая видимость со стороны реки. Когда люди уезжали или приезжали в Ладогу с торговыми или иными целями, они видели погребения своих родственников, родичей, соплеменников и отдавали им какие-то почести. Они должны были быть видны путешествующим по воде.

Центр Ладоги вбирает в себя руины каменной крепости с церковью Георгия. В Ладоге в середине XII в. был строительный взлет, было построено сразу 6 каменных церквей, когда на Новгородской земле каменное строительство в этот период прекратилось. В данном случае уместна аналогия, как при Петре I. В свое время в Петербурге строили каменные дома, тогда как в целом в России каменное строительство прекратилось.

В XII в. Ладога перестала быть центром международных связей. Ее расцвет приходится на VIII–X вв., когда она является важным международным торговым центром, центром этнического сотрудничества многих народов – финнов, скандинавов, славян. Это место встреч людей с Востока и Запада, место торговли, место, где приобретались лучшие меха того времени. Так сообщают арабские источники. В Ладоге был гигантский пушной рынок обширного экономического значения. В первые века раннего средневековья Ладога могла влиять на какие-то события, связанные с Восточной Европой, с Вели-

ким Волжским путем, представляя его закономерную географическую часть.

Ладожская крепость в свое время была отреставрирована, но в последние десятилетия она оставалась заброшенной; может быть, постепенно ситуация изменится. В церкви Георгия сохранилась интересная фреска – “Чудо Георгия о змие”, повествующая о том, как этот святой усмиряет змея, который хотел “сожрать” царевну, а усмирил его Георгий не копьем, а словом. Это признак добра, молитвы; достаточно интересная трактовка святого, который одновременно был и патроном церкви каменной крепости.

Во время археологических работ мы видели три постройки XVI в. с мощными стенами 8-метровой толщины, хотя и в частично руинированном виде. В основе этого сооружения оказались предшествующие памятники – остатки крепости XII в., найденные на одном из участков крепости. Это большая редкость. Большинство предшествующих укреплений были деревянными, а тут возникла каменная цитадель. Она имеет летописную дату – 1113 г. Ее построил последний самодержец Киевской державы князь Мстислав Великий, очевидно, в целях обороны от северных набегов.

Мы ее успели законсервировать. Вообще, археологи редко заботятся о судьбе раскопанных объектов, так как потом они переходят в руки архитекторов, реставраторов, но нам удалось нижнюю часть XII в. законсервировать. Таков наш подарок местному музею-заповеднику, который был создан в 1984 г. по инициативе нашей Старо-Ладожской археологической экспедиции. Музей-заповедник имеет всесоюзный статус, подтвержденный экс-президентом России Б.Н.Ельциным. Все памятники Старой Ладogi находятся под охраной государства как памятники федерального значения.

Рядом с крепостью находится знаменитое Земляное городище. Там нет никаких построек. Городище – это достаточно неточное название, потому что это валы, насыпанные в XVI в. во времена Ивана Грозного. И они, как подушкой, накрыли культурный слой, законсервировали его. Главный плацдарм археологических работ находится именно здесь. Это площадка размером 200 на 300 м. Здесь в 1909 г. найдены остатки

деревянного города. Для своего времени это было сенсацией. Считалось, что деревянная Русь уже исчезла безвозвратно. И вдруг нижние части построек уцелели, обнажив белую древесину дерева. Вообще из-за повышенной влажности здесь прекрасно сохраняются органические материалы – дерево, войлок, ткань, кожа; имеется прекрасная возможность для исследований, где культурный слой от 3 до 5 м с чередующимися напластованиями. Такие встречаются во Пскове, Новгороде, Белоозере и в некоторых других северных городах, но слоев VIII–IX вв. такой отчетливости мы не находим, кажется, в Восточной Европе нигде. Я имею в виду территорию Древней Руси, поэтому Ладога для нас редчайшее место, полигон для изучения начальной культуры Руси, сложения городской цивилизации, международных связей, в том числе по Волжскому, а потом и по Днепровскому пути.

Вы видите один из типов домов, сохранившихся на раскопках. Нижнюю часть дома можно хорошо представить. Это двухчастная постройка, в центре которой расположен очаг, колонны, поддерживающие кровлю. Это отапливаемое помещение, но есть и своеобразный холодный вестибюль. Такие двухчастные дома сохранились (дома пятистенки – так они до сих пор называются в русской этнографии). Для сравнения предлагаем вам дома в Норвегии – тоже двухчастные дома, которые сохранились там на хуторах и до сих пор представляют музейную редкость. Но в Норвегии они возникли позже, домов VIII в., как в Ладоге, у них нет; они существуют в поздней крестьянской жизни в Норвегии. Это как бы реконструкция ладожской постройки – земляная кровля, низкое помещение, внутри очаг.

Ладога началась с яркого взлета ремесла. Прямо на материке мой коллега Е.А.Рябинин нашел клад из 28 инструментов. Они, конечно, привозные, но откуда – не известно: разного типа клещи, зубила, молоточки, сверла и т.д., что является свидетельством высокопрофессионального ремесла.

Интересны находки из янтаря. Он не местный, привозной, его привозили частично в необработанном виде. Янтарь отбивали и делали круглые шашки, а из них – бусы. В Ладоге в каждом доме обнаруживаются следы ремесла. Чем занимались горожане? Это своеобразный город мастеров женской

бижутерии. Бусы, костяные изделия и т.д. находятся в каждом доме. Видимо, янтарные и другие украшения имели хороший сбыт в окрестностях Ладоги, а кое-что шло на вывоз.

Есть литые вещи из латуни, которые имитировали золото. Мастер, очевидно, был скандинав, потому что Ладога в 862 г. впервые упоминается как место, в которое был приглашен скандинавский выходец Рюрик. К этому времени Ладога существовала уже 100 лет, и только через 100 лет она стала первым местом, куда пришел основатель династии. Мы вправе назвать это место столицей.

Времена Рюрика и его преемника Олега представлены уникальными находками: фибулой черепаховидной с плетеным орнаментом, булавкой для бус. Все эти вещи редки не только в Ладоге и на просторах Восточной Европы, но даже на родине этого стиля – Скандинавии, а черепаховидных фибул у них вообще нет. Таким образом, это позволяет сделать вывод, что Ладога не провинция скандинавского искусства, а место, где отливались высокопрофессиональные вещи во времена первых нормандских властителей, появившихся в России.

Рядом с этими уникальными находками и незатейливое бронзовое кольцо второй половины IX в., признак славянского убора. Височное кольцо на тесемке, свисающее с висков. Появилось оно в Болгарии на Дунае уже в VI в., потом кое-где встречалось в России, а здесь эти находки демонстрируют сожительство двух этносов в том же слое, на расстоянии 3 м друг от друга.

Еще одна из найденных вещей – печать XI в. Сейчас в Ладоге открыт музей археологии, куда попали все предметы, найденные во время археологических раскопок. Печать византийская с греческой надписью следующего содержания: “Богородица помоги рабу твоему Митрополиту Леону из (?)” (город в Малой Азии). Среди тысяч свинцовых печатей, которые подвешивались к документам, это одно из самых реалистических изображений Богородицы с младенцем. Предполагаем, что она воспроизводит аналогичную исчезнувшую при крестоносцах икону в Константинополе. Потом этот образ был широко представлен в византийском и русском искусстве. Перед вами одно из первых изображений этой печати.

Археологические раскопки на Старой Ладогe продолжаются и сейчас. В последнее время найдены остатки большого купеческого дома с большим очагом. Он раскопан частично. Есть обходная галерея вокруг центрального сруба. Его подлинныe размеры – 10 на 16 м. Мы бы никогда не узнали, что это такое, если бы не обратились к описанию Ибн-Фадлана. Он в своих сочинениях описывает купеческое общежитие. Торговцы-руссy строят большиe дома на территории Среднего Поволжья, в доме их может быть 10–20 человек, а с ними девушки. Далее Ибн-Фадлан описывает открытые нравы той эпохи.

Этот дом может быть восстановлен. Несомненно, что такие дома существовали в Булгаре, в Среднем Поволжье. Он может быть восстановлен в качестве музейного объекта не только в Старой Ладогe, но и в казанских заповедниках. Его особенность – очаг длиной 3 м. Доски – прекрасный образец вторичного использования корабельных досок.

Следующие находки – янтарная лампа, всевозможные бусы, которые в огромном количестве находятся в Ладогe. Это все предметы X в. В одном месте обнаружена целая коллекция бисера (2500 штук). Очевидно, торговая партия. Стекло это не подвергается коррозии. Там же гребни, которые были символом свободного человека. Они делались во Фрезии (нынешняя Голландия), в Скандинавии; и в самой Ладогe встречаются отходы бисерного производства.

Общество Ладоги состояло из людей, которые обладали какой-то экономической самостоятельностью. Среди жилищ богатых комплексов нам не встретилось. Не было ни бедных, ни богатых. Создается впечатление, что это был город мастеров. Конечно, были прослойки зажиточных людей, элиты, но в целом горожане представляли средний класс.

Обнаружена во время раскопок каменная форма с канавками. Археологи думали, что она для отливки бронзовых палочек, служивших сырьем для изготовления украшений. И опять помогли записки Ибн-Фадлана. Он пишет, что у руссов кроме дирхемов в качестве денежной единицы были стандартные платежные слитки. Они принимались на вес. Мы нашли форму для разных слитков. Московские археологи

восстановили, что они предназначались для слитков 30, 40 и 50 г. Они найдены и в Новгороде, встречаются в некоторых местах по Балтийскому морю.

Во время раскопок встречаются достаточно редкие вещи. Здесь присутствуют люди, которые пристально занимаются восточными культурами. Это вставка из горного хрусталя с арабской вязью, зеркальная, необходимая для запечатывания товара или документа с сурой из Корана: "Да поможет мне Аллах, и только на него одного я надеюсь". Это след восточного путешественника или купца. Все находки X в.

На этом своеобразный обзор по Старой Ладогe позвольте завершить. А в заключение несколько предложений, касающихся проекта "Великий Волжский путь".

Первое: поскольку в Старой Ладогe работает группа преподавателей и студентов из Казанского университета, я прошу поддержать идею продолжения сотрудничества с руководством Татарстана, Казани и КГУ и в дальнейшем.

Второе предложение: по итогам всех наших прошедших конференций и двух будущих этапов стоило бы издать сводную книгу, которая бы аккумулировала все наши изыскания. Мы опубликовали бы принятые документы, в том числе и "Иранскую декларацию", резолюции по каждому этапу конференции. Предлагаем издать книгу к моменту празднования 1000-летия Казани. Там были бы и культура, и современная экономика, и бизнес. На эту книгу уже практически найдены спонсорские деньги.

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БОЛГАРСКОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА

Археологические исследования Болгарского городища, которое располагается в Спасском районе Республики Татарстан, на левом берегу р. Волги в 30 км ниже устья р. Камы, имеют длительную историю. Первые раскопки на его территории проводились в 1864 г. известным востоковедом В.Г.Тизенгаузенем в урочище “Бабий бугор”, где были зафиксированы остатки древних погребений. Почти до 40-х гг. XX столетия работы на памятнике носили спорадический характер – то затухая, то возобновляясь вновь, хотя в их проведении участвовали многие известные ученые, среди которых можно назвать М.Г.Худякова, В.Ф.Смолина, А.С.Башкирова и др.

Планомерные и систематические археологические исследования территории этого большого городища (а его площадь составляет около 400 га) начались с 1938 г.: до 1973 г. под руководством выдающегося советского археолога Алексея Петровича Смирнова, а затем, до середины 80-х гг. – его ученицы Тамары Александровны Хлебниковой. В разные годы многие исследователи из разных научных центров нашей страны внесли вклад в эту огромную работу. История этих работ и их значимость хорошо известны. Они позволили исследовать и реконструировать страницы жизни одного из самых значимых городских центров Восточной Европы X – XV вв.

Археологические раскопки на Болгарском городище продолжаются и сейчас. Сегодня они проводятся коллективом экспедиции из научных учреждений Москвы и Казани при непосредственном участии сотрудников Болгарского заповедника.

В последние годы экспедиция Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана и Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника сосредоточила археологические изыскания в центральной ча-

сти памятника, а также на его восточной и северо-восточной окраинах.

Зачастую эти работы определялись охранными целями и были связаны с контролем над хозяйственной деятельностью современного села, расположенного в настоящее время на территории городища. Все они производились в соответствии с необходимыми требованиями, предъявляемыми к методике исследований, фиксации объектов и материала. В результате этого получены бесценные сведения о стратиграфии и исторической топографии памятника, собран уникальный археологический материал, позволивший расширить коллекцию музейных фондов заповедника.

Среди подобных работ можно отметить раскопки в центральной части современного села Болгары в 2001 г., проведенные М.М. Кавеевым. Раскоп, расположенный с северной стороны выставочного зала заповедника, вскрыл современную отопительную трассу, что дало возможность расширения и укрепления фундамента здания. Несмотря на значительную переотложенность культурных напластований на этом участке, удалось выявить и расчистить несколько ям и сооружений болгарского времени.

Большие работы проводятся в данный момент на северном краю верхнего плато городища. На протяжении длительного времени здесь идет планомерное изучение монументальной кирпично-каменной постройки XIII – XIV вв., которое проводит Р.Ф.Шарифуллин. К настоящему времени вскрыта площадь более 450 м² при средней мощности культурного слоя в 160 – 180 см. Эти работы позволили расчистить часть вытянутой с севера на юг стены здания, остатки которой сильно руинированы. Однако накопленный раскопками материал позволяет соотнести время строительства сооружения с серединой XIII столетия. Судить о назначении и конструктивных особенностях постройки из-за сильной фрагментированности пока затруднительно. В то же время, достаточно богатый комплекс находок дает основание надеяться, что перед нами остатки не рядовой постройки. Здесь же были выявлены более 60 других объектов и сооружений разных периодов, в том числе существовавших еще до строительства зда-

ния, или связанных с его возведением. Среди них – фортификационные сооружения города X – XIV вв., которые изучаются в последнее время А.М. Губайдуллин.

Многолетние исследования самых ранних укреплений, относящихся к X в., позволили определить, что они состояли из двух рвов и деревянной стены в виде частокола или тына. Эта стена располагалась вдоль внутреннего рва и ограждала мысовое поселение площадью около 9 га. Археологическими изысканиями М.М.Кавеева, Р.Ф.Шарифуллина и А.М.Губайдуллина в последнее время удалось проследить направление и конфигурацию рва. Выявленный в нескольких раскопах объект имеет треугольную форму с дренажной канавкой. Не исключено, что своими корнями такой тип оборонительных сооружений уходит в фортификацию времен поздней античности. По всей видимости, этот ров вряд ли заполняли водой, так как сам тип рва и неплотный суглинисто-супесчаный грунт, в котором он был выкопан, не подразумевают этого.

По некоторым следам можно констатировать и наличие вбитых в его склоны кольев. Как они располагались – определить точно не удалось. По аналогии с другими памятниками, возможно, в шахматном порядке. Судя по выявленным столбовым ямкам, с внутренней стороны был установлен частокол из бревен диаметром 30–40 см.

Направление самого рва, отсекавшего мыс, не являлось прямолинейным. Скорее всего, он представлял собой ломаную линию, выступающую углами в напольную сторону.

Следующая полоса укреплений возникла гораздо позже, в конце XII – начале XIII вв. и ограждала уже намного большую территорию – около 25 га. Она состояла из рва и вала, по верху которого проходила деревянная стена. Памятник и в этот период времени имел мысовое расположение. Из-за малой изученности предмонгольской оборонительной линии пока трудно судить о каких-либо ее особенностях и первоначальном облике. Можно говорить лишь о профилировке рва в это время. Она была двух видов: треугольной и трапецевидной.

Наиболее полные сведения о фортификационных сооружениях Болгарского городища получены лишь при исследовании

ях оборонительной линии, возведенной в золотоордынское время, в первой половине XIV в. В этот период город значительно расширяет свою территорию. Его расположение на местности видоизменяется, меняется и характер его крепостных сооружений. Линия укреплений достигает теперь протяженности более 6 км, а стены строятся из дубовых срубов.

Вся полнота сведений, полученных в результате изучения ранних и более поздних объектов фортификации Болгара, позволит в дальнейшем с достаточной долей точности реконструировать и частично восстановить их первоначальный облик, соответствующий времени существования города.

Наряду с изучением центра Болгара проводятся исследования и его окраины, что является не менее значимым для воссоздания исторического облика памятника.

В северо-восточной части Болгарского городища на стрелке Большого и Малого Иерусалимских оврагов, на мысу коренной террасы, И.Р.Газимзяновым ведутся работы на "Усть-Иерусалимском могильнике". Раскопки данного памятника идут с 1996 г. планомерно и систематически. За это время вскрыто более 700 м² площади, расчищены 274 погребения, в том числе в 2002 г. – более 40, совершенных в основном по мусульманскому обряду. Некоторые его детали (небольшая глубина захоронения, использование деревянных гробов, положение в могилу умершего вытянуто на правом боку, ориентация его головой на запад, а лицом к югу) находят близкие аналоги в мусульманских некрополях Среднего Поволжья первой половины II тысячелетия нашей эры. Вместе с тем, ряд погребений совершены с некоторым отклонением от местных мусульманских канонов. Признаками этого являются южная ориентация костяка, направление лица к северу. Встречаются захоронения, сделанные по языческому ритуалу, что характеризуется скорченным положением умершего в могиле, помещением с ним погребального инвентаря. Вероятно, данная группа захоронений (в процентном отношении она небольшая) наглядно маркирует процесс перехода в погребальной практике отдельных групп населения средневекового Болгара от языческих воззрений к мусульманской идеологии.

Судя по отдельным деталям обряда захоронений и вещевому погребальному инвентарю одним из этнических компонентов населения, использовавшего Усть-Иерусалимский могильник, является средневековая мордва.

Монеты, найденные в засыпи могил, отчеканенные в периоды правления Узбека и Джанибека, говорят о функционировании могильника во второй половине XIV столетия.

Таким образом, мы можем предположить, что приток новых групп населения в город Болгар связан с началом "Великой замятни" и стал результатом общего политико-экономического кризиса Золотой Орды. Из центральных районов Улуса Джучи, где происходили активные военные действия, население переселяется в более безопасные для проживания места. Одним из таких пунктов, вероятно, являлся город Болгар. Вливаясь в состав городских жителей, это население теряло, в целом, свои этнокультурные признаки и быстро в течение одного-двух поколений приобретало новые, т.е. оно мусульманизировалось и тюркизировалось.

В настоящее время продолжены работы в юго-восточной части Болгарского городища, начатые В.С.Барановым в 90-е года XX в. с целью изучения обширной чашевидной котловины, представляющей собой следы природного водоема. Исследования позволили подтвердить наличие здесь небольшого поселения, существовавшего с домонгольского времени и продолжавшего свое бытование в золотоордынский период жизни города. В результате изысканий выявлены постройки жилого и хозяйственного назначения. Природный водоем, рядом с которым они располагались, притягивающий население, как источник воды, являлся своеобразным градообразующим фактором в городской жизни, влияющим на планировку и застройку Болгара.

Последние годы археологических исследований Болгарского городища стали логическим продолжением систематического изучения памятника, которое было начато в 30-е года прошлого века под руководством А.П.Смирнова, а затем Т.А.Хлебниковой и проводилось их учениками и последователями на протяжении более чем 60-летнего отрезка времени. В этот период были созданы наиболее цельные, подтвержденные

археологическими материалами представления о средневековом Болгаре, опубликовано в печати огромное количество статей и монографических исследований, в том числе создана многотомная коллективная монография "Город Болгар". Были собраны большие коллекции предметов, связанных с жизнью, бытом, ремесленной деятельностью горожан и тома научных отчетов. Работы настоящего времени следуют в русле поставленных этим периодом задач, требующих сведения и осмысления всех источников по различным вопросам жизни города в обобщающих монографиях, а также проведения новых археологических работ.

При этом представляется необходимым получение дополнительных сведений о раннем Болгаре, ремесленной деятельности домонгольского и золотоордынского периодов, для чего необходимо проведение масштабных работ в центре и на периферии памятника.

В целях концентрации всех материалов по археологическим исследованиям Болгарского городища предполагается создать банк данных, включающий все сведения о проводимых раскопках на городище и собранных коллекциях, а также подготовить перспективный комплексный план мероприятий по сохранению и использованию памятников городища.

Все это еще раз свидетельствует о необходимости дальнейшего продолжения изучения территории памятника, укрепления материально-технической и финансовой базы этих исследований.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В ДРЕВНОСТИ

Хорошо известно, что Кавказский перешеек издревле, начиная с каменного века, служил мостом, связывающим Переднюю Азию с Восточной Европой. Более того, именно через Кавказ проходил один из важнейших путей расселения древнейшего человека из его восточно-африканской прародины через Ближний Восток на евразийский континент, в частности по территории России. На Кавказе к настоящему времени открыты и исследованы стоянки древнейших людей, относящиеся к ашельскому и доашельскому периодам эпохи нижнего палеолита. Наиболее ранние из них, древность которых определяется временем около 1 миллиона лет и более, расположены в Закавказье. Это прежде всего так называемая Азыхская пещерная стоянка в Азербайджане и стоянка открытого типа в Дманиси (Грузия). На этих памятниках выявлены не только обширные коллекции археологических материалов в виде многочисленных каменных орудий труда и предметов вооружения, но и палеоантропологические находки. На основании находки челюсти человека в Азыхской пещере древнейший человек, обитавший на территории Азербайджана, назван азыхантропом. Изучение же остатков черепа, обнаруженных в Дманиси, еще продолжается. Определение подлинного места азыхской и дманисской находок в общем ряду палеоантропов – дело будущего.

Представляется очевидным, что именно из Закавказья древнейшие люди проникли на Северный Кавказ и отсюда распространились по Евразии. А по каким конкретным путям они проникли из Южного Кавказа на Северный, сказать с определенностью сейчас трудно. Это могли быть и горные перевалы через Западный и Центральный Кавказ. Но, думается, что, в первую очередь, данный путь проходил через Восточный Кавказ, вдоль западного побережья Каспия.

Самыми древними находками на Северном Кавказе, связанными с деятельностью человека, являются материалы так называемой Треугольной пещеры в Карачаево-Черкессии. Их древность – около полмиллиона лет назад. Укажем, что подавляющее большинство памятников ашельской эпохи на Северном Кавказе сосредоточено в Прикубанье (особенно в среднем течении р.Белой – притока Кубани). Почти все они находятся в переотложенном состоянии.

В последующую мустьерскую эпоху, – охватывающую первую половину последнего вюрмского оледенения и датирующуюся примерно от 80 до 35 тысяч тому назад, люди осваивают все новые и новые районы Северного Кавказа, вплоть до горного Дагестана, до 1600 – 2100 м над уровнем моря. Они обитают не только в пещерах и под скальными навесами, но и на открытых склонах гор и речных террасах. Одним из наиболее известных мустьерских памятников Северного Кавказа является долговременная стоянка у ст. Ильской в Прикубанье. Ее обитатели охотились на мамонтов, оленей, зубров, лошадей, кабанов, пещерных медведей, гиен и других животных. Подсчитано, что ими было убито не менее 24 000 зубров.

На смену мустье пришла эпоха верхнего палеолита, охватывающая период последнего оледенения (35 – 10 тысяч лет тому назад). В эту эпоху, как известно, происходит становление человека современного типа. Верхнепалеолитические памятники известны по всему Северному Кавказу, от Дагестана на юге и до Ростовской области на севере, за исключением лишь степных районов Прикаспия. По-прежнему наибольшая концентрация памятников прослеживается в том же Прикубанье. Исключительно благоприятные природно-климатические условия северо-западной части Предкавказья способствовали тому, что этот регион уже в каменном веке оказался более заселенным, чем центральная и восточные части Северного Кавказа. Здесь верхнепалеолитические памятники расположены на равнине и главным образом в предгорных и низкогорных районах. Предполагается, что продвижению людей в глубь гор препятствовало значительное оледенение Большого Кавказа. Ведь ледниковые явления, достигавшие на Кавказе широкого размаха, как из-

вестно, не выходили за пределы гор и не затрагивали его равнинных районов.

Устанавливается, что в эпоху верхнего палеолита на Северном Кавказе складывается не менее двух территориально обособленных вариантов археологической культуры, различающихся между собой главным образом составом и особенностями каменных орудий.

Переходная от палеолита к неолиту эпоха – мезолит, или средний каменный век, – датируется в пределах 10 – 9 тысяч лет назад. В этот период исчезают остатки последнего оледенения, и климат становится теплее. Флора и фауна, как и весь природно-географический фон, приобретают облик, близкий современному. В эту эпоху начинается приручение некоторых видов животных, а в начале неолита появляются зачатки земледелия. Именно в мезолите – неолите происходит переход от охоты и собирательства, т.е. присваивающего хозяйства, к развитию земледелия и скотоводства, т.е. к производящей экономике. Данный процесс, именуемый часто в науке как “неолитическая революция”, сыграл в истории поистине громадную роль, определив весь дальнейший прогресс в культурно-историческом развитии человечества. Он отразился буквально на всех сторонах жизни древних людей – образе жизни (оседлые поселения), экономике, мировосприятии и духовной жизни в целом, а также в резком усилении межплеменных связей, в том числе сопряженных с торгово-экономическими отношениями между весьма отдаленными друг от друга регионами и т. д.

Единственным пока памятником на Кавказе, отражающим данный процесс, является Чохская стоянка. Она находится не в Закавказье, а на Северо-Восточном Кавказе, конкретно в горной части Дагестана, в ущелье, на глубине 1700 – 1900 м над уровнем моря. Это была открытая стоянка, расположенная на небольшой террасе, поблизости от речки и хороших охотничьих угодий.

Чохская стоянка существовала с эпохи мезолита и до позднего неолита. Особый интерес представляет ранненеолитический слой памятника. При очевидной близости по характеру каменного инвентаря с мезолитическим слоем, в неолитичес-

ком комплексе прослеживаются заметные инновации, свидетельствующие о несомненном прогрессе в развитии культуры и хозяйства обитателей данного поселения. Главное – они уже научились производить глиняную посуду. Но значительно то, что население в горах Дагестана начало уже переходить к земледелию. Это убедительно доказывается находками в Чохской стоянке зерен культурных и диких злаков, включая остатки пшеницы и ячменя, а также каменных зернотерок и жатвенных орудий – серпов и ножей. Не менее важно и наличие в остеологическом материале памятника костей domesticированных животных, в частности овец.

Если известные до сих пор в Закавказье и Дагестане раннеземледельческие поселения демонстрируют уже полностью сложившееся земледельческо-скотоводческое хозяйство, то на Чохской стоянке мы наблюдаем лишь начальный процесс развития земледелия и скотоводства. Неолитический слой Чоха датируется концом VII – началом VI тыс. до н.э., т. е. он и по времени предшествует раннеземледельческим памятникам Закавказья. Представляется, что Дагестан, как и Южный Кавказ, стал той областью, где земледелие и скотоводство могли сложиться самостоятельно, хотя, возможно, и не без определенного переднеазиатского влияния. Здесь был для этого исключительно благоприятный экологический фон. По заключению ботаников, в Закавказье и Дагестане сосредоточено все мировое разнообразие пшеницы; здесь до сих пор сохранились дикие разновидности пшеницы, ржи, ячменя, овса и эгилопсов. Неудивительно поэтому, что выдающийся российский биолог Н.И.Вавилов определил данные области Кавказа как один из древнейших очагов развития мирового земледелия. Здесь, следовательно, имелись все палеоботанические условия для раннего возникновения земледелия и культивирования различных видов злаковых. Аналогичное заключение можно сделать и в отношении развития скотоводства. Известно, что в фауне Дагестана и Закавказья представлены такие дикие виды животных, как тур, баран, коза и свинья, которые могли стать исходными формами в процессе одомашнивания крупного и мелкого рогатого скота, а также свиньи.

Отметим еще, что Чохская стоянка дала также возможность восстановить древнейшее на Северном Кавказе жилище. Последнее представляло дуговидное сооружение сухой каменной кладки, упиравшееся в скальное основание. В него вел вход в виде узкого коридора. В средней части жилища находился углубленный в пол округлый очаг. Предполагается, что перекрытие его было плоское и сложено из дерева. Вполне возможно, что открытое в Чохе жилище является прообразом круглоплановых построек, широко распространившихся в Дагестане и Закавказье в эпоху энеолита и раннебронзового века. Раскопками Чохской стоянки добыт большой и разнообразный археологический материал, отражающий различные стороны жизни и быта его обитателей.

Таким образом, Чохское поселение является уникальным памятником для изучения такого сложного и важного периода, как неолит. С этого периода культурно-историческое развитие Дагестана происходит в тесной связи с Закавказьем, находившимся в непосредственном соседстве с ближневосточным культурным миром. Центральная и западная части Северного Кавказа, возможно, несколько отставали в своем развитии в этот период от Южного Кавказа и Дагестана. Но и там в позднем неолите – энеолите (VI – V тыс. до н.э.) были освоены земледелие и скотоводство.

К сожалению, неолит Кавказа и в особенности его прикаспийской части, охватывающей Калмыкию, ногоайские степи, Дагестан, а также смежные с последним районы Северного Азербайджана, исследованы пока совершенно недостаточно. Но памятники данных эпох имеются на этой территории. Достаточно сказать, что группа даже более ранних – мезолитических – памятников зафиксирована в Северном Прикаспии. Они документируют наличие не только этнокультурных, но и прочих связей Предкавказья с Поволжьем и Восточной Европой в целом в столь отдаленный период.

В IV тыс. до н.э. на Кавказе и на евразийском пограничье наступает эпоха металла. В эпоху энеолита и особенно бронзового века оказываются заселенными и освоенными человеком почти все регионы Северного Кавказа и Закавказья, включая высокогорные области. Чрезвычайно яркие культуры, отлича-

ющиеся поразительной самобытностью, сложились и развивались здесь прежде всего в раннебронзовом веке. Это, во-первых, так называемая куро-аракская культура, существовавшая во второй половине IV – первой половине III тыс. до н.э. Она была названа так потому, что первые ее памятники были открыты в междуречье Куры и Аракса. В последующем установлено, что ареал данной культуры выходит далеко за пределы куро-аракского двуречья и охватывает смежные с юга и запада области Северо-Западного Ирана и Восточной Анатолии, а отдельные ее элементы прослеживаются вплоть до Сиро – Палестины, т. е. Восточного Средиземноморья. На севере же и северо-востоке она распространилась на весь Дагестан и частично территорию Чечено-Ингушетии и Северной Осетии.

Выразительные памятники этой культуры открыты и исследованы как в горной, так, особенно, в прикаспийской части Дагестана, начиная от г. Махачкалы и до реки Самур. Это остатки поселений в виде теллей с круглоплановой архитектурой. Выясняется, в частности, что наиболее ранний, открытый в Дербенте, памятник – это поселение раннебронзового века. Оно располагалось на Дербентском холме и как бы связывало между собой памятники, находившиеся к северу и югу от него.

Археологические данные, полученные в результате исследования этих памятников, равно как и расположенных на сопредельной территории Северного Азербайджана, идентичны по всем основным параметрам – топографии и планировке, характеру и формам домостроительства, особенностям керамики и другим атрибутам материальной культуры. Определенное своеобразие культуры, представленной памятниками эпохи ранней бронзы Дагестана и Северного Азербайджана, позволяет рассматривать их как характеризующих отдельный вариант куро-аракской культуры. Он известен в науке как восточно-кавказский вариант данной культурно-исторической общности. Его сложение и развитие связано, безусловно, с этнокультурными влияниями на Восточный Кавказ куро-аракской культуры, более того, с инвазией носителей этой культуры в данный регион Кавказа. И проникновение ее сюда шло как через горные перевалы, так в особенности по равнинной части, прилегающей к Каспию.

Куро-аракская культура сыграла, по нашему мнению, значительную роль в этногенетическом и культурно-историческом развитии Восточного Кавказа и, в первую очередь, Дагестана. Предполагается, что носители этой культуры говорили на хурритском (хуррито-урартском) или близких к нему языках. Неудивительно, что в дагестанских, точнее, нахско-дагестанских языках представлено немалое количество лексических соответствий хурритскому языку. Это – с одной стороны. С другой же – ни в одной области распространения куро-аракской культуры в последующем не наблюдается в культурном развитии столь тесной связи с Куро-Араксом, как в Дагестане.

Другой блестящей культурой раннебронзового века Кавказа является майкопская культура, получившая свое название по знаменитому кургану, раскопанному в г. Майкопе в 1897 г. В сложении и развитии этой культуры решающую роль сыграли переднеазиатские влияния. Как мы полагаем, где-то на рубеже IV – III тыс. до н.э., в эпоху позднего Урука, отдельные группы ближневосточного (месопотамского – ?) населения проникли на Северный Кавказ и тем самым стимулировали развитие здесь одной из наиболее ярких культур раннебронзового века Евразии. Чем это было обусловлено, сказать сейчас с полной определенностью затруднительно. Нам представляется, что оно было вызвано необходимостью в металле – бронзе, а также золоте. Остается не ясным, по каким путям древние жители Ближнего Востока проникли на Северный Кавказ. Высказано предположение, что они могли попасть на Кавказ морским путем, по Черному морю. Не исключается и восточно-кавказский путь, вдоль западного побережья Каспия, через Дербентский проход. Но как бы данный вопрос ни был решен, совершенно очевидно, что в эпоху ранней бронзы (конец IV – III тыс. до н.э.) на Северном Кавказе сложилась высокоразвитая и оригинальная культура. Для нее характерны как специфическая керамика, в том числе сосуды, изготовленные на гончарном круге, так и весьма широкий набор бронзовых изделий, включая разнообразную посуду.

Где конкретно на Северном Кавказе начала формироваться майкопская культура, сказать с уверенностью пока трудно. Дело в том, что наиболее ранние памятники, относящие-

ся к этой культуре, представлены как в северо-западной, так и в центральной части Северного Кавказа. Из этих регионов и прежде всего Центрального Предкавказья майкопская культура распространилась на юг и юго-восток, в пределы Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, вплоть до Дагестана. Именно на этой территории Восточного Предкавказья рассматриваемая культура “столкнулась” и пришла во взаимодействие с куро-аракской культурой. В результате здесь сформировались достаточно своеобразные, правильнее сказать синкретические памятники, сочетающие в себе характерные особенности куро-аракской и майкопской культур, т.е. двух основных культур раннебронзового века Кавказа.

Племена куро-аракской и майкопской культур развивали широкие торгово-экономические и культурные связи между собой, со своими соседями и с отдаленными областями. Характерные предметы майкопской культуры, в особенности бронзовые изделия, обнаружены в Крыму, Приднепровье и Поволжье.

На территории Восточного Кавказа, в частности Дагестана, в эпоху средней и развитой бронзы (конец III – II тыс. до н.э.) сложился ряд самобытных культур. Это – присулакская, великентская, гатынкалинская и др. Они свидетельствуют, с одной стороны, об их несомненной культурной преемственности с предшествующей культурой, а с другой – о заметном усилении связей между населением Северо-Восточного Кавказа и племенами степных культур Юго-Восточной Европы – ямной и особенно катакомбной.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что начиная с III тыс. до н.э. и почти до середины II тыс. до н.э. Кавказ служил основным поставщиком металла для населения бассейнов рек Дона, Днепра и Волги. Характерная кавказская мышьяковистая бронза поступала в эти регионы в виде готовых сплавов – слитков и лишь отдельных готовых изделий. А в обмен Кавказ получал, вероятно, в первую очередь, скот и отдельные виды животноводческой продукции. И один из важнейших путей этой торговли или кавказско-восточноевропейских связей проходил через Северо-Западный Прикаспий. Данная область Восточного Предкавказья, включающая в себя Северный Дагестан, некоторые районы Ставрополя и особенно территорию

Калмыкии, исключительно богата памятниками бронзового века. Здесь, в Нижнем Поволжье и Калмыкии, находились крупные центры развития таких классических культур бронзового века юга России, как ямная и катакомбная культуры. Сюда же продвигались и отдельные группы срубных племен (вторая половина II тыс. до н.э.). Отсюда носители этих степных скотоводческих культур проникали дальше на юг, вплоть до района Дербента, и, возможно, в Закавказье.

По нашему мнению, имеются достаточные основания утверждать о том, что глубинные корни Великого Волжского пути уходят в бронзовый век и даже в более отдаленную древность.

В конце II – начале I тыс. до н.э. наступает новая культурно-историческая эпоха в Евразии. Ее значительные степные пространства оказываются занятыми киммерийцами и в особенности, начиная с VII в. до н.э., скифами. Одной из важных областей распространения скифской культуры стало Западное Предкавказье, в частности Прикубанье. Здесь, как известно, раскопаны богатейшие скифские курганы. Но скифские памятники исследованы также в центральной части Северного Кавказа и Восточном Предкавказьи. Влияния скифов на местную культуру, прежде всего кобанскую, было весьма значительным. Благодаря скифам Северный Кавказ оказался вовлеченным в широкую систему международных связей, также как и Поволжье.

С наступлением раннежелезного века значение Волги как торгово-экономической магистрали заметно усилилось. Именно через Волгу, по Волжскому пути попали в Прикамье из Кавказа предметы урартско-ассирийского происхождения. Я не буду вдаваться в подробности и тем более специально рассматривать вопрос, касающийся походов киммерийцев и скифов в Переднюю Азию. Отмечу только, что свои походы в Закавказье и на Ближний Восток те и другие совершали через перевалы западной и центральной части Большого Кавказа, но главным образом через Восточный Кавказ, т. е. вдоль каспийского побережья, через Дербентский проход. Но это отдельный вопрос, точнее, большая и важная проблема, так же как и вопрос о “скифском царстве” в Восточном Закавказье.

Еще при скифах, около середины I тыс. до н.э., на исторической арене евразийских степей (Приуралья и Поволжья)

появились близкие им по образу жизни и языку савроматы и сарматы. Отдельные группы ираноязычных сарматских племен на рубеже и в первые века нашей эры начали проникать из районов Северо-Западного Прикаспия на территорию приморского Дагестана, от Терека до Дербента, и осели здесь на определенное время. Об этом свидетельствуют открытые и исследованные в некоторых районах равнинного Дагестана (Бабаюртовском, Махачкалинском, Карабудахкентском и др.) многочисленные подкурганные и грунтовые погребения, принадлежащие различным сарматским племенам.

Пока не ясно в должной мере, проникли ли сарматы в глубь Дагестана, в его нагорную часть, каковы были их взаимоотношения с местным населением и какую роль они сыграли в развитии культуры Дагестана и Восточного Кавказа в целом в албанскую эпоху.

Не будет ошибкой, если сказать, что с концом албанского периода и началом завоевания арабами Восточного Кавказа завершается как бы древняя история этого края и начинается новая, средневековая эпоха. Я далек от мысли хотя бы каким-то образом обособить рассматриваемую область от остальной части Кавказа. Напротив, считаю, что и Закавказье и Северный Кавказ, равно как и отдельные регионы внутри этих обширных частей Кавказа, развивались с глубокой древности в постоянном взаимодействии друг с другом, сохраняя при этом определенную специфику.

Поскольку мы определили историко-хронологические рамки своего доклада в пределах от времени появления первых людей на Кавказе (эпоха палеолита) до начала арабского завоевания, нам следует остановиться на самой общей характеристике древнейшего государственного образования на Восточном Кавказе – Кавказской Албании. Что же касается истории Дербента, то я намеренно не останавливаюсь на ней, ибо участникам конференции предстоит прослушать специальный доклад по Дербенту – этому прославленному древнему городу-крепости, важнейшему военно-политическому, торгово-экономическому и культурному центру средневекового Дагестана и Кавказа в целом. Отмечу только следующее. Выше уже говорилось о том, что поселение на Дербентском холме воз-

никло еще в эпоху ранней бронзы, в III тыс. до н.э. Здесь представлены и значительные культурные слои скифского периода. Но город с его грандиозной фортификационной системой, протянувшейся на многие десятки километров от самого Каспия в глубь нагорной части Дагестана и призванной оградить Иран от гуннов, а позднее – хазар, возник при Сасанидах, в V – VI вв. Первоначально (в правление Ездигерда II, 439 – 457 гг.) была воздвигнута массивная глиняная стена, а при Хосрове I соорудили те колоссальные многокилометровые каменные стены, образующие сложный оборонительный комплекс площадью более 130 га с типичной для сасанидских городов прямоугольной внутренней планировкой.

В VII в. Дербент был захвачен арабами, но окончательно они утвердились здесь в 30-х годах VIII в. После этого Дербент становится главным военно-политическим и идеологическим оплотом Халифата на Кавказе и важнейшим центром по распространению ислама и мусульманской культуры. Процветание города, обусловленное резким усилением международной торговли и повышением роли прикаспийского пути, падает на VIII – XII вв. Оно было прервано татаро-монгольским нашествием в Дагестан, когда завоеватели в 1239 г. захватили Дербент и разграбили его.

Наконец, позволю себе в самой краткой форме остановиться на Кавказской Албании. Это государство возникло на Восточном Кавказе в конце IV в. до н.э., после разгрома Александром Македонским державы Ахеменидов, и просуществовало до падения другой иранской державы – Сасанидской империи. В период своего расцвета Кавказская Албания охватывала значительную территорию современной Республики Азербайджан, Дагестан, во всяком случае, всю его южную часть и частично Алазанскую долину Грузии. Страна была многоязычной, как и современный Дагестан. Страбон отмечал, что ее население говорит на 26 языках. Кстати, язык одного из сохранившихся потомков древних албан – удин относится к лезгинской группе дагестанских языков.

Впервые в античных источниках албаны появляются в связи с рассказом Арриана о походе Александра Македонского на Восток. В описании битвы при Гавгамелах (330 г. до н.э.)

на стороне Дария сражались и отряды албанов. Из этого обычно делается вывод, что Кавказская Албания в то время в какой-то степени зависела от Ахеменидского Ирана. Падение последнего привело к полной независимости Кавказской Албании. Ее прикрывали от экспансии государства Селевкидов Мидия Атропатена и Армения. Более подробными становятся сведения об Албании с I в. до н.э., когда римляне проникают в Закавказье, сражаясь с Митридатом Евпатором и Тиграном II. Начиная с этого времени Кавказская Албания оказывается втянутой в большую международную политику, сначала в процессе борьбы Рима с Парфией, а затем – Византии с Сасанидским Ираном.

Албанцы имели свои города, письменность и церковь. Христианство здесь, как и во всем Закавказье, начало распространяться рано и в IV в. н.э. было объявлено официальной религией государства. Поскольку в аспекте нашей конференции приоритетными являются вопросы экономических и культурных связей, не могу не отметить, что Кавказская Албания играла выдающуюся роль, занимая одно из ключевых мест на карте древних торговых связей. На ее территории пересекались пути, идущие с севера на юг и с востока на запад.

Значительный материал по исследованию торговых связей Кавказской Албании дают нумизматические находки. Вопреки утверждению Страбона, писавшего о том, что в этой стране отсутствует денежное обращение, сейчас ясно, что первые монеты, которые попали на территорию Кавказской Албании, были тетрадрахмы и драхмы Александра Македонского, чеканенные еще при жизни великого завоевателя. Крайне показательным фактом, говорящим о начале местного монетного чекана, является то, что свои первые монеты албанцы стали чеканить в подражание именно этим александровским монетам. Поэтому можно считать, что начало албанского монетного чекана – это конец IV в. до н.э. На протяжении всего античного периода основу монетного обращения здесь составляли подражания эллинистическим монетам.

Следующая хронологическая группа – монеты селевкидских царей. Они также проникали на территорию Кавказской Албании и участвовали в местном монетном обращении. Имеется

значительная группа местных монет, подражающих селевкидским. Однако надо обратить внимание на одно обстоятельство, имеющее важное значение. Те селевкидские монеты, которые проникали сюда, были выпущены не на самом близком к Албании монетном дворе Селевкидов, каковым являлся крупный и активно функционировавший монетный двор Экбатан (современный Хамадан). Сюда проникали монеты, выпущенные монетными дворами, расположенными в Сирии. Видимо, здесь мы имеем дело с какими-то не совсем нам понятными коллизиями политического и экономического характера. Важно то, что на протяжении примерно полутора веков экономические связи Кавказской Албании были ориентированы не прямо на юг, в сторону Ирана, а на юго-запад, в сторону Сирии.

После того, как Иран перешел от Селевкидов к парфянам, на территорию Кавказской Албании активно стали поступать и парфянские монеты. Важно отметить, что эта монета чеканилась на монетном дворе Экбатан. Монет, выпущенных другими монетными дворами Парфии, мы на территории Албании не знаем. Следовательно, в это время восстановились прямые экономические связи Кавказской Албании с Ираном.

В первые века н.э. на территорию Кавказской Албании проникает и римская монета. Позднее здесь очень активную роль играли монеты, выпущенные монетными дворами Сасанидского Ирана, византийская монета встречается в гораздо меньшем количестве.

Таким образом, процесс культурно-исторического развития Восточного Кавказа начался еще в период древнего каменного века – палеолита и активно развивался в последующие эпохи. Развиваясь с глубокой древности в постоянных связях и взаимодействиях с культурами смежных областей Кавказа и других регионов Евразии, Восточный Кавказ очень рано стал мостом, связывающим Переднюю Азию с Европой. Здесь, через Восточный Кавказ, проходил один из важнейших путей расселения древнейшего человека. Отсюда культурные достижения древних цивилизаций Ближнего Востока проникали в Юго-Восточную Европу, в том числе и в Поволжье. Безусловно, древнее население Восточного Кавказа играло немало важную роль в обеспечении племен Приднепровья, Подонья

и Поволжья в III – первой половине II тыс. до н.э. металлом (бронзой) и способствовало тем самым развитию волжского культурного и торгово-экономического пути в бронзовом веке.

Литература:

- Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). Москва.
- Амирханов Х.А. 1986. Верхний палеолит Прикубанья. Москва.
- Амирханов Х.А. 1987. Чохское поселение (Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана). Москва.
- Вавилов Н.И. 1957. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. Москва – Ленинград.
- Гаджиев М. Г. 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпохи энеолита и ранней бронзы). Москва.
- Гаджиев М. С. 2002. Древний город Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. 1999. История Дагестана. Махачкала.
- Гмыря Л.Б. 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала.
- Закавказье в античную эпоху // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Москва. 1985.
- Котович В.Г. 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.
- Крупнов Е.И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. Москва.
- Кудрявцев А.А. 1982. Древний Дербент. Москва.
- Любин В.П. 1977. Мустьерские культуры Кавказа. Ленинград.
- Лисицына Г.Н., Прищепенко Л.В. 1977. Палеозооботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. Москва.
- Марковин В.И. 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). МИА, № 98. Москва.
- Марковин В.И. 1968. Дагестан и горная Чечня в древности (каякентско-хорочоевская культура). МИА, № 122. Москва.
- Марковин В.И., Мунчаев Р.М. 2003. Северный Кавказ: очерки древней и средневековой истории и культуры.
- Мунчаев Р.М. 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, №100. Москва.
- Мунчаев Р.М. 1994. Куро-аракская культура // Археология эпохи бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Москва.
- Мунчаев Р.М. 1994. Майкопская культура // Археология эпохи бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Москва.
- Шихсаидов А.Р. 1969. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала.

**ПРОФЕССОР КРИСТОФЕР ХАНСТЕН
О КАЗАНИ 1828 г.**

Тема моего доклада в этом году не связана с археологией, а посвящена двум книгам. Первая книга “Знаменитые люди о Казани и Казанском крае”, изданная в 1999 г., включает авторов с конца IX в. почти до наших дней. Вторая книга, изданная в 1859 г., написана норвежским профессором, в которой он рассказывает о своем визите в Казань в 1828 г. Упоминания имени этого профессора нет в книге “Знаменитые люди о Казани и Казанском крае”, а с его описанием, по моему, стоит познакомиться.

Профессор Christopher Hansteen (Кристофер Ханстен) посетил Казань с 13 по 20 августа 1828 г. на пути в Сибирь в поисках магнитного полюса, которого, как оказалось позже, нет. Его воспоминания о путешествии изданы на шведском, немецком и французском языках. Мне известно, что книга не издавалась на русском языке. Она не переиздавалась и на норвежском языке, так что эта чрезвычайно интересная книга наблюдательного автора прежде всего известна кругу читателей и исследователей, интересующихся Россией.

Кристофер Ханстен родился в Кристиании, Норвегии 26 сентября 1784 г. Он занимался в Копенгагенском университете, в 1813 г. был назначен аспирантом профессора в основанном в 1811 г. университете Норвегии в Кристиании. В 1816 г. он стал одним из первых профессоров там же. Он умер в Кристиании 1 апреля 1873 г.

Кристофер Ханстен был профессором прикладной математики, что включало астрономию, хронологию, механику, физику, метеорологию, инженерное дело и геодезию.

Он был редактором официального норвежского альманаха, издававшегося в 1815–1863 гг. Ему не удалось убедить начальство университета в том, что надо исключать прогно-

зы погоды на весь год, поэтому люди перестали покупать альманах с бесполезными прогнозами погоды.

Он был директором обсерватории университета, основал журнал о развитии естественных наук, был членом научных обществ, переписывался со многими учеными Европы.

Первое здание, построенное специально для молодого университета, оказалось обсерваторией Ханстена. Кстати, обсерватория стоит до сих пор.

В 1845–1850 гг. он возглавлял международное общество о российско-скандинавском сотрудничестве в изучении земного шара.

Он не был сухим педантом, интересующимся только естественнонаучными знаниями. Он и его семья были центром маленькой интеллигенции в столице Норвегии. У него собирались поэты, художники, ученые.

Ханстен прежде всего стал известен картографированием глобальных магнитных полей земного шара. По его мнению, существовали 4 магнитных полюса, из которых (по его собственной теории) один из северных полюсов находился в Сибири. Поэтому он отправился в Сибирь.

Кристофер Ханстен и его спутники отправились из Кристиании 19 мая 1828 г., а вернулись 16 июня 1830 г. Его путешествие длилось 25 месяцев. Секретарем и ассистентом экспедиции был лейтенант Due, их помощником был слуга университета в Кристиании Anders Nielsen.

Ханстен отправился из Кристиании по новым каналам через Швецию в Стокгольм. Оттуда экспедиция на корабле прибыла в Петербург и дальше через Москву, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, до Богославска и обратно, через Тобольск, Томск, Красноярск до Иркутска. Потом он посетил ближайший китайский город. Из Иркутска он плывал по Ангаре и Верхне-Тунгуске до Турчанска и обратно.

На запад он ездил через Семипалатинск, Омск, Троицк, Астрахань и на север через Саратов, Муром, Москву, Петербург, Стокгольм и в Кристианию. В его трехсотстраничном описании геодезические наблюдения занимают скромное место, он рассказывает о ночлегах, городах, бюрократических трудностях, одежде, домах, людях – аристократах, крепостных и т.д.

Экспедиция Ханстена приехала в Казань в среду вечером 13 августа 1828 г. Он пишет:

“Наконец мы подъехали к Казани и въехали в область татар, которые раньше господствовали над всей Казанской губернией, как могучим, независимым народом, сейчас погрязшем в низком, зависимом положении после завоевания в 1552 г. русскими. Due, ассистент Ханстена, — один день ездил в дрожках, кучером которых был татарский князь. Окрестности Казани очень красивые; Волга течет через них; маленькая река Казанка течет через город и вытекает в Волгу; маленькое озеро и канал также содействуют красоте города. Название города происходит от слова “котел”, по-татарски “казан”... Большое число элегантных церквей с куполами и башнями, среди них 3 татарские мечети и гордые руины времен татарской державы, создают интересное впечатление с возвышенностей до въезда в город. На равнине мы видели большую белую укороченную пирамиду в форме египетской пирамиды; она является церковью или мавзолеем, прячущим кости Ивана Васильевича Великого, угнетателя татар и всех попавших вместе с ним воинов”.

Экспедиция остановилась, как он пишет: “в так называемом Дворянском собрании, в здании, которое снаружи выглядело хорошо, а внутри оно не соответствовало этому впечатлению. Мы получили три комнаты, в которые мы поднялись по узкой лестнице. Везде чувствовался острый запах парфюма. Это обычный прием многих русских домов, даже лучших домов, с которыми мы познакомились с первого шага на русской почве. В то же время русские, чтобы в комнатах не было запаха еды, распространяющегося с кухни, всегда располагают их в отдельном здании с противоположного конца жилого дома, где хозяйка старается не появляться, а поручает изготовление еды крепостному с длинной бородой и одетому в овчинное пальто”.

В Казани Ханстен встретился с профессорами Казанского университета, правда не со всеми, с кем он хотел, так как последние находились в отпуске. К сожалению, у меня не хватает знаний об истории университета Казани, я знаю только об одном из профессоров Карле Федоровиче Фукс, который

упоминается среди знаменитых людей Казани в упомянутой выше книге.

Поразительно, что у всех профессоров немецкие фамилии, во всяком случае двое из них немцы. Ректором университета был русский.

Ханстен уже несколько лет переписывался о наблюдениях геомагнетизма с профессором физики Kurpffer-ом, позже членом Петербургской Академии наук. Профессора медицины Thiele показал Ханстену острог, где ссыльные ночуют перед отправкой в Сибирь. Ежегодно около 4000 ссыльных отправляются в Сибирь, из них 2000 и более больны еще до прибытия в Казань. Около полутора лет уходит до прибытия на место ссылки и 2/3 из ссыльных обычно умирают еще в пути. Ханстен называл их “несчастливыми”.

Особенно дружеские и теплые взаимоотношения возникли между Ханстеном и профессором естествознания Ewersmann-ом и его семьей. Его отец много лет работал профессором Казанского университета. Жена Ewersmann-а младшего – богатая татарская княгиня, но, как замечает Ханстен, ее дед крестился до свадьбы. Путешественники полюбили ее за наивную непринужденность. Для нас это может звучать немножко унижительно, но в оценке Ханстена сквозит доброжелательность. Эта “наивная татарка” провела полтора года на разных курортах Германии, говорила по-французски и понимала немецкий язык.

Ханстен пишет о татарах: “Татары вообще красивая раса; они средней высоты, с кругловатыми лицами, коричневыми глазами, полными членами. Одежда – цветной кафтан с поясом; волосы бриты, макушка головы покрыта цветным колом; те, которые не были в Мекке, носят острую, грубую шляпу, как белая шляпа, которую носит Bajazzo или Pierrot”.

В один вечер госпожи Thiele и Ewersmann устроили Ханстену увеселительную прогулку, которая, как пишет путешественник, “к сожалению стала поездкой в крестьянскую избу, где профессор Фукс вместе с семьей провел лето. Мы вошли в две маленькие комнаты, совершенно переполненные людьми. Меня представили госпоже Фукс, очень большой даме, которой, мне показалась, почти 50 лет; она русская по рож-

дению, но говорила также по-французски; у нее претензии быть поэтессой, – русской Madame Stael. Не имея поэтических талантов и не зная французского языка, я при первой возможности ушел во внешнюю комнату. Позже, однако, мне пришлось разговаривать с ней ... Однако, разговор часто останавливался, Фуксу пришлось служить переводчиком, его жена стала нетерпеливой и ушла от нас, так же недовольная разговором, как и я”.

Ханстен обедал у вице-губернатора Филиппова. Среди родственников – одна дама из Ревеля, которая знакома с российским консулом в Кристиании Duborg-ом.

Ханстен встретил ректора университета, профессора математики Лобачевского. Лобачевский провел своих гостей в мечеть. Ханстен заметил, что ковры не лежали параллельно со стенами, так что мечеть неправильно направлена к Мекке. Это мечеть Марджани, построенная в 1770 г.

Ханстену показали Казанский собор в богатом женском монастыре, где находится известная икона Казанской Божьей матери, богато украшенная жемчугами и драгоценными камнями стоимостью более 2 миллионов рублей.

Город, как отмечено, Ханстену понравился, как и его окрестности. Земли очень плодородные, так как Волга ежегодно выходит из берегов и превращает местность в море, которое оставляет после себя толстый слой плодородного ила, как Нил в Египте. В течение 5–6 недель плавают по этому морю в лодках через луга и поля в города, расположенные на возвышенностях. На лодках – две мачты и от 6 до 10 маленьких пушек (Ханстен не рассказывает, для чего необходимы пушки).

После наводнения остаются пруды с гниющей водой, в которых из-за жарких дней развивается болезнь, которую по народному преданию приносит существо Лихорадка.

Совершенно ясно, что Ханстена и его соотечественников встретили в Казани очень гостеприимно.

Перед отъездом, генеральный директор, князь Давыдов послал с экспедицией кучера, которому больше 60 лет, вооруженного саблей и пистолетом. Его задачей было ехать с ними в Тобольск, служить и помогать во всех делах.

Князь Давыдов сказал, что он Ханстену ничего не стоит, но профессор Thiele сказал: “если Вы дадите ему 20 рублей чаевых денег за это удовольствие, он будет доволен; если Вы не дадите ему ничего, он тоже должен быть доволен”.

Кучеру было не просто в поездке, и он жаловался аптекарю, — “эти люди не христиане!” Ханстен дал ему 35 рублей и сказал, что если он вел бы себя лучше, он получил бы больше!” Кучер благодарил, поцеловал руку Ханстена и говорил потом, что Ханстен настоящий христианин.

Наконец Ханстен поведал об одном забавном приключении. До отъезда из России, в Санкт-Петербурге, Ханстен решил просить аудиенции у императора Николая I, чтобы выразить благодарность за охрану и помощь, оказанную во всех губерниях его государства. Но это было не так просто, особенно для рядового иностранца. Как бы то ни было, путешественники были приглашены на аудиенцию в воскресенье 25 апреля в 10 3/4 утра. Требовалась парадная форма.

У лейтенанта Due — форма есть, у профессора нет. “Я хожу в этом фраке к моему королю,”- он сказал, а посол Норвегии-Швеции воскликнул: “Не говорите о Норвегии и Швеции здесь! Они как капля в море! Вы никак не можете так. Тогда профессор должен за полчаса до аудиенции смертельно заболеть, а лейтенант, у которого есть форма, может идти”.

Один из сотрудников посольства предлагал выдумать форму, и в результате содействия сотрудников Ханстену удалось встретить императора и императрицу как следует, в форме. Все получилось благополучно.

Ханстен замечает: “Императорская пара мне оказалась очень любезной; они живут счастливой семейной жизнью, любя друг друга, и в высшей степени целомудренно”.

Кристофер Ханстен был умным человеком. В Петербурге он нанял в качестве переводчика и слуги Gustav-a, бывшего крепостного из Эстонии. Пару раз Gustav не возвращался вовремя из города Иркутска, Ханстен не получал обед. Полицейские нашли слугу в бильярдном салоне, где он играл на деньги. Начальник полиции сильно ругал его, Ханстен, очевидно, нет. Он замечает, что крепостной обычно легкомысленный и безразличный, у него нет личности, так как владе-

лец кормит его и он может крепостного наказать, женить, продать его детей, как жеребят от кобылы.

Книга Ханстена включает редкие иллюстрации. Я, конечно, не могла дать полное представление о ней. Я надеюсь, что эти небольшие отрывки могут убедить вас в необходимости перевода книги на русский язык.

Я не знаю всю литературу XIX в., написанную иностранцами о России, но по сравнению с книгой *Marquis de Custine*, посетившего Россию в 1838 г., ценность книги Ханстена состоит в том, что он писалась без предрассудков и презрения к русским. Конечно, многое не понравилось Ханстену, особенно еда и грязь, но он все-таки относился к людям с пониманием, что это другая страна, чем его родная.

Перевод был бы особенно интересен сейчас, так как в Осло и Петербурге в 2004 и 2005 гг. будет норвежско-российская историческая выставка "Норвегия – Россия: сквозь границы, сквозь века" по соглашению нашего премьер-министра и экс-президента Ельцина. Выставка отметит столетие дипломатических связей между нашими двумя странами, – после освобождения Норвегии от Швеции в 1905 г. Россия первой из всех стран признала самостоятельность Норвегии.

**ВОСПИТАННИКИ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ
И ГОССОВЕТЕ РОССИИ.
1906 – 1917 гг.**

2003–2006 гг. являются знаменательными датами в истории нашего государства. Череда праздников открылась в 2003 г. 300-летним юбилеем Санкт-Петербурга. В 2004 г. мы будем отмечать 200-летие старейшего из университетов Российской империи – Казанского университета. На следующий 2005 г. общественность будет праздновать исторически не менее значимое событие – тысячелетие города Казани, уходящей корнями в седую древность. Наконец, еще через год, в 2006 г. наступает столетие со дня основания первого в истории России парламента. 27 апреля 1906 г. в столице Российской империи Санкт-Петербурге в торжественной обстановке открылось первое заседание Государственной думы Российской империи (1906 – 1917 гг.). В величественном Таврическом дворце, который гостеприимно принял в своих стенах народных избранников, собрались российские парламентарии, представлявшие интересы народа обширной империи. Среди думцев весьма значительной была группа парламентариев, имевших непосредственное отношение к Казани и Казанскому университету. В данном сообщении речь пойдет именно о них, о воспитанниках и профессорах Казанского университета, избранных в одну из палат Российского парламента – Государственную думу и Государственный совет.

События начала XX столетия, связанные с деятельностью представителей университетского сообщества и университетских воспитанников в стенах Государственной думы и Государственного совета, являются одной из малоисследованных страниц в университетской истории.¹ Демократизация политической системы страны в эпоху конституционных преобразований начала века породила новые институты представи-

тельской власти. Созданные в условиях противостояния общества и традиционной власти, они стали результатом временного компромисса между различными, порой взаимоисключающими, взглядами на будущее страны. И хотя компромисс редко удовлетворяет противоположные стороны, в определенные периоды он неизбежен и выступает в качестве единственного инструмента сохранения зыбкого равновесия сил. Именно подобным компромиссом была обусловлена противоречивая природа новых институтов власти. Однако, несмотря на то, что Государственная дума и Государственный совет вызывали многочисленные нарекания современников, довольно быстро они стали неотъемлемой частью общественно-политической жизни страны. В качестве представительного органа власти Дума играла очень важную роль легальной трибуны, с которой народные избранники могли высказывать свое отношение к происходившим в стране переменам. Не менее значимой была и законотворческая функция двухпалатного парламента. Возникновение новых политических институтов порождало спрос на образованных и подготовленных к законотворчеству деятелей, что еще более повышало ценность и привлекательность высшего образования.

Казанский университет принадлежит к старейшим российским вузам. А на восточной окраине империи он стал первым. Не случайно и было избрание Казани местом расположения первого из восточных вузов – город служил окном на Восток. Вплоть до начала XX в. он оставался единственным университетом на территории огромного Волго-Уральского региона. Практически большая часть провинциальной интеллигенции региона могла бы назвать Казанский университет своей “альма-матер”. Поэтому не удивительно, что среди народных избранников, представлявших в Думе или Госсовете (из числа избранных сенаторов) население Поволжских губерний, роль питомцев Казанского университета была весьма значительной. Речь идет как о представителях университетской профессуры, так и о “рядовых” выпускниках университета, после окончания учебы пополнивших ряды интеллигенции и провинциального чиновничества.

На сегодняшний день собраны сведения и составлены биографические очерки о жизни и деятельности 50 думцев и се-

наторов, в разное время и в той или иной степени связанных с Казанским университетом.² Это семеро представителей профессорско-преподавательской корпорации – профессора А.В. Васильев, Н.П. Загоскин, М.Я. Капустин, А.В. Смирнов, А.Н. Хорват, Г.Ф. Шершеневич, приват-доцент И.В. Годнев; а также целая группа воспитанников Казанского университета, избранных в Думу (С.-Г.Ш. Алкин, В.И. Алмазов, А.А. Ахтямов, М.П. Бакин, С.М. Баратаев, М.Е. Березин, А.К. Беремжанов, А.В. Бодров, С.И. Бондарев, Г.В. Гутоп, С.В. Дунаев, Ф.А. Еремин, Э.А. Исеев, В.И. Ишерский, В.А. Кадыгровов, Л.В. Карташев, С.М. Корнильев, И.А. Корсаков, М.Ф. Куликов, Д.А. Кушников, К.В. Лаврский, С.О. Лавров, А.Ф. Лисин, С.В. Ложкин, А.А. Мотовилов, А.М. Наумов, И.Н. Овчинников, И.П. Покровский, А.А. Савельев, А.П. Толстой, З.М. Таланцев и Д.С. Теренин) или Госсовет (В.П. Мещеринов, В.Н. Поливанов и Х.Н. Хлебников). К ним же можно причислить и тех думцев, которые в силу разных обстоятельств были вынуждены преждевременно прервать учебу в Казанском университете (А.Ф. Аладьин, З.Н. Байбурин, В.В. Евреинов, Н.А. Мельников), а также питомцев других российских вузов, получивших диплом Казанского университета после сдачи испытательных экзаменов экстерном (А.И. Бакунин и Н.И. Семенов) или же перешедших в столичный вуз (В.Р. Якубсон).

Эти два обстоятельства – общая “альма-матер” и принадлежность к одной из палат Российского парламента – являются, пожалуй, единственными, что объединяет всех названных деятелей. В остальном мы имеем совершенно различных людей, представляющих все социальные слои (от дворянства до крестьян), конфессиональные группы (при безусловном преобладании православных встречаются также мусульмане и один католик), максимально широкий политический спектр (от социал-демократов до правых националистов), а также профессиональные объединения (юристы, врачи, педагоги, земские деятели и т.д.).

Среди них нет только женщин, по российскому законодательству лишенных избирательных прав и ограниченных в сфере образования. Второе общее исключение – практически полное отсутствие представителей высшей аристократии. Не

случайно, что из 50 человек лишь семеро были избранными сенаторами. Да и среди членов Госсовета лишь один являлся сенатором “по назначению”, поскольку таковыми, как правило, становились представители высшей знати.³ Последнее обстоятельство было отнюдь не случайностью. Представители родовой российской аристократии с глубокими корнями и значительными состояниями редко избирали местом обучения своих отпрысков провинциальный вуз, каковым во второй половине XIX в. оставался Казанский университет. Основную массу Казанского студенчества составляли выходцы из малообеспеченных слоев (в том числе, мелкого и среднего провинциального чиновничества и дворянства), для которых будущая материальная обеспеченность была определяющей в выборе профессии. Да и Казань привлекала многих студентов прежде всего относительно дешевой по сравнению со столичными городами жизнью, широкой возможностью дополнительных заработков в виде уроков и пр. В целом во второй половине XIX в., особенно в 80–90-е годы, когда училось большинство из будущих думцев, общее количество студентов в Казанском университете ежегодно колебалось приблизительно в районе 750–800 человек и на порядок уступало аналогичным показателям в столичных университетах. В частности, к началу 90-х годов количество студентов в обоих столичных и Киевском университете св. Владимира колебалось от 2600 до 3700 человек в каждом. В целом, в последние десятилетия XIX в. в общем контингенте российских университетов удельный вес студентов Казанского университета составлял немногим более 5 %.⁴

Университетский устав 1884 г. не запрещал студентам свободный выбор университета, хотя и предусматривал ряд мер, нацеленных на сдерживание нежелательных перекосов (одним из подобных мер было предоставление казенных стипендий только тем студентам, которые учились в университете того же учебного округа, к которому принадлежала их гимназия). При обсуждении этой проблемы в общеуниверситетском совете высказывалась мысль, что незначительное общее число студентов Казанского университета являлось неизбежным роковым последствием “малого числа гимназий в Казанском округе (9) и малочисленности окончивших в них курс (около 170)”.⁵

Следует признать, что во второй половине XIX в. Казанский университет, несмотря на свой довольно почтенный для российских университетов возраст, продолжал оставаться провинциальным окраинным вузом, в котором учились преимущественно выпускники гимназий Казанского и Оренбургского учебных округов, а также Сибирско-Туркестанского региона (три четверти студентов). Это общее правило полностью подтверждается и биографиями депутатов. В свою очередь, русское дворянство восточных окраин редко представляло собой родовитую аристократию. Гораздо чаще оно принадлежало тому слою дворян, чьи предки получили это звание за выслугу не ранее как одно-два поколения назад. Среди упомянутых депутатов относительно много представителей провинциального дворянства, предкам которых дворянский чин был пожалован в эпоху царствования Николая I.

Сословно-профессиональная, общественно-политическая и религиозно-национальная "разнородность" героев очерка чрезвычайно осложняет, а подчас делает практически невозможной, задачу составить некий обобщающий портрет типичного представителя Казанского университета в стенах законодательных учреждений. В то же время можно отметить некоторые преобладающие тенденции, прежде всего в отношении профессии и политических пристрастий. В профессиональном плане из 50 деятелей наибольшее количество, а именно по 20 человек, представляли медицину и юриспруденцию, 8 человек окончили физико-математическое отделение (из них 5 естественное и 3 математическое отделения). Подавляющее преобладание среди думцев юристов и врачей объяснялось, во-первых, спецификой парламентской деятельности, требовавшей юридической квалификации и подготовленности к законотворчеству. Врачи же, особенно земские, избирались в Думу благодаря голосам крестьянского населения, симпатии которого были на стороне сельской интеллигенции. В свою очередь, политические пристрастия земских и городских врачей также были вполне очевидны – среди них преобладали представители левых фракций (кадеты и левее). Все трое депутатов-медиков (И.В. Годнев, М.Я. Капустин и А.Н. Хорват), принадлежавших к правому центру (октябристам), входили в профессорско-преподавательское сословие.

Среди общего числа депутатов с высшим образованием доля питомцев Казанского университета также была незначительной: в среднем она не превышала 6–8 %. Более того, когда новый избирательный закон 1907 г. ограничил представительство в Думе демократических слоев, одновременно резко увеличив удельный вес крупных землевладельцев и родовой аристократии, доля выпускников Казанского университета сократилась до 3,5 % (данные по Думе третьего созыва). Избирательный закон 3 июня 1907 г. в целом уменьшил общую численность депутатского корпуса почти на пятую часть. Причем, правительство рассматривало население поволжских губерний как крайне ненадежное и революционное, а потому сократило численность депутатов, прежде всего за счет этих губерний. Более того, ряд национальных окраин (Средняя Азия, Сибирь) были вовсе лишены народного представительства. Тогда как именно Волго-Уральский регион, Сибирь и Средняя Азия являлись основной территорией, обеспечивавшей Казанский университет потенциальными студентами.

Этно-конфессиональная характеристика включенных в сборник 49 деятелей также вполне отражает общие тенденции религиозной и национальной практики, господствовавшей в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Подавляющее большинство “героев” принадлежали к господствующей народности и конфессии: кроме русских православного вероисповедания, один из думцев являлся поляком римско-католического вероисповедания, двое татар и по одному казаху и башкирину, исповедовавших ислам и, наконец, один иудей. Доля “нерусских” граждан империи была незначительной как среди людей с высшим образованием, так и в стенах российского парламента. Не случайно, что из шести “нерусских” депутатов только один (З. Байбурын) был избран в Думу третьего созыва, “укомплектованную” на основе нового избирательного права, резко сократившего представительство в Думе нерусской части населения (максимум до 15–20%).

Общественно-политический спектр был также весьма разнообразен, хотя и соответствовал общим, характерным для политической жизни страны, тенденциям. В Думах первого и второго созывов преобладали сторонники левых партий, тог-

да как последние две дореволюционные Думы имели более правый характер. Эти же тенденции в полной мере характерны для избранных в Думу депутатов-воспитанников Казанского университета: в Думах первого и второго созывов подавляющее большинство примыкало к оппозиционным фракциям, тогда как среди депутатов последующих Дум стали преобладать сторонники правого центра. Однако в целом, доля правых и националистов среди уроженцев Волго-Уральского региона, в отличие от депутатов от западных окраин, была незначительной (сноски 1–3).

Открытие первого в истории Российской империи парламента вызвало воодушевление населения. Приветственные письма и телеграммы поступали в большом количестве из разных мест, от различных общественных организаций. Из Казани приветственные телеграммы в адрес первого парламента послали – ректор и ряд профессоров Казанского императорского университета, Казанское юридическое общество, Казанское ветеринарное общество, Казанский совет присяжных поверенных, Казанское вспомогательного общества приказчиков и пр. Ректором Казанского университета Н.П. Загоскиным была послана телеграмма следующего содержания: “Исполненный сознания великого исторического значения переживаемого момента, Совет Казанского университета просит вас передать первому собранию изблюбленных представителей Русской земли его сердечный привет и горячее пожелание успеха в предстоящей ответственной и трудной работе. Да будет суждено первому составу народных избранников увенчать русское освободительное движение, без страха и упрека осуществив великую идею свободной жизни в свободной государстве, идею, которою одушевлены все лучшие сыны нашей пострадавшей родины. За вами доверие, надежды и поддержка всего великого русского народа”.⁶ Приветственные телеграммы были зачитаны на заседании 29 апреля 1906 г.

У нас нет сведений о том, что бывшие воспитанники Казанского университета составляли в Думе отдельную корпорацию. Да и вряд ли это было возможно и необходимо. Воспитанники и профессора Казанского университета входили в различные думские объединения, иногда они принадлежали к различным,

подчас находившимся в непримиримом антагонизме, политическим партиям и фракциям. Но то, что они всегда осознавали себя питомцами Казанского университета и хранили в своем сердце благодарность к родной альма-матер – это несомненно. И проявлялась эта благодарная память, в том числе, и в ежегодных поздравлениях ко дню рождения Казанского университета. Такие поздравительные телеграммы депутатами Думы 3 и 4 созывов в Совет университета присылались к 4 ноября неизменно в течение 1907 – 1916 гг.

Например, в ноябре 1907 г. в общеуниверситетский Совет поступило более 20 поздравительных телеграмм, в том числе одна общая от всех казанских членов Государственной думы, индивидуальная от члена Государственного совета профессора А.В. Васильева, а также от бывших воспитанников и профессоров Казанского университета.⁷ На следующую годовщину – в 1908 г. в адрес Казанского университета пришла поздравительная телеграмма, подписанная большой группой депутатов: “Приветствуем дорогой нам Казанский университет в день его годовщины, желаем ему мирного процветания на пользу науки и просвещения. Члены Государственной Думы Капустин, Годнев, Баратынский, Карякин, гр. Уваров, Гримм, Сазонов, Бакин, Савельев, Еремин, Дунаев, Розанов, Покровский, Масленников, Алексеенко, Максудов, Соколов, Исполатов, Лунин”.⁸ Следует сказать, что из числа подписавших данную телеграмму депутатов далеко не все являлись выпускниками Казанского университета. И.И. Соколов и И.П. Исполатов имели среднее образование и окончили курс в Духовной семинарии, К.Н. Гримм учился в военном училище. Н.С. Розанов окончил Казанскую Духовную академию и Московский университет, С.Н. Максуди – парижский университет Сорбонну и экстерном сдал экзамены в Московском университете. Неизвестно, учились ли (и когда) депутаты А.А. Уваров (по официальным документам окончил Московский университет), А.М. Масленников (окончил Санкт-Петербургский университет). Профессор Харьковского университета М.М. Алексеенко (1848 – 18.02.1917) некоторое время состоял попечителем Казанского учебного округа.⁹ Тем не менее, тот факт, что телеграмму подписали не только питомцы Казанского университета, но и депутаты-казанцами, не имевшие к нему

непосредственного отношения, свидетельствует о восприятии многими университета как неотделимой части городского культурного пространства.

Отдельная телеграмма была послана от члена Госсовета А.В. Васильева: "4.11.1908. Прошу передать Совету Университета, учащим и учащимся почтительные поздравления годовщиной нашего Университета, дорогого мыслящей России славными традициями единогодушного служения науке родины. Заслуженный профессор Васильев".¹⁰ Весьма интересна и третья телеграмма, посланная в день очередной годовщины активными членами ассоциации выпускников Казанского университета: "5.11.1908. Собравшись обычный ежегодный обед, вспоминая золотую пору студенчества единогодушно поднимаем бокал [за] процветание родного университета, светоча дорогого Поволжья и восточной окраины отчизны. Галкин-Враской, Поливанов, Мещеринов, Васильев, Мотовилов, Елачич, Митрово, Пашковский, Кошкин, Кукуранов, Михайлов, Боянус, Булич, Фельзер, Тюльпанов, Введенский, Износков, Толстой, Акерблум, Аристов, Глинка, Останков".¹¹ Из подписавших эту телеграмму университетских воспитанников первые четверо состояли членами Госсовета, а один депутатом Думы.¹² Через несколько лет в 1911 г. проживавшие в столице питомцы Казанского университета практически в том же составе отмечали уже четвертьвековой юбилей своего общества: "5.11.1911. Санкт-Петербург. Собравшись в знаменательный день справить двадцатипятилетие существования общества вспомоществления живущим в столице студентам Казанского университета, вспоминаем в задушевных беседах счастливые годы юности. Да будет и впредь родной университет звеном, соединяющим в тесную семью казанцев, рассеявшихся по лицу земли русской. За дальнейшее процветание старейшего умственного центра России. Галкин-Враской, Боянус, Акердлом, Булич, Головня, Догель, Елачич, [А.] Францевич, Исеев, Введенский, Симолин, Розен, Костеркин, Кукуранов, Мещеринов, Мещанников, [П.А.] Останков, [Е.А.] Ратнер, Поливанов, Тюльпанов, Хитрово, Мотовилов, Кошкин, Мосолов".¹³

На следующий год эта же группа вновь отпраздновала очередную годовщину приветственной телеграммой: "5.11.1912.

Санкт-Петербург. Собравшись в незабвенный день пятого ноября сердечно приветствуем родной университет, всегда державший знамя науки в интересах широкого просвещения Поволжья, Прикамья и Сибири. В знаменательную годовщину столетия Отечественной войны с отрадным чувством вспоминаем патриотический порыв, охвативший казанских студентов, самоотверженно изъявивших готовность стать в ряды ополчения. Боянус, Булич, Введенский, Елачич, Коншин, Кукуранов, Мещеринов, Поливанов¹⁴, барон Розен, Фельзнер, Хитрово".¹⁵ На следующий год: "5.11.1913. Санкт-Петербург. В знаменательный день пятого ноября казанские студенты сердечно приветствуют родной университет и переносятся в счастливую пору жизни, когда в аудиториях с энергией молодости почерпались знания и вырабатывались идеалы. Галкин-Враской, Елачич, Боянус, Булич, Введенский, Головня, Догель, Кошкин, Костеркин, Кукуранов, Мещеринов, Мосолов, [П.А.] Останков, Поливанов, Розен, Симолин, Симановский, Фельзер, Хитрово".¹⁶ В том же году телеграмму по обычаю прислали члены Государственной думы: "Шлем горячий привет родному нам университету, университетским профессорам, студентам. Члены Государственной думы Капустин, Алексеенко, Годнев, Баратынский, Карякин, Еникеев, Дунаев, Бакин, Мотовилов, Розанов, Еремин, Жданов".¹⁷ Находившиеся в Москве на праздновании юбилея М.В. Ломоносова члены Госсовета, казанские профессора А.В. Васильев и Н.П. Загоскин также приветствовали родной университет поздравительной телеграммой: "4.11.1911. Москва. Сердечно приветствуем родной дорогой университет в день годовщины основания. Шлем наилучшие пожелания университету, учащим и учащимся. Благодарим за честь представительства на ломоносовском торжестве. Члены Госсовета Васильев и Загоскин".¹⁸

Не забывали ставший родным Казанский университет и проживавшие в столице бывшие профессора А.В. Васильев и М.Я. Капустин. В годовщину основания университета они неизменно присылали приветственные телеграммы своим коллегам: Профессор А.В. Васильев писал: "5.11.1912. Приветствую родной Университет, совет профессоров, всех трудящихся пользу и славу университета, дорогую учащуюся моло-

дежь".¹⁹ На следующий год: "5.11.1913. Приветствую дорогой Казанский университет, шлю наилучшие пожелания Совету, всем преподающим, учащейся молодежи. Заслуженный профессор Васильев".²⁰ Профессор М.Я. Капустин, не избранный в Думу 4 созыва, в 1912–1913 г. по-прежнему присылал поздравительные телеграммы, но отныне только за своей подписью.²¹ Вряд ли случайностью является тот факт, что с 1912 г. коллектив Казанского университета не получал поздравительных телеграмм своих воспитанников – депутатов Государственной думы. С не избранием профессора М.Я. Капустина в члены Государственной думы казанские воспитанники в Думе лишились организатора, чья память хранила верность родному университету, а подпись неизменно открывала все думские поздравительные телеграммы.

Источники:

- 1 Можно назвать лишь две публикации, посвященные этой проблеме: *Чугунова Н.С.* Воспитанники Казанского университета – депутаты Государственной думы России. // Прошлое далекое и близкое... (По страницам рукописей и редких книг). – Казань, 1993. – С. 86 – 106; *Усманова Д.М.* Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России. 1906 – 1917. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 2002. – 140 с. + вкл. 48 фотографий.
- 2 Подробные биографии 47 из названных депутатов и сенаторов см.: *Усманова Д.М.* Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России... После выхода монографии в свет были выявлены еще два депутата-перводумца, учившиеся в Казанском университете – В.И. Ишерский и В.Р. Якубсон. Возможно, этот список еще не полон и будет дополнен новыми именами.
- 3 Таким членом Госсовета по назначению был Михаил Николаевич Галкин-Враской (1834 – 8.04.1916), происходивший из дворян Казанской губернии (владел в Казанской и Уфимской губерниях 3343 десятинами родовой земли). Православный. Закончил юридический факультет Казанского университета. Членом Госсовета состоял с 28 февраля 1896 года. Был назначен сенатором с должности начальника Главного тюремного управления. В Госсовете примыкал к группе центра, член Русского собрания. См.: *Бородин А.П.* Государственный совет России. 1906 – 1917. – Киров, 1999. С.253 – 254.
- 4 Очерки истории Казанского университета. – Казань, 2002. – С. 125.
- 5 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 9184. Л. 229-234, 310-313.
- 6 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11274. Л. 109.

- 7 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11370. Л.
- 8 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11472. Л. 84-85.
- 9 РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 12 и Д. 13.
- 10 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11472, Л. 86-87; Д. 11564. Л. 278.
- 11 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11472, Л. 89-90.
- 12 Биографические очерки сенаторов А.В. Васильева, В.П. Мещеринова и В.Н. Поливанова см.: *Усманова Д.М.* Профессора и выпускники Казанского университета в Думе и Госсовете России..., С. 125 – 128.
- 13 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12248. Л. 84-86.
- 14 Члены Государственного совета по избранию В.П. Мещеринов и В.Н. Поливанов в этом же году прислали отдельную поздравительную телеграмму: *“Петербург, 5 ноября 1912. Приносим сердечные поздравления дорогой нашей альма матер. Члены Государственного совета Поливанов, Мещеринов”*. См.: НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12425. Л. 138.
- 15 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12425. Л. 140.
- 16 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12623. Л. 100.
- 17 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12248. Л. 82.
- 18 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12248. Л. 83.
- 19 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12425. Л. 128.
- 20 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12623. Л. 96.
- 21 НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12425. Л. 129. *“Петербург, 4.11.1912. Привет дорогому университету. Профессор Капустин”*. Д. 12623. Л. 97. *“Петербург, 4.11.1913. Поздравляю университет, товарищей, студентов. Профессор Капустин”*.

Профессора Казанского Императорского Университета – члены Государственной Думы и Госсовета
Таблица 1.

ФИО, годы жизни	Дума или Госсовет (созыв), регион избрания	Членство во фракциях и в комиссиях	Должность в КИУ, годы учебы в вузе, специальность
Васильев Александр Васильевич, 24.07.1853 – 16.10.1929	I Казанская губерния; Член Госсовета от АН и университетов (20.02.1907 – 1917)	В Думе – к.-д.; В Госсовете – левая академическая группа	Профессор чистой математики Казанского (1874 – 1907), Санкт- Петербургского (1907 – 1923) и Московского ун-тов (1923 – 1929), выпускник физико-математического факультета Московского университета (1869-1874)
Годнев Иван Васильевич, 20.09.1856 – после 1917	III-IV Дума, Казанская губерния	окт.; бюджетная (III-IV секре-тарь), росписи (III, IV – председатель), народного образования (III-IV); народ-ного здравия (IV, тов. председателя)	Приват-доцент Казанского университета (1886 – 1917), воспитанник медицинского факультета Казанского университета (1873-1878), практикующий врач
Загоскин Николай Павлович 20.07.1851- 6.02.1912	Член Госсовета от АН и университетов (15.10.1911- 6.02.1912)	левая академическая группа	Профессор истории русского права Казанского ун-та (1880 – 1911), воспитанник юридического факультета Казанского ун-та (1870-1874)

Капустин Михаил Яковлевич, 23.12.1847 – 1920	II-III Дума, г. Казань и Казанская губерния	окт.; народного образования (II-III), библиотечная (II, III – тов. председатели); бюджетная (III), старообрядческим делам (III)	Профессор Варшавского (1885 – 1887), Казанского (1887 – 1907, 1908 – 1916), Санкт-Петербургского (1916) ун-тов, воспитанник Военно-Медицинской академии (окончил в 1870 г.)
Смирнов от. Александр Васильевич, 16.11.1857 – после 1918?	IV Дума; Казанская губерния	окт.; исполнения государственной росписи; народного образования, дел православной церкви (секретарь)	Профессор Казанской Духовной академии (1896), Казанского ун-та (1896 – 1912) и Петроградского университетов (1915-1918), воспитанник Казанской духовной академии (1880 – 1884)
Хорват Алексей Николаевич, 22.12.1836 – после 1912	II Дума, Херсонская губерния	окт.	Профессор общей патологии медицинского факультета Казанского ун- та (1882 – 1896 гг.), воспитанник Киевского ун-та св. Владимира (1860 – - 1865)
Шершеневич Гавриил Феликсович, 1.01.1863 – 31.08.1912	I Дума, г. Казань	к.-д., подписал Выборгское воззвание	Профессор юридического факультета Казанского (1888 – 1906) и Московского (1906 – 1911) университетов, воспитанник Казанского ун-та (1881 – 1885)

Таблица 2.
Выпускники Казанского императорского университета (в том числе учившиеся в других вузах, но получившие диплом Казанского университета) – члены Государственной думы

ФИО, годы жизни	Регион избрания, фракция	Членство во фракциях и в комиссиях	Годы учебы в Казанском университете, факультет (отделение), диплом, звание, профессия
Алкин Саид-Гирей Шагиахметович, 13(14).07.1867- 1919	I Дума, Казанская губ.	к.д., мусульманская; подписал Выборгское воззвание	Юридический фак-т – 1887- 1893, диплом первой степени, присяжный поверенный
Алмазов Василий Иванович, 1.03.1857 – ?	IV Дума, Саратовская губ.	к.-д.; исполнения росписи, город-ским делам, народного здравия, распорядительная	Медицинский фак-т – 1876 – 1881; практикующий врач
Ахтямов Абу- сутуд Абдулхо- ликович, 1843 – 1920	I Дума, Уфимская губ.	к.-д., мусульман-ская; подписал Выборгское воззвание	Юридический фак-т – 1863-15.3. 1866, уволен; 21.08.1867-1872; присяжный поверенный
Бакин Матвей Петрович, 13.11.1869 – 1917/1918	III Дума, Вятская губ.	к.-д.; рыболовству	Медицинский фак-т – 1895 -1900, лекарь с отличием, земский врач

Баратаев князь Сергей Михайлович, 9.10.1861 – ?	I Дума, Симбирская губ.	к.-д.;	Физико-математический фак-т, отделение естественных наук 1881-1885, действительный студент, золотая медаль; земский деятель
Бакунин Алексей Ильич, 1875 – ?	II Дума, Тверская губ	к.-д.; распоря-дительная (председатель)	Медицинский фак-т Московского ун-та, Петербургская военно- медицинская академия; Швейцарский университет; государственный экзамен экстерном держал в Казанском ун-те в 1902 г., диплом лекарь с отличием (протокол Комиссии – 19.10.1902); врач
Березин Михаил Егорович (Георгиевич), 6.11.1864 – 1933	II Дума, г. Саратов	труд.; росписи, аграрная, наказу, запросов, 55-ти членов	Математический фак-т – 1885- 1891, диплом первой степени; земский деятель
Беремжанов Ахмед Кургамбекович 7.12.1871 – ?	I и II Думы, Тургайская обл.	к.-д., мусульман-ская; о преобразовании местного суда, об отмене военно- полевых судов (II)	Юридический фак-т – 1891-1895, экзамен – 1896 г.; мировой судья
Болров Александр Владимирович, 17.04.1860 – ?	II Дума, Вятская губ.	с.-д.	Медицинский фак-т – 14.08.1881 – 26.11.1882, уволен; 2.10.1883 – 30.05.1887 со званием уездного врача; земский врач

Бондарев Сергей Иванович, 5.09.1872 – 1944	I Дума, Саратовская губ.	труд.; финансовая, по составлению адреса; подписал Выборгское воззвание	Физико-математический фак-т 31.08.1899-10.04.1903, диплом первой степени
Гутол Григорий Владимирович, 12.03.1853 – ?	I, III и IV Думы, Уфимская губ.	бесп. (I), к.-д. (III-IV); III – законодательных предположений, местного самоуправления; IV – редакция, распорядительная	Юридический фак-т – 25.08.1870 – 27.05.1875 действительный студент; мировой судья, присяжный поверенный
Дунаев Сергей Владимирович, 1858/1859 – ?	III Дума, Казанская губерния	К.-д.; по борьбе с пьянством	Медицинский фак-т – 04.09.1878 – 12.09.1883; 12.09.1883 – 22.05.1884, лекарь; практикующий врач
Еремин Феофан Александрович, 5.03.1866 – ?	II-III-IV Думы, Уральское казачье войско (казачьим населением)	к.-д., казачья группа; II – местного самоуправления, по рассмотрению законопроектов III-IV – исполнения росписи, рыболовной; старообрядческой	Медицинский фак-т 16.08.1884-9.10.1887, уволен; восстановлен 16.09.1896 -31.05.1899; врач
Исеев Эраст Андреевич, 3.10.1852 – ?	III Дума, Саратовская губ.	националистов; путей сообщения	Юридический фак-т; земский деятель
Ишерский Владимир Иванович, 12.03.1873 – ?	I Дума, Акмолинская губерния (г. Омск)	С.-д.; подписал Выборгское воззвание	Медицинский фак-т – 1893-1898; земский врач

Кадыгровов Всеволод Антонович, 23.04.1877 – ?	IV Дума, Минская губ., отказался 13.12.1912	Националистов	Юридический фак-т 8.08.1895 - 3.04.1899, диплом первой степени; прокурор Гродненского окружного суда
Карташев Лев Васильевич, 24.11.1870 – 25.07.1963	II Дума, Симбирская губерния	труд.; бюджетная, местного суда, запросов, 55-ти членов,	Медицинский фак-т 14.08.1890- 3.09.1891, переведен в Киевский ун-т, восстановлен 9.10.1896 – 25.07.1900, диплом лекаря с отличием; земский и позднее вольнопрактикующий врач
Корнильев Сергей Михайлович, 10.07.1869 – ?	I Дума, Вятская губ.	труд.; бюджетная, по исследо- ванию незаконных действий администрации, подписал Выборгское воззвание	Медицинский фак-т – 1889 – 1894; земский врач
Корсаков Иван Асикритович. 1850 – март 1912	I Дума, Новгородская губ.	к.-д.; по исследованию незаконных действий администрации, финансово	Юридический факультет – 9.01.1871 – 15.02.1873, по причине увольнения, 26.05.1873 – 15.12.1873; юрист, общественный деятель
Куликов Михаил Федорович, 12.10.1861 -	I Дума, г. Астрахань	к.-д.; подписал Выборгское воззвание	Медицинский факультет – 1883- 1889; со степенью уездного врача; врач
Кушников Дмитрий Александрович, 15.10.1850 – 20.12.1911	II Дума, Казанская губ.	к.-д.; распоря-дительная	Медицинский факультет – 7.10.1871 – 25.05.1875; земский врач

Лаврский Константин Викторович, 14.12.1844 – 27.11.1917	I Дума, Казанская губ.	Трудовиков; аграрная	Юридический факультет 20.02. 1861 – 01.01.1864, 1881-1882; магистр права; присяжный поверенный
Лавров Сергей Осипович – 1845 – 25.08.1910	III Дума, Самарская губ.	Октябристов; переселенческая, земельная	Юридический факультет – 19.09. 1863-3.11.1865, уволен; 27.08.1867-27.05.1868; 27.05- 11.10.1868, действительный студент; земский деятель
Лисин Александр Федорович, 24.09.1867 – ?	II Дума, Саратовская губ.	народных социалистов; продовольственная	Медицинский факультет 1887 – 1894; земский врач
Ложкин Сергей Васильевич, 18.10.1868 – ?	I Дума, Вятская губ.	к.-д.	Медицинский факультет 1887- 1892; земский врач
Мотовилов Александр Андреевич, 22.10.1850 – ?	III-IV Думы, Симбирская губ.	националистов; финансовая (III-IV), продовольственная (III – тов. секретаря, IV председатель), неприкосновенности (III тов. председателя), направлению законодательных предположений (IV тов. председателя)	Юридический фак-т 3.09.1869 – 26.05.1873; мировой судья и земский деятель

Наумов Александр Михайлович, 6.04.1863 – ?	IV Дума, Самарская губ.	Националистов; охотничья, рыболовная, судебным реформ	Юридический факультет 9.08.1883 – 30.05.1887, действительный студент; земский деятель
Овчинников Иван Никифорович, 1.05.1863 – ?	I Дума, Вятская губ.	к.-д., подписал Выборгское воззвание	Физико-математический факультет Санкт-Петербургского (1883-1886) и Казанского ун-тов 21.7.1886-28.05.1888; действительный студент; 28.05.- 9.11.1888, выбыл; сверхштатный лаборант (21.05.1891-8.01.1892), уволен по прошению; агроном и управляющий именем
Покровский 2-й Иван Петрович, 7.11.1872 – после 1924	III Дума, неказачьим населением Кубанской и Терской обл. и населением Черноморской губ.	с.-д.; бюджетная, переселенческая, рыболоводству	Медицинский фак-т – 23.10.1895- 05.06.1898, лекарь с отличием; врач
Савельев Александр Александрович, 10.11.1848 – 29.05.1916	I-II-III Думы, г. Нижний Новгород (I), Нижегородская губ. (II-III)	к.-д.; росписи (II, III – тов. председателя), продовольственная (II-III), местного самоуправления (II- III)	Юридический фак-т – 24.04.1871- 1871, 1874; юрист, земский деятель

Семенов Николай Иванович, 1860 – ?	I Дума, Саратовская губ.	Трудовиков, аграрная, гражданского равноправия, неприкосновенности личности; подписал Выборгское воззвание	Юридический фак-т Санкт-Петербургского? ун-та, исключен за революционную деятельность; экзамен держал экстерном в Казанском ун-те в 1892 г.; диплом первой степени (протокол Комиссии – 27.05.1892)
Таланцев Зиновий Михайлович, 30.05.1868 – 1929	II Дума, Казанская губ.	Трудовиков; финансовая	Петровско-Разумовская земледельческая академия (1886-1887); Берлинская земледельческая высшая школа (1889); естественное отделение физико-математического факультета Казанского ун-та – 1890-1893, исключен, восстановлен 1896-1898; диплом первой степени; предприниматель
Теренин Дмитрий Степанович, 27.09.1873 – ?	IV Дума, Казанская губ.	земцев-октябристов; финансовая (секретарь), росписи, о пенсиях и пособиях	Юридический фак-т – 1891-1895; диплом 2-й степени; земский начальник, с 1906 – бухгалтер Крестьянского поземельного банка
Толстой гр. Александр Петрович, 25.03.1863 – ?	III Дума, Уфимская губ.	прогрессистов (секретарь фракции); продовольственная (тов. секретаря), переселенческая, сельско-хозяйственная	Физико-математический факультет Санкт-Петербургского (1882-1884) и Казанского ун-тов (1884 – 1887); действительный студент; земский деятель

Таблица 3.

Члены Государственной думы, учившиеся в КИУ, но не закончившие его

ФИО, годы жизни	Регион избрания, фракция	Членство во фракциях и в комиссиях	Годы учебы в КИУ
Аладьин Алексей Федорович, 15.03.1873 – 30.07.1927	I Дума, Симбирская губ.	Трудовиков	Медицинский (1892-1893) и физико-математический (1893 – 1896) фак-ты Казанского ун-та; исключен за революционную деятельность
Байбурин Зигангир Нургалиевич, 20.03.1859 – 1915	III Дума, Оренбургская губ.	Мусульманская; бюджетная, земельная комиссии	Медицинский фак-т (1883 – 1887), окончил без испытательных экзаменов, в звании лекарского помощника
Евреинов Владимир Вячеславович, 13.12.1867 – ?	II Дума, Астраханская губ.	с.-р.; аграрная	Медицинский фак-т 13.08.1888 – 22.05.1893 (5 курсов, исключен вследствие политической неблагонадежности); секретарь товарищества Нобель
Мельников Николай Александрович, 15.10.1872 – ?	III Дума, Казанская губерния, отказался 24.03.1908	окт., заместитель секретаря Думы	Медицинский факультет – 3.08.1890-6.04.1893, по причине увольнения по домашним обстоятельствам; земский деятель
Якубсон Владимир Романович (Якубсон Бениамин Вульф Рубинович) (30.08.1861 – ?) –	I Дума, Гродненская губерния	труд., по исследованию несогласных действий властей; исполнитель росписи; подписал Выборгское воззвание	Юридический факультет Казанского ун-та, в 1882-1883. Перевелся на юридический факультет Санкт-Петербургского ун-та (1883-1887); присяжный поверенный в г. Слоним

Раздел второй

Материалы секции

**«Великий волжский путь: развитие
культурных и этноконфессиональных
контактов»**

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОГРАММЫ ПО СОХРАНЕНИЮ, ИЗУЧЕНИЮ И РАЗВИТИЮ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В г.КАЗАНИ

Политическая и социальная стабильность государств, сотрудничество между народами и государствами невозможно без национального возрождения и развития всех народов. Еще в 1960-х годах в международном масштабе было признано, что невнимание к национальным интересам ведет к развалу государств.

В истории человечества применение и развитие отдельных языков связано в основном с изменениями, происходящими в обществе. Начиная с середины 80-х годов в истории народов бывшего Советского Союза начались крутые перемены и изменения. Как отражение роста национального самосознания, со всей остротой на повестку дня вновь встал вопрос о сохранении, развитии языка своего народа, о расширении сферы его применения. После изучения этой проблемы и накопления предложений в России с начала 90-х годов были предприняты конкретные меры по его реализации.

11 февраля 1991 г. принят Закон Российской Федерации "О языках народов РФ". Главной целью документа является сохранение и развитие национальных языков.

8 июля 1992 г. принят Закон Республики Татарстан "О языках народов Республики Татарстан". Для реализации этого Закона в 1994 г. с указанием подробных мероприятий была разработана Государственная Программа по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан.

Как мы знаем, Казань – столица многонационального государства с великой историей. Она вобрала в себе культуру, исторические традиции тюркских и славянских народов и занимает передовое место в решении национальных вопросов. Поэтому, Общественный совет по реализации Закона РТ

“О языках народов РТ” при администрации города Казани, анализируя результаты выполнения Государственной Программы, пришел к выводу, что необходимо принять специальную городскую Программу по сохранению, изучению и развитию языков народов, проживающих в г. Казани. Такая Программа разработана и утверждена депутатами на сессии Казанского Совета народных депутатов.

В Программе предусмотрены вопросы укрепления межнационального согласия и взаимопонимания, использование в равных объемах государственных языков РТ во всех городских структурах и государственных органах власти.

Программа является документом, определяющими цели и задачи обеспечения благоприятного сохранения и развития языков и культур народов, населяющих столицу Татарстана, стратегию достижения и необходимые для этого организационные условия, интеллектуальные, информационные и материально-финансовые ресурсы.

В первом разделе **“Сохранение, изучение и развитие языков народов, проживающих в г.Казани”** предусмотрено:

- создание условий для обучения на родном языке в дошкольных образовательных, общеобразовательных учреждениях, высших учебных заведениях и многонациональной воскресной школе;
- совершенствование работы по толерантному воспитанию;
- отслеживание динамики формирования национального самосознания;
- установление социально-экономических, научно-технических и культурно-просветительских связей с исторической родиной народов, проживающих в г.Казани, и регионами компактного проживания татар;
- создание системы ознакомления населения города с достижениями национальных культур народов, проживающих в г.Казани;
- оказание содействия средствам массовой информации в организации передач на языках народов и о народах, проживающих в г.Казани.

Существенный вклад, при реализации этих задач, оказывает действующая с 1992 г. Ассоциация национально-куль-

турных обществ, которая сегодня объединяет 33 национальные общины.

Большую роль в создании необходимых условий для их деятельности играет открытый 26 мая 1999 г. Дом Дружбы народов.

Работает многонациональная воскресная школа, где на 20 отделениях изучают свой язык, культуру и историю более 450 детей разных национальностей. Ежегодно проводится фестиваль многонационального народа Татарстана “Казань наш общий дом” и каждая национально-культурная организация проводит дни национальной культуры, празднует дни независимости своих республик и государств.

Понятно, что выполнение Программы возложено на администрацию города Казани, о чем далее мы поговорим, а пока кроме Программы надо сказать о мероприятиях российского и международного масштаба, проводимых городом. Казанские власти оказывают целенаправленную поддержку контактными связям в сфере художественного творчества, профессионального искусства. В городе ежегодно проводятся международные фестивали оперного искусства имени Федора Шаляпина, классического балета имени Рудольфа Нуриева, театральный фестиваль тюркских народов и музыкальный фестиваль имени Софьи Губайдуллиной.

Местными властями города проводится политика содействия диалогу культур, этноязыковых групп и конфессий, которая предполагает их прямое и непосредственное участие в налаживании форм и институтов взаимодействия. Так, проведены Съезд народов Татарстана и Всемирный конгресс татар. Казань получает широкое признание международного сообщества:

- это награда ЮНЕСКО “Пальмовая ветвь мира”, полученная городом в международном году культуры мира (2000 г.), и почетный диплом конкурса ЮНЕСКО “Города за мир 2000-2001” (2002 г.);

- это и участие в работе крупных международных организаций. В 2002 г. под эгидой ЮНЕСКО, Европейской Ассоциации исторических городов и регионов, Организации городов всемирного наследия проведен Международный симпозиум “Многообразие культур в исторических городах – ключ к ус-

тойчивому будущему". Работает Программа "Великий Волжский путь", целями которой являются развитие международного диалога, установление партнерского сотрудничества между городами Великого Волжского пути, проведение семинаров, ярмарок, культурных программ;

- это и включение исторического памятника Казанский Кремль и национального татарского праздника "Сабантуй" в список шедевров ЮНЕСКО.

Раздел второй "Паритетное использование и развитие государственных языков Республики Татарстан" включает в себя следующее:

- обеспечить функционирование государственных языков РТ в органах государственной власти и управления;

- обеспечить использование государственных языков РТ в сферах транспорта и связи, здравоохранения, юридического обслуживания, социальной защиты, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и потребительских услуг;

- создать условия для воспитания и обучения в ДОУ и ОУ на государственных языках РТ в равных объемах;

- проведение исследований по проблемам языковой политики РТ в городе;

- обеспечение жильем кадров, работающих на двух государственных языках РТ, и многое другое.

Исполнение вышеперечисленного ежеквартально заслушивается на аппаратном совещании у Главы администрации г.Казани. Докладчиком является отдел по делам национальностей аппарата администрации г.Казани, созданный для контроля и координации деятельности структурных подразделений города за исполнением плана мероприятий по реализации данной Программы. Несколько слов из одного доклада:

- каждое структурное подразделение администрации г.Казани обеспечивает обслуживание населения на государственных языках РТ;

- 18% от общего числа распорядительных актов готовится и принимаются на двух государственных языках РТ;

- в служебный регламент и должностные инструкции введены дополнения в соответствии с Законом РТ "О языках народов РТ";

- организованы курсы обучения татарскому языку государственных служащих, работников подведомственных подразделений и городского населения;
- сформирован банк данных по кадрам, владеющим государственными языками РТ;
- создана система материального стимулирования для повышения качества преподавания и воспитания на государственных языках РТ;
- структурные и подведомственные подразделения обеспечены татарско-русскими словарями, разговорниками, лексическими минимумами и компьютерными программами.

Раздел третий “Ресурсное обеспечение”.

Для своевременного и целевого финансирования мероприятий, запланированных Программой, сформирован Городской Фонд развития языков и культур “Эмет” (в переводе с татарского языка “Надежда”). Особенностью является то, что в Фонд предусмотрено выделение 1% средств от расходной части бюджета города. Это дало возможность:

- обеспечить по потребностям все национально-культурные организации национальными костюмами и инструментами;
- организовать систему подготовки и переподготовки кадров для работы на двух государственных языках Республики Татарстан;
- комплектовать библиотеки города литературой на языках народов, проживающих в г.Казани;
- создать и оснастить необходимым оборудованием кабинеты преподавания языков, компьютерные классы;
- оказать содействие телерадиокомпаниям в подготовке и выпуске передач по проблемам государственных языков РТ и фильмов о языках народов, проживающих в г.Казани;
- укрепить материально-техническую базу городских периодических изданий и т.д.

Казань готовится отпраздновать 1000-летие своего основания. Это историческое событие имеет общероссийскую и мировую значимость. В целях подготовки к празднованию и в рамках федеральной целевой программы “Сохранение и развитие исторического центра города Казани” осуществляются инвестиционные проекты, ведется строительство новых

объектов, благоустройство города. Для сохранения и развития национальных особенностей народов, проживающих в городе, создается благоприятная психологическая атмосфера и языковая среда в области культуры, производства и обслуживания, но никто не собирается останавливаться на достигнутом. Впереди следующие высоты и качественно усовершенствованный подход. В Программе стратегического развития города Казани до 2015 г. одной из трех целей предусмотрено “Создание сплоченного общества”, что является неотъемлемой частью в построении демократического общества на основе межнационального и межконфессионального взаимопонимания. Мы всегда открыты для диалога, готовы поделиться тем, что имеем, воспринять поучительные достижения и рекомендации других.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТАТАРСКОЙ ДΙΑСПОРЫ В ЦЕНТРАЛЬНО- АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Термин «диаспора» обозначает буквально рассеяние и применяется для обозначения переселенческих этнических обществ. По типологии диаспоры разделяются на «классические» и «приглашенные». В современном постсоветском пространстве к ним добавились «новые» диаспоры как продукт распада СССР и диаспоры как результат нового уровня суверенитета субъектов РФ. В то же время следует отметить, что отнесение к диаспорам общин собственно российских народов, которые проживают вне своих титульных республик, остается предметом теоретических дискуссий. Эти этнические сообщества гораздо охотнее называют себя общинами, землячествами и т.д.

Татарская нация считается крупной диаспорной нацией, т. е. нацией, имеющей диаспоры вне основного материнского этноса. В результате многократных миграций, обусловленных социально-экономическими и политическими причинами, татары расселились на всей территории современной Российской Федерации, странах ближнего и дальнего зарубежья.

По данным на начало 1991 г., из 7 миллионов татар в мире только 1 млн. 700 тыс. проживало в титульной республике (Татарстан). В России было около 5 млн. татар, где они были и остаются, по оперативным данным последней переписи, второй по численности после русских нацией. В странах Центрально-Азиатского региона проживало 949 тыс. татар, из них в Узбекистане – 457, Казахстане – 327, Таджикистане – 72, Киргизии – 70, Туркменистане – 39, Азербайджане – 28 тысяч.

Этноним «татары», являясь названием небольшой центрально-азиатской народности, вместе с монгольским заво-

еванием попал в Восточную Европу и в эпоху Золотой Орды привился в Поволжье за местным, преимущественно тюркским населением, состоявшим из камских булгар, половцев, буртасов, хазар и части угров.

Историческим ареалом формирования современных этнических татар, получивших свое самоназвание в XIV в., традиционно считаются районы Волго-Урала. Будучи народом подвижным, легким на подъем, татары последние четыре века I тысячелетия активно участвовали в крупных миграционных процессах на территории современной Евразии. Уже в XVIII в., по мере продвижения России к южным морям, торговые татары с Волги и Урала осваивают районы Северного Кавказа и Причерноморья.

Первые сведения о массовых миграциях татар в регион Центральной Азии относятся к середине XVIII в. Здесь они расселялись на тех территориях, где встречали общность в языке, религии, национальных традициях и нравах. Таким образом они расселились на территории современных Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Таджикистана, Туркменистана и российских республик Северного Кавказа. Тюркские народы этих стран ближе всего к татарам по языку, вероисповеданию и культуре. Это народы алтайской семьи тюркской языковой группы – азербайджанцы, балкарцы, казахи, каракалпаки, карачаевцы, киргизы, туркмены, узбеки, живущие в одноименных титульных государственных образованиях; а также кумыки и ногайцы, живущие в Дагестане и других республиках Северного Кавказа; бахтияры, каджары, кашкайцы, талыши и шахсевены, живущие в Иране; алтайцы, гагаузы, дунгане, крымские татары и турки-месхетинцы, живущие в бывших республиках Средней Азии.

Татарская диаспора в Казахстане, как и все диаспоры в Средней Азии, многослойна как по времени расселения, так и по исходным местам жительства. В Казахстане живут казанские, уфимские и касимовские татары, мишари из бывших Нижегородской и Саратовской губерний. Имеется особая прослойка илийских татар, репатриированных в 1955 г. из Синьзян-Уйгурского автономного района Китая. Все они составляют единую диаспору. От этнической родины их гнали

малоземелье, социально-экономический гнет, обострение конфессиональных и политических преследований. Земля казахов привлекала благожелательным отношением коренного населения, близостью его языка, единой верой, сходством социальных и национальных чаяний.

Первоначальными точками расселения татар на территории современного Казахстана уже в конце XVIII в. был Уральск. С 1760 г. царским правительством было разрешено заселение Иртышской линии, и татары устремляются в построенные на ней крепости Петропавловск и Семипалатинск. В конце следующего столетия в этих городах существовала развитая сеть татарских кварталов, мечетей, медресе и школ-мектебов. По свидетельству видного русского тюрколога В.Радлова, в 1862 г. в Семипалатинске жило 6 тысяч человек, треть из них – татары. В 1915 г. в Петропавловске было 65 тысяч жителей, 1/3 из которых также представляли татары. Потомки первых татарских переселенцев весь XIX в. следовали дальше, вглубь казахской степи. Так возникли довольно многочисленные диаспоры в Кокчетаве, Акмолинске, Павлодаре, Атбасаре. Во второй половине XIX века татары из Семипалатинска и Петропавловска стали селиться в Верном (ныне Алматы). Предприимчивые татарские купцы добрались до Бухары, Ташкента, Самарканда, Пишпека и Кульджи. В 1912 г. среди 16 тысяч жителей Пишпека было 600 татар.

Центром переселения татар в Закавказье с конца XIX в. стал Баку. Сюда татарских мигрантов манило наличие рабочих мест на нефтепромыслах, относительно мягкий климат, развитая продовольственная база, а также близость азербайджанского языка, общая религия и толерантность азербайджанского общества. Еще до революции в Баку сложилась большая прослойка татарской интеллигенции, выходили газеты на татарском языке, издавались книги, развивалась общественная мысль, работал татарский театр. В годы Советской власти татарское население пополнилось за счет бежавших от голода в Поволжье в 20-е годы, а также за счет прибывших специалистов нефтедобывающей отрасли.

Татары в Азербайджане работали на строительстве, на нефтепромыслах и рудниках. Известные своим трудолюби-

ем, незлобивым и кротким характером, а также смекалкой и расчетливостью, представители татарской нации брались местными промышленниками на работу с большим предпочтением даже при наличии значительной конкуренции со стороны пролетариев коренных народов.

До революции много татар занимались мелким ремеслом, скорняжным делом, обслуживанием неотложных бытовых нужд населения. Основным занятием была все же торговля. Татарские купцы вели торговлю мехами, кожей, коврами, тканями, галантерейными товарами, готовым платьем, кондитерскими товарами, восточными пряностями и специями Востока, вытесняя из этих сфер торговцев из числа местных народов.

Эти переселенцы составляли наиболее значительную часть татарской миграции, которую ряд ученых (А.Л.Литвин, Б.Ф.Султанбеков) правомерно называет «трудовой», или «экономической» эмиграцией.

В конце XIX в. началось движение «мохаджирства» – переселения татарского населения из деревень Поволжья и Приуралья, вызванное второй волной насильственной христианизации мусульман после поражения России в Крымской войне. В 1890 г. вышло постановление Министерства иностранных дел России о возможности эмиграции мусульманского населения из этих регионов за границу по религиозным мотивам. На просьбу мусульман России предоставить политическое убежище откликнулись Турция и Египет. В 1892 г. было получено согласие турецкого султана Абдулхамида II о переселении в страну нескольких тысяч мусульман из России, и уже в начале 1893 г. до 3 тысяч татар устремились из регионов Волги и Урала в Турцию. Отдельные последователи веры осели и в тех частях Российской империи, где сохранялась относительная автономия исламской религии. Такими были Азербайджан и Туркестан.

По мере вовлечения татар в социальную жизнь новых территорий в диаспорах выделялись лидеры, состоятельная часть мигрантов. По их инициативе в городах стали создаваться мусульманские общины, а затем и национальные центры, которые занимались удовлетворением религиозных и культурно-

просветительских потребностей. Открывались не только медресе при мечетях, но и светские школы; создавались клубы, товарищества взаимопомощи и благотворительности, формировалась национальная общественная мысль в наиболее передовых центрах которой – Уральске, Петропавловске, Семипалатинске, Баку, Ташкенте – издавались газеты, книги, формировалась национальная интеллигенция.

Татары стояли у истоков просвещения народов Средней Азии. До середины XIX века для татарской молодежи считалось престижным учиться в медресе среднеазиатских городов Бухары, Хивы, Самарканда. Но к концу века положение вещей в татарском обществе в корне меняется.

Широкий размах приобретает движение джадидизма. Уже в 1893 г. в Самарканд прибыл Исмаил Гаспринский, где он открыл на средства состоятельного татарина Гани Хусаинова новометодную школу. Вскоре новый метод обучения быстро проник в Туркестан. Количество джадидских школ стремительно росло. В 1910 г. их было 89 из 137 татарских школ. Преподавателями в них были преимущественно татары, в том числе и девушки. В этих школах дети получали все необходимые в жизни знания, поэтому они были очень популярны в народе. В них стремились отдать своих детей не только татары, но и местные народы – киргизы, казахи, узбеки. Размах татарского просветительства пугал чиновников царского самодержавия. Уже в 1911 г. правительство вводит новые правила, по которым татарам фактически запрещалось вести образовательную деятельность среди других народов. Дети коренного Туркестана должны были учиться в так называемых «русско-туземных школах», которые не только не обеспечивали, но, наоборот, тормозили развитие литературы, искусства, общественной мысли местных народов.

Джадидизмом был порожден всеобщий интерес татарской молодежи к образованию, отмечавшийся в национальной жизни татар после первой русской революции. Отмеченная выше растущая конкурентоспособность молодой татарской буржуазии обуславливала ее заинтересованность в широком образовании, изучении передовых методов хозяйствования. Лозунг «Пора брать пример с Европы, чтобы вывести нацию

на столбовую дорогу прогресса!» был подхвачен прежде всего татарскими предпринимателями. Таким образом, значительное количество татарской молодежи из материально обеспеченных слоев со всех регионов проживания татар от Харбина и Баку до Казани и Уфы оказалось на обучении за границей.

По свидетельству журналиста И.Рамиева, десятки татар получили образование в Париже, Женеве, Льеже, Лейпциге, Фрейбурге, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Вальпараисо и Токио, а также в университетах и колледжах Турции, Египта и Сирии. Причем, в США татары изучали инженерное и банковское дело, в Германии – естественные науки и медицину, в вузах Англии и Франции – философию, историю, политэкономии; Турция специализировалась на общегуманитарном образовании, Египет и Сирия – на подготовке богословов. Современный исследователь Р.Амирханов отмечает, что в 1909 г. в одном лишь Стамбуле обучалось 63 татарина. Выпускники учебных заведений из указанных стран из числа татар, среди которых были и женщины, оставили значительный след в развитии татарской цивилизации в XX столетии.

Татары имели свою основательную нишу и в среде местного высшего мусульманского духовенства. Как правило, руководителями крупных татарских мусульманских приходов были лица, получившие духовное образование на арабском Востоке или в Бухаре.

Таким был и уроженец села Кайбицы Казанской губернии Мутыгулла Тухватуллин, который получил прогрессивное религиозное образование в Египте. Возвращаясь в 1887 г. из Каира, он остался в качестве священнослужителя в Уральске по просьбе местных мусульман. Для него в Татарской слободе города была построена Красная мечеть и при ней – медресе “Мутыгия”, в котором 11 лет учился и работал Габдулла Тукай. При Красной мечети работала и русская школа, приобщившая Тукая к русскому языку, зарубежной литературе. Сын имама М.Тухватуллина Камиль организовал издание газет и журналов на татарском языке. В своей преподавательской, просветительской и издательской деятельности они пропагандировали самые передовые идеи того времени.

Исследователи отмечают, что объем и качество знаний, даваемых в медресе «Мухамадия» в Казани, «Галия» в Уфе, «Хусания» в Оренбурге и «Мутыгия» в Уральске, приближался к вузовскому уровню.

В начале XX в. через территорию Центральной Азии прошла волна тюрко-татарской политической миграции из регионов Поволжья и Приуралья. Она шла в двух направлениях:

а) через Сибирь, Дальний Восток и Среднюю Азию – в Японию и Китай (Маньчжурию);

б) через Кавказ, Закавказье и Среднюю Азию – в Турцию, позднее часть ее перебралась оттуда в различные страны Восточной и Западной Европы.

Небольшую прослойку пришлых татар Центральной Азии составляли военные чины царской армии и других служилых людей, оседавших на завоеванных или присоединенных территориях по окончании службы. Татарам отдавали предпочтение при наборе на службу в пограничные и таможенные органы царской России в Средней Азии, так как они считались наиболее надежными и хорошо знающими среду и обычаи местных народов.

В период гражданской войны из тюрков и татар Волжско-Уральского региона и Средней Азии формировались крупные воинские части, способные вести эффективную борьбу с басмачеством ввиду своей благонадежности и близости местных обычаев и национальной психологии. После ликвидации басмаческого движения часть татар из этих интернациональных частей осталась жить на территории среднеазиатских республик.

Часть татарских мигрантов активно включилась в революционные события начала XX в.

В 20-30-е годы XX столетия передовые татарские интеллигенты сыграли важную роль для самоопределения самостоятельных тюркоязычных наций (башкир, узбеков, казахов, азербайджанцев, туркменов и т.д.). С этого времени термин «тюрко-татары» или «тюрки» как определение этнической общности, восходящей корнями к периоду Золотой Орды, стал исчезать из научно-исторического и общественного обихода и был заменен этническими названиями конкретных тюркских народов.

Волны миграции татар из центральной части страны в республики Центральной Азии в советский период обусловлены, главным образом, экономическими причинами.

Одной из них является голод в Поволжье в 20-х годах. В сознании крестьянских масс Ташкент и Баку всегда олицетворялся с образом «хлебного юга». Для татар существовал дополнительный привлекательный нюанс в лице культурно-языковой близости с коренными народами указанных территорий. В 1933 г. именно по этой причине татары Украины массами бежали на Кавказ от Голодомора, 70 лет которого траурными церемониями отмечает в эти дни официальный Киев.

В 30-е годы появляется новый мотив для массовых миграций в Центрально-Азиатский регион – политический. Сюда бежали, скрываясь от репрессий ОГПУ, многие татарские интеллигенты, испытавшие на своих близких ужасы разоблачения «султангалиевщины» и других нашумевших «антисоветских» дел. Некоторые из них, сменив род деятельности, а иногда и биографические данные, избежали неминуемой гибели, судьба других сложилась трагически. Так, в 1934 г. в Среднюю Азию выехал, спасаясь от ареста, родной брат Гаяза Исхаки Ахмедхасан Исхаков, работавший в Татарском театре. В 1940 г. он по неизвестным причинам покончил жизнь самоубийством в г.Турткуле Каракалпакской АССР.

После Отечественной войны притягательным мотивом для переселения татар стало бурное промышленное строительство во всех республиках Центральной Азии. Пиковыми являются годы освоения казахской целины, строительство нового Ташкента после землетрясения 1966 г., создание мощной оросительной системы в среднеазиатской пустыне.

В советское время были тесно связаны между собой нефтяные и нефтехимические комплексы Азербайджана и Татарстана. После открытия «Второго Баку» на Волге азербайджанские нефтяники помогали татарским и башкирским нефтяникам осваивать новые месторождения, поставляли нефтепромысловое оборудование. Сотни тружеников молодой нефтедобывающей промышленности Татарии прошли обучение и подготовку на нефтепромыслах Каспия. А после появ-

ления на карте Татарстана крупнейшего нефтеперерабатывающего комплекса в Нижнекамске ценное углеводородное сырье отсюда пошло на химические заводы Сумгаита.

В города Шевченко (современный Актау) и Красноводск (современный Туркменбаши) специалисты-татары в 60-70-х годы прибывали на освоение месторождений нефти и газа, открытых на Мангышлакском полуострове, а также соли и минералов залива Кара-Богаз-Гол. После распада СССР, образования самостоятельных казахского и туркменского государств, резкого ухудшения состояния экономики и экологической обстановки, нарастания социальной незащищенности населения большинство татар в 90-е годы выехало из этих регионов.

После получения Азербайджаном независимости количество татар в стране также резко сократилось (с 28 тысяч в 1989 г. до 15 тысяч в настоящее время). Причиной тому послужило вытеснение татар из традиционных сфер экономики и политической жизни республики. В настоящее время сохранилась лишь одна значительная община татар, которая живет в Бакинском мегаполисе.

Еще больший размах масштабы миграции татар приобрели в Средней Азии. В Узбекистане за 10 лет – с 1989 по 1999 г. – количество населения сократилось почти на 150 тысяч (32%), в Киргизии за 13 лет – на 25 тысяч (35%), в Азербайджане – на 13 тысяч (46%). Лишь в Казахстане сохраняется более-менее устойчивая ситуация: количество татар в этой стране с 1989 г. сократилось на 8%.

В 1995 г. киргизские социологи попытались прояснить причины массового выезда татар из Кыргызстана (17,4% за 5 лет). На первое место опрошенные респонденты поставили причины межнациональной нестабильности, особенно на юге региона (тогда произошли известные ошские события). Вторая причина в том, что родители не видели перспективы для своих детей в условиях преимущественного положения титульной нации во всех областях жизни киргизского общества. Третья причина состояла в том, что у населения нет надежд на скорое восстановление экономики региона и реальное повышение благосостояния.

Эти причины схожи и для других государств СНГ.

Таким образом, татарская диаспора в Центральной Азии играла исторически важную роль в пионерном освоении вновь открываемых территорий, при этом благодаря своим развитым этнокультурным возможностям она несла миротворческие и миростроительные функции, обеспечивала широкое посредничество в поиске и установлении межэтнического компромисса, транслировала новым территориям договорную практику метрополии. Такой потенциал несут в себе и современные татарские диаспоры на всем постсоветском пространстве. Наша задача – правильно его использовать в интересах поступательного развития нации.

Сложнейшей проблемой остается вопрос о возвращении диаспоры на историческую родину. Искусственное соединение материнского и диаспорного частей этноса представляется нам поспешным и при нерегулируемом характере может привести к возникновению социальной напряженности между ними. В основе таких глобальных перемещений части этноса должна лежать целевая потребность самобытного этнического сообщества. Мы считаем, что нет острой нужды в разрушении мозаичного татарского мира планеты, в связи с чем планомерно и методично работаем над созданием нормативной, бюрократической процедуры для возможности обеспечения связи диаспоры с исторической родиной.

ДЕРБЕНТ – ВОРОТА КАВКАЗА

Дербент сегодня – это второй по величине и значению город Дагестана и один из древнейших на территории нашей страны. Его история насчитывает 5 тысячелетий. Город расположен на западном побережье Каспийского моря, где горы Кавказа почти вплотную подходят к берегу, оставляя лишь узкую полосу приморской равнины шириной около 3 км. Здесь в древности пролегал знаменитый Прикаспийский путь – единственная удобная дорога из степей Юго-Восточной Европы на Ближний Восток. На этом пути, в одном из самых стратегически важных и географически удобных мест возникло первое поселение на месте нынешнего Дербента.

Название города, восходящее к VI в. н.э., имеет персидское происхождение и дословно означает “узел ворот”, “связь, замок ворот” (“дар – ворота, “банд” – связь, узел, запор). Помимо персидского, город имел еще более 20 названий, отражающих географическое и стратегические особенности его положения.

Греко-римские историки античного периода именовали его Каспийскими, или Албанскими воротами, кавказские средневековые авторы – Воротами Чора (еще и сегодня дагестанцы называют Дербент “Чурул”, “Чули”), византийцы – укреплением Тзор (Тзур, Цур), арабы – Баб-ал абваб (ворота ворот) или Баб-ал-хадид (Железные ворота), монголы – Кахулка (Ворота), турки – Темир-капы (железные ворота), русские – Дербень или Железные ворота.

На протяжении многих веков Дербент играл особую роль в исторических судьбах разных народов, был важнейшей пограничной крепостью государств Ближнего и Среднего Востока в их борьбе с кочевниками Юго-Восточной Европы. Уже с эпохи бронзы воинственные племена степняков устремлялись по Прикаспийскому проходу к благодатным земледельческим центрам Закавказья и Ближнего Востока. Позднее

этим путем неоднократно проходили скифы, сарматы, аланы, гунны, савиры, авры, хазары и многие другие кочевые обитатели степей Предкавказья, Северного Прикаспия и Причерноморья, Приуралья и Южной Сибири.

Набеги кочевников вынуждали правителей Древнего Востока вступать в борьбу с ними, но многочисленные военные походы в степные равнины не приносили желаемых результатов и нередко заканчивались весьма плачевно. Достаточно вспомнить поход царя Кира, основавшего в VI в. до н.э. огромную Персидскую державу Ахеменидов, против воинственных кочевников-массагетов, обитавших в I тысячелетии до н.э. между Каспийским морем и Сырдарьей.

Эти неудачи вынуждали земледельцев искать другие способы борьбы с кочевниками, и наиболее правильным было широкое фортификационное строительство, призванное перекрыть главный путь продвижения степняков на Древний Восток – прикаспийский проход. В VI в. н.э. началось строительство Дербентского оборонительного комплекса. Он включал три основные части: 1) Цитадель на вершине крутого холма – крайнего отрога Джалганского хребта. 2) Северную и южную крепостные стены, тянувшиеся параллельно друг другу от цитадели через приморскую равнину до берега Каспия. Расстояние между стенами у цитадели составляло 300 м, у моря – 450 м. Стены уходили в море на расстояние до 500 м и до середины XVII в. образовывали гавань площадью около 14 гектаров, вход в которую закрывался цепью и тщательно охранялся. 3) Горную стену (Даг-бары, представлявшую собой сплошную линию мощных укреплений с башнями и фортами). Горная стена начиналась с юго-западного угла цитадели и тянулась в глубину Кавказских гор более чем на 40 км, перекрывая все обходные дороги через горы к западу от Дербента.

Таким образом, мощная многокилометровая система укреплений Дербента, умело сочетавшихся с рельефом местности, стала надежной преградой на пути кочевников, защитив от их опустошительных набегов Закавказье и Ближний Восток. Подобная военно-политическая и стратегическая значимость, удивительная четкость архитектурно-планиро-

вочных решений и уникальная сохранность Дербентского оборонительного комплекса ставят его в один ряд с крупнейшими фортификационными сооружениями мира, такими как Великая Китайская стена, система римских укреплений на Рейне и Дунае.

Особая роль Дербента в охране важнейшего кавказского прохода оказала решающее влияние на ход исторического развития города.

Трудно найти другой такой проход, который испытал бы столько нашествий и разрушений, столько раз служил яблоком раздора и ареной кровопролитных войн, попадал под власть различных завоевателей и вновь добивался независимости, пережил такое количество подъемов и упадков, расцветов и запустений. Владеть Дербентом хотели Рим и Парфия, Иран и Византия, Арабский халифат и Хазарский каганат, государства Сельджуков и Тимура, Золотая Орда, держава Сефевидов, султанская Турция...

Судьба необычна и удивительна – это один из немногих городов, который возник в глубокой древности и, несмотря на многочисленные разрушения, во многом сохранил свой облик до наших дней. Наиболее древней является верхняя часть города, примыкающая к цитадели. Она разделена на 8 кварталов, именуемых в Дербенте магалами (в местных исторических хрониках – махалла). Их узкие кривые улочки и маленькие глухие дворики, шумные ремесленные мастерские и яркие ковровые базары, величественные купола мечетей и плоские крыши глинобитных домов придают городу неповторимый восточный облик.

Декабрист А.А. Бестужев-Марлинский, отбывавший в Дербенте ссылку, оставил такое поэтическое описание города: “....Заря ахнула от изумления, взглянувши на него впервые: это был поток камней и грязи с трещинами вместо улиц, которых сам почтенный строитель не распутал бы среди бела дня. Все дома родились слепыми, все их черепа были расплюснуты под адской пятой, все они пищали от тесноты, ущемленные между двух высоких, длинных-предлинных стен. Все вместе походило, одним словом, на огромного удава, который под чешуей домов растянулся с горы на солнышке и под-

нял свою зубчатую голову крепостью Нарын, а хвостом играет в Каспийском море”.

Слух о “дивных стенах” Дербента широко распространился по всему средневековому Востоку, рождая множество легенд и сказаний. Согласно этим легендам, город возник в глубокой древности, и основателями его по одним данным были эпические древнеиранские цари, а по другим – Александр Македонский.

Версия о строительстве Дербента Александром Македонским против свирепого северного народа Гог и Магог получила особенно широкое распространение в средневековой восточной литературе, среди которой выделяется произведение великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви “Искандер-наме” (“Сказание об Александре”). Гог и Магог - мифические дикие племена, проживающие где-то в степных просторах на севере. Древние авторы отождествляли с племенами Гог и Магог скифов, хазар и другие кочевые народы. Первоначально их помещали за Дербентской стеной, которую именовали стеной Гог и Магог (по-арабски Яджудж и Маджудж), но по мере расширения географических познаний эти племена перемещали к Туманному морю (Северному Ледовитому океану).

Но легенды легендами, а ученые, справедливо полагавшие в этих сообщениях отсутствие реальной исторической основы, начинали отчет истории Дербентской крепости с VI в. н.э., с эпохи Сасанидов – династии персидских царей, которые в начале III в. н.э. основали на развалинах античного Парфянского государства новую мировую державу – сасанидский Иран.

Археологические раскопки, начатые в Дербенте с 1971 г. экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН, позволили считать возникновение здесь древнего поселения на рубеже IV-III тысячелетий до н. э., то есть 5 тысяч лет тому назад. Это сенсационное открытие было сделано в последние годы, когда на дербентском холме, на территории цитадели, удалось обнаружить круглоплановые дома и крупные хозяйственно-бытовые комплексы эпохи ранней бронзы.

Среди многочисленных находок этого периода большой интерес представляют предметы труда и быта: каменные топоры, кремневые вкладыши серпов, керамические очажные подставки, каменные зернотерки, ступки, песты, костяные проколки, глиняные модели колес повозок, кувшины, горшки, чаши. Многочисленные находки сельскохозяйственных орудий и крупных зерновых ям-хранилищ не оставляют сомнений, что основным занятием обитателей дербентского холма было земледелие. Значит Дербент входил в число древних очагов раннеземледельческой культуры Кавказа.

В связи с этим особенно важной представляется недавняя уникальная находка двух небольших глиняных статуэток богини плодородия, обнаруженных в зерновых ямах начала III тысячелетия до н.э. Подобные керамические фигурки богини плодородия в V - III тысячелетиях до н.э. были широко распространены на обширной территории, охватывающей очаги древнейшего земледелия ближнего и среднего Востока, Юго-Восточной Европы, но для земледельческих центров Кавказа они очень редки.

Территория дербентского холма обживалась в более поздний период – примерно в последней трети II – начале I тысячелетия до н.э. К этому времени относятся остатки каменных и турлучных (сделанных из жердей, облицованных глиной) жилищ, обнаруженные в древних культурных слоях Дербента.

На рубеже VIII – VII вв. до нашей эры в степях Причерноморья и Предкавказья резко возросла активность кочевников и это оказало большое влияние на ход исторического развития многих областей Ближнего Востока и Кавказа, в том числе и Дербента. Речь идет о походе скифов на Ближний Восток, которому предшествовала их ожесточенная борьба с кочевниками-киммерийцами, обитавшими в степях северного Причерноморья. Преследуя киммерийцев, скифы вторглись на территорию древневосточного государства Мидии, пройдя туда “по верхней дороге, имея по правую руку Кавказские горы”, т.е. по берегу Каспийского моря через древнее дербентское поселение.

Следы пожаров и разрушений, относящихся к этому периоду, отмечены в культурных напластованиях Дербента VIII -

VII вв. до н.э. Здесь же найдены самые ранние образцы бронзовых наконечников скифских стрел, подтвердившие, что в период прохождения скифов через Дербентский проход здесь уже существовала мощная крепость.

Раскопки показали, что на рубеже VIII - VII вв. до н.э. на дербентском холме появилась мощная крепость-убежище, которая с перестройками и ремонтами просуществовала до прихода сюда Сасанидов и возведения ими уже в VI в. н.э. новой цитадели, получившей название Нарын-Кала. Её стены были сложены из крупного бутового камня без раствора, а толщина местами достигала 5 - 7 м. Конфигурация древней крепости-убежища и цитадели VI в. полностью совпадают, так как стены цитадели сасанидского периода возводились на остатках древней кладки.

В III - I вв. до н.э. на территории нынешних Азербайджана и Южного Дагестана возникло государство Кавказская Албания, в состав которого в I в. до н.э. вошел и Дербент. Найденные неподалеку от города клады античных монет, разнообразных ближневосточных изделий служат подтверждением того, что в раннеантичный период Дербент контролировал не только важнейший военно-стратегический путь, но и известную торговую дорогу.

Борьба двух крупнейших государств античного мира Рима и Парфии за обладание Кавказом значительно повысили стратегическую роль кавказских проходов и особенно главного из них – дербентского. Активное участие в этих районах принимали конные отряды кочевников, которых за большую плату нанимали как та, так и другая сторона.

Перевес превосходной конницы кочевников у римлян или Парфии нередко решал исход всей кампании, и здесь важнейшее значение стали приобретать “ворота”, через которые степняки могли попасть к местам сражений.

В то время существовало два главных пути через Кавказ: трудная и длительное время дорога, закрытая через Дарьяльское ущелье (по нынешней Военно-Грузинской дороге) и более удобный путь через Дербент. Поэтому римско-парфянское соперничество за Кавказ в определенной степени стало и борьбой за контроль над кавказскими проходами. Рим-

ляне прилагали все усилия, чтобы распространить свою власть и влияние на “ворота” Дербента, что нашло отражение в их особой политике по отношению к царям Кавказской Албании и в тех военных действиях, которые они пытались предпринимать.

Следствием этой политики был грандиозный поход, подготовившийся римским императором Нероном против Дербента. Согласно сведениям античных авторов, для этого похода Нерон собрал войско из всех провинций империи. Был создан легион морской пехоты и особый легион, названный фалангой Александра Великого, куда подбирались воины двухметрового роста. В названии этого особого легиона подчеркивалась и основная цель похода: утвердить римское господство на западном побережья Каспийского моря и осуществить идею Александра Македонского о новых торговых путях на Восток, главным образом в Индию и Китай через Прикаспий. Заговор и смерть Нерона не дали довести поход до конца, хотя войска уже выступили к далеким неизвестным “воротам”. Преемник Нерона император Гальба считал завоевание Британии более важной для Рима задачей, чем покорение Кавказа и ворот Дербента, и войскам было приказано вернуться.

I - III вв. н.э. были периодом расцвета Дербента. В могильниках этого времени отмечено большое количество привозных изделий и украшений, включая предметы из Сирии, Индии, Египта. Дербентские мастера стали применять в строительстве обработанный и резной камень, глиняный раствор, алебастровое покрытие полов. В оборонительных сооружениях города появились квадратные башни, что было крупным шагом вперед в развитии фортификационного искусства. Применение обработанного камня и раствора позволило уменьшить толщину стен, не теряя прочности конструкций.

Успешное развитие Дербента в албанский (античный) период прервано в середине III века н. э. походом персидского царя Шапура I в связи с новой активизацией кочевников в степях Предкавказья и Северного Прикаспия. На одном из древних храмов Ирана сохранилась надпись сасанидского периода, в которой сообщается, что, покорив Закавказье и другие области, “кони и люди Шапура дошли “до албанских

ворот (одно из названий Дербента), там, где Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам.... разрушения и пожарища учинял... Варварские последствия этого похода - следы крупных пожаров, мощные прослойки угля и золы, остатки разрушенных сооружений - обнаружены в культурных напластованиях города.

Однако, несмотря на успех этого похода, иранцы не смогли закрепиться в Дербенте и распространить на него свою власть. Местные правители продолжали контролировать Дербентские ворота. Лишь в конце IV в. после длительных войн с Римом за обладание Кавказом, завершившихся разделом последнего в 387 г. на сфере влияния, сасанидский Иран овладел Западным Прикаспием и захватил Дербент.

В первой половине VI в. при царе Ездигерде II (439 - 457 гг.) персы возвели в Дербенте мощные оборонительные сооружения. Они включали цитадель и стены, протянувшуюся от вершины холма до моря. Это стена толщиной 8 метров, высотой 12 - 16 м полностью совпадает по планировке с каменной северной городской Дербента VI в., но, в отличие от последней, была сырцово-вой, то есть сложенной из необожженных кирпичей.

Позднее, на втором этапе сасанидского Дербента вдоль наружной грани к этой сырцовой стене была пристроена каменная. Впервые в истории Дербента было осуществлено сплошное перекрытие всей приморской полосы, т.е. сооружены "ворота", наглухо закрывшие Прикаспийский проход.

В VI в. при царе Каваде I (488 - 531 гг.) и его знаменитом сыне Хосрове I Ануширване (531 - 579 гг.) в Дербенте начался второй этап сасанидского строительства: возведение грандиозного каменного оборонительного комплекса, призванного заменить сырцовые укрепления. Строительство Дербентского комплекса велось по этапам: сначала цитадель и северная стена города, потом южная стена, а позднее - Горная стена (Даг-бары). В VI в. была возведена и первая поперечная стена, отделявшая обживаемую часть Дербента у цитадели от незаселенной приморско (две другие поперечные стены появились в X - XVIII вв.).

Подобное внимание сасанидского Ирана к Дербенту было случайно. В конце IV в. на Северном Кавказе произошли собы-

тия, повлекшие за собой резкое повышение активности кочевников, – здесь появились гунны, объединившие вокруг себя обитателей степей Центральной Азии, Приуралья, Поволжья.

В 1395 г. гунны вторглись в Малую Азию, разорили цветущие провинции Ирана и ограбили Закавказье, пройдя через “ворота” Дербента и “узнав кратчайшую дорогу на восток”. Часть гуннов обосновалась в степях Прикаспийского Дагестана, объединившись здесь в союз, известный как “царство гуннов”. Его столицей стал “город” гуннов Вараджан (Варачан), с которым археологи отождествляют остатки одного из древних городов Дагестана. Теперь на смену эпизодическим набегам сарматских и аланских отрядов через ворота Дербента на Закавказье и Ближний Восток пришли систематические вторжения мощных объединений гуннов, для которых на данной ступени социально-экономического развития война ведется “только ради грабежа, становится постоянным промыслом”.

В скором времени Дербентские укрепления уже не могли сдерживать все новые и новые разноэтнические волны кочевников, сдвинутые с мест своего обитания “Великим переселением народов”. Гунны, савиры, барсилы, авары, хазары и многие другие кочевые племена Юго-Восточной Европы буквально захлестнули в V - VII вв. степи Прикаспийского Дагестана.

Неослабеваемый поток кочевых племен, объединившихся в мощные союзы, заставлял правителей Востока не жалеть ни денег, ни военных ресурсов для укрепления Дербента. Теперь сюда вкладывают огромные средства не только сасанидский Иран, но нередко и соперничавшая с ним Византия. Дербент на многие века становится северной границей крупнейших государств Ближнего и Среднего Востока, границей между земледельческим и кочевым мирами. Его роль особенно возрастает, когда в Северном Дагестане и Прикаспии завершается объединение кочевников хазар и образуется Хазарский каганат.

В VI - VII вв. Дербент не только важнейший опорный пункт в борьбе с кочевниками, но и значительный экономический, идеологический и культурный центр всего Кавказа. Он превратился в крупный раннесредневековый город с территорией около 27 гектаров, где четко выделены цитадель и шах-

ристан (собственно город), развиты ремесла и торговля. Сопоставление Дербента этой поры с известными раннесредневековыми городами Средней Азии и Кавказа показывает, что он не уступал по своим размерам уровню социально-экономического развития самым значительным центрам этих регионов доарабского периода.

Новый этап в истории Дербента начался в период арабских завоеваний во второй четверти VII в. Ислам, сплотивший вечно враждующие воинственные племена арабов, способствовал не только быстрому сложению централизованного арабского государства, но и вызвал волну новых военных завоеваний, начавшихся сразу вслед за объединением. Обладающие прекрасной конницей, закаленные в боях и полные религиозного фанатизма арабы под руководством своих способных полководцев начали победоносные войны за господство на Ближнем и Среднем Востоке.

Раздираемый внутренними противоречиями, ослабленный эпидемиями и войнами с Византией, Сасанидский Иран не смог оказать сопротивление арабам и в 642 г. огромная держава пала. В этом же году арабы появились у стен Дербента, но город оказался хорошо укрепленным. Его правитель Шахрияр, доводившийся родственником сасанидскому царю (на этот пост в Дербент обычно назначались представители высшей иранской знати) вел себя весьма независимо, “заключил с арабами мир, но джизию (подушную подать, которую в халифате платили все немусульмане) платить не хотел”. Он заявил арабам: “Кроме жителей этих местностей, нет других, кто (умел бы) воевать с ними (хазарами). Вместо джизии мы будем воевать”.

Однако укрепиться в этот период в Дербенте арабы не смогли и еще более полстолетия воевали с хазарами за обладание городом. Окончательно город вошел в состав Арабского халифата в первой четверти VIII в. при Масламе бен Абд-ал-Мелике – знаменитом арабском полководце, сыне и брате арабских халифов, которого источники за обширную строительную деятельность в городе называют “вторым отцом” Дербента (первый – Хосров Ануширван). При нем Дербент выступает как крупнейший военно-политический центр

Кавказа, где находился очень крупный гарнизон, резиденция наместника халифа. Сюда стекались налоги и продовольствие со всей территории Северо-Восточного Кавказа, отсюда шло распространение ислама.

Однако со второй половины VIII в. Дербент превращается в крупный торгово-ремесленный центр Кавказа и всего Ближнего Востока. Здесь процветали и получили развитие все основные отрасли средневекового ремесла: гончарное, стеклоделательное, металлообрабатывающее, ткацкое, ювелирное, камнеобрабатывающее, кожевенное и многие другие.

Особенно на высоком уровне находилось ткацкое производство. Из всех городов Кавказа только в Дербенте производили “льняное полотно и одежды”, которые вывозили во все страны мусульманского Востока и где они смогли потеснить на рынках знаменитую сирийскую парчу, византийский пурпур, китайский шелк.

Арабы сумели подорвать византийскую торговлю на Черном море и повернуть основные торговые пути в бассейн Прикаспия. Дербент становится центром международной транзитной торговли, главным посредником в товарообмене между “северными странами неверных” и мусульманским Востоком. На VIII – X вв. приходится период расцвета и экономического подъема города. Сюда стекались товары из Средней Азии, Ирана, Сирии, Египта, Закавказья, Древней Руси, Волжской Булгарии и других стран. Город превратился в центр морской торговли, главный порт на Каспии с крупной и хорошо укрепленной гаванью.

В конце IX – начале X в. значительно ослабевает зависимость Дербента от Багдада.

При Омайядах и первых Аббасидах (правящие династии арабского халифата) управление городом осуществлялось через наместников халифов, власть была в определенной мере ограничена феодально-родовой знатью Дербента. В 869 г. в Дербенте к власти пришла местная династия Хашимидов, происходившая из знаменитого арабского племени Сулами. Первый представитель династии Хашим бен Сурка был избран на этот пост, в отличие от всех своих предшественников, местной феодальной верхушкой, что ставило династию в зависимость от городской знати, считавшей дербенских эмиров лишь “пер-

выми среди равных". Арабский халиф Мухтади, правивший в это время в Багдаде, был занят борьбой с мятежными тюркскими эмирами и не смог восстановить власть центрального правительства в Дербенте. С этого времени Дербент перестал быть главным оплотом государства Ближнего и Среднего Востока в борьбе с кочевниками и превратился в крупное феодальное владение Кавказа.

Одновременно с этими событиями произошли очень важные перемены и в Юго-Восточной Европе, где Древнерусское государство разгромило Хазарский каганат. Теперь многовековая угроза с севера значительно ослабла и на первый план выдвигается борьба Дербента и Ширвана – двух самых крупных феодальных государств Восточного Кавказа – за гегемонию в регионе.

В этой борьбе активное участие принимали феодальная верхушка и торгово-ремесленная знать города, соседние феодальные владения Дагестана и руссы. Стремление ограничить власть правителей Дербента и антиправительственные тенденции городской аристократии, обладавшей большой политической и экономической силой, активно поддерживались шахами соседнего государства – Ширвана.

В борьбе с ширваншахами и местной знатью дербенские эмиры были вынуждены опираться на телохранителей-русов.

В IX-XII вв. руссы неоднократно совершали опустошающие морские походы на Каспий. Спустившись на судах по Волге, военные отряды, состоявшие из славян и норманнов, нападали на западное и южное побережье Каспийского моря, но ни разу не был ограблен Дербент. И главной причиной этому были не столько мощные укрепления городской гавани, сколько союзнические отношения, которые сложились у дербенских эмиров с руссами. Первые видели в русских дружинах опору в борьбе с мятежной знатью и Ширваном, а последним в их длительных рейдах на Каспии нужна была надежная гавань и база, где можно было переждать сезон осенне-зимних штормов, починить оснастку кораблей, пополнить запасы продовольствия и оружия.

Как это ни парадоксально, эмир – правитель одного из крупнейших исламских центров Кавказа и глава мусульман

– в борьбе со своими “правоверными” подданными и братьями по вере” опирался на “неверных” – руссов. Но таковы уж были реалии жесточайшей политической борьбы в средневековом Дербенте, определенным отражением которых в фортификационной архитектуре города стало появление в цитадели Нарын-кала, пяти новых округлых башен на восточной и южной стенах. Расположение этих башен не оставляет сомнения в том, что они были направлены, в первую очередь, против обитателей города и южного соседа Ширвана. С появлением новых башен цитадель еще больше освободилась от города и стала походить на непреступный феодальный замок, защищенный от врагов со всех сторон.

В начале XIII в. в степях Центральной Азии произошли события, имевшие катастрофические последствия для народов средневекового Востока и Европы. Монголы объединились под властью Чингисхана и началась эпоха невиданного по жестокости нашествия. Отборные монгольские войска под предводительством двух самых способных полководцев Чингисхана Субудая и Джебе, разграбив многие области Азербайджана, Армении, Грузии, в 1222 г. появились под стенами Дербента.

Величие и мощь дербентских укреплений произвели на Субудая и Джебе очень сильное впечатление и, не предприняв попытки штурма, монголы решают обойти Дербент по внутренним коммуникациям Дагестана. Они выманили из города посольство из 10 вельмож (акабир), “одного из них монголы убили, а другим сказали: “Если вы покажете нам путь через Дербент (в обход), мы вас поощрим, в противном случае мы вас тоже убьем!”. Они из страха за свою жизнь указали путь, и не прошли”. Но этот путь был очень труден и потребовал от монгольского войска больших усилий. Средневековый историк Гадзакеци писал, что “татары по местам неприступным перешли Кавказские горы, заваливая крепости деревом, камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды”.

Как ни труден был путь через горы Дагестана, монголы не имели другого выхода. Они торопились успеть к битве на Калке (1223 г.), и возвращение обратно через Закавказье, Иран, Среднюю Азию было для них неприемлемо.

В 1231 г. монголы вновь вторглись в Закавказье и разрушили ряд городов, а в 1239 г. взяли Дербент, который, однако, не был разрушен. В культурных слоях XIII в. нет следов крупных пожаров и разрушений, а посетивший Дербент в 1255 г. посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Мангу монах Вильгельм Рубрук сообщал, что город был полностью цел, а монголы лишь “разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравнив башни со стеною”.

Тот факт, что Дербент не был подвергнут варварскому разрушению, являлось не следствием гуманного отношения монголов к жителям города, а вынужденной мерой сохранения здесь своего господства.

Однако, хотя Дербент не пережил все ужасы двух первых монгольских походов, оправиться от них он уже не смог. Монголы разорили всю его округу, и Рубрук писал с сожалением, что “внизу этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной”. Экономика города была подорвана и пришла в упадок, резко сократились сбыт и изготовление ремесленной продукции, торговые связи с ремесленными центрами Закавказья, Ближнего Востока, Северного Кавказа и Дагестана оказались нарушенными. Бедственное положение Дербента было усугублено ожесточенной борьбой между монгольскими правителями Ирана и Золотой Орды за обладание Кавказом, в которой городу отводилась ключевая роль.

Во второй половине XIV в. в Средней Азии появилась новая угроза в лице Тимура, создавшего сильное централизованное государство на основе захиревших монгольских улусов. Обширные завоевательские плоды Тимура столкнулись с интересами Золотой Орды и наиболее остро эти противоречия проявились на Восточном Кавказе, где пролегла граница их владений.

В 1385 г. правитель Золотой Орды Тохтамыш во главе 90-тысячной армии совершил через Дербент поход в Закавказье, разрушил ряд городов. В ответ на этот поход Тимур в 1395–1396 гг. вторгся в Ширван и Дагестан, прошел Дербент и разгромил Тохтамыша на Тереке. Политика Тимура в Ширване, Дагестане и особенно в Дербенте была гибкой и дальновидной. Выступавшего на его стороне правителя Дербента

Ибрахима I ад-Дербенди (1382 – 1417 гг.) Тимур поставил правителем Ширвана и Дербента, не тронув эти области во время своего похода. Благодаря усилиям Ибрахима Дербенди город был в значительной мере отстроен, оживилась его экономическая жизнь.

Начиная с 30-х годов XVI в. обостряется борьба между Турцией и государством Сефевидов, которое возникло в XV в. в Закавказье и включало Азербайджан, Иран, Ирак. На длительный период Дербент опять стал ареной ожесточенных войн, что пагубно отразилось на развитии города.

В начале XVII в. один из могущественных сефевидских правителей, шах Аббас, сумел нанести туркам серьезные поражения на Кавказе. Он прилагал большие усилия к восстановлению дербентских укреплений и порта, превращению города в плот Сефевидов на Восточном и Северном Кавказе, крупный центр в товарообмене Закавказья и Ирана с Россией.

С усилением Русского государства и выходом к Каспийскому морю значительно возрос интерес к Восточному Кавказу и Дербенту, который являлся “окном” России на Восток, открывавшим ей доступ на восточные рынки. Усиление России в Прикаспии было положительно встречено народами Дагестана, уставшими от агрессивной политики Турции и Ирана, стремившихся утвердить свое господство на Кавказе.

Экономические и политические интересы на Кавказе и в Прикаспии заставили Петра I вплотную заняться “восточным вопросом” и начать подготовку к Персидскому походу. Победоносно завершив Северную войну, Петр I сосредоточил свое внимание на кавказских делах, и к маю 1722 г. подготовка похода на Каспий была закончена.

27 мая 1722 г. Петр I с войсками высадился на северном побережье Дагестана и двинулся к Дербенту, в который вступил без боя 23 августа. “Наиб сего города, – писал Петр I в Сенат, – и ключ поднес от ворот. Правда, сто сии люди не лицемерно, любовью принял и так нам рады, как бы из осады выручили”.

Часть русских войск разместилась в цитадели, остальные недалеко от города. Император жил в цитадели, во дворце, где в одном из залов собственноручно прорубил окно с видом на море.

Несмотря на благоприятные условия для продолжения похода, Петр I решил большую часть войск вернуть в Россию, так как возникли значительные затруднения с продовольствием в связи с гибелью в Аграханском заливе двух эскадр с припасами.

Обострение отношений России с Турцией и ухудшение ее внутреннего и международного положения после смерти Петра I привели к заключению ряда русско-иранских договоров, направленных против Турции, одним из главных условий которых была уступка Ирану Дербента и Прикаспия.

Признание Россией власти шаха Надира над Дербентом и Дагестаном принесло местному населению новые тяготы. Не случайно, что одновременно с выводом русских войск в 1735 г. жители двух селений Дербентского ханства бежали в горы. Отзвуком этих событий служит легенда о жестокости Надир-шаха. После взятия города он велел вырвать защитникам Дербента по одному глазу, которые, якобы, были захоронены под каменным столбом во дворе Джума—мечети. Однако Надир-шах, “гроза вселенной”, в 1741 г. потерпел в горах Дагестана страшное поражение и вынужден был в 1743 г. уйти из Дербента, который служил ему резиденцией и где он построил дворец в прибрежной части.

Во второй половине XVIII в. правитель соседнего феодального владения Кубы Фатали-хан, опираясь на недовольных жителей Дербента и дагестанских феодальных правителей, сумел захватить город, свергнув слабого и безвольного Магомед-Гусейна – хана, ранее возведенного на престол Дербента иранским шахом. Стремясь закрепить свое положение, Фатали-хан раздал часть земель Дербентского ханства дагестанским феодальным правителям, а для укрепления политического влияния женился на сестре уцмий (правителя) Кайтага Тути-бике. Кайтаг был одним из крупных феодальных владений Дагестана на севере Дербентского ханства. Его правители стремились распространить свое влияние и на Дербент.

Для усиления своего положения Фатали-хан обратился к русской императрице Екатерине II с просьбой о вхождении Дербента в состав России и отправил в Петербург ключи от города. Однако, не желая обострять отношения с Ираном, Россия временно отказалась от принятия Дербента в свое подданство.

В 1806 г. Дербент был окончательно присоединен к России, а в 1813 г. по Гюлистанскому договору Иран юридически признал вхождение Дербента в состав Российского государства.

В феврале 1812 г. были образованы Дербентская и Кубинская провинции, во главе которых стояли военно-окружные начальники, осуществлявшие и высшие административные функции. Для внутреннего управления был учрежден городской суд (диван). В 1840 г. провинции были преобразованы в уезды, управление которыми осуществлялось по тому же принципу, что и во внутренних губерниях России, то есть без учета местных, национальных условий.

С 1820 г. началась активная застройка нижней приморской части города, где по приказу генерала Ермолова снесли часть южной стены. Верхняя часть – магала, где проживало 11 - 12 тыс. жителей, в основном осталась без изменений, а нижняя приобрела европейскую планировку с прямыми широкими улицами, правильной квартальной застройкой.

Заметный след в культурной жизни Дербента оставили выдающиеся личности, побывавшие в городе в разное время.

Недалеко от южной городской стены, между воротами Баяткапы и Орта-капы, и сегодня стоит домик, который почти не выделяется среди остальных домов магала, разве что бросаются в глаза следы недавней реставрации. Мемориальная доска сообщает, что здесь в 1830 - 1834 гг. проживал известный писатель-декабрист Александр Александрович Бестужев-Марлинский (Марлинский – по фамилии матери, использованная в качестве литературного псевдонима).

В 1847 г. Дербент посетил великий русский хирург Н.И. Пирогов, визит которого оказал значительное влияние на развитие местной медицины.

В числе знаменитых людей, посетивших город, был Александр Дюма-отец, оставивший свои восторженные впечатления о древностях Дербента в путевых заметках “Кавказ от Прометея до Шамиля”.

Социальные и культурные условия жизни горожан развивались медленно. В 1838 г. открылось первое русское уездное училище, которое ежегодно оканчивали от двух до пяти человек. В 1841 г. появилось первое медицинское учрежде-

ние — воинский госпиталь на 60 коек, а первая аптека была открыта на частные пожертвования только в 1860 г.

В 1846 г. для управления Дагестаном была введена должность военного губернатора с резиденцией в Дербенте, которая находилась здесь до 1860 г., когда в связи с организацией Дагестанской области в городе было введено гражданское управление.

Во второй половине XIX в. экономика города переживала упадок. Более века Дербент был центром разведения и торговли мареной, из которой изготовлялась натуральная устойчивая красная краска разных оттенков для текстильной промышленности. После изобретения дешевых анилиновых красителей спрос на марену резко упал, потеря доходов от торговли привела к бедственному экономическому положению города.

Особую роль в дальнейшем развитии Дербента сыграло строительство в конце XIX века Владикавказской железной дороги, связывающей Баку с Россией (официально движение через Дербент до Баку было открыто 1 апреля 1900 г.). Теперь Дербент был связан с развитыми областями России и с крупнейшим центром Кавказа — Баку. Город превратился в важный железнодорожный узел, что благоприятно отразилось на его экономике и росте.

Литература:

1. Акадари Г. Асари Дагестан: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 46. — Махачкала, 1926.
2. Артамонов М.И. Древний Дербент. // Сов. Археология. 1946. № 8.
3. Бакланов Н.Б. Архитектурные памятники Дагестана. Вып.1. Л., 1935.
4. Баладзори. Книга завоевания стран: Материалы по истории Азербайджан. Вып.3. Баку, 1927.
5. Бартольд В.В. Новое известие о стенах Дербента. // Записки вост. отд-ния Рус. археолог. о-ва. Т.22. Вып.1, 1913.
6. Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч.2. Казань, 1850.
7. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII - XV веков и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966.
8. Бутков П.Г. Записка персидского похода 1796 года, все, что я видел, слышал, узнал. Т.2. — СПб., 1869.

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В начале XVIII в. восточная оконечность Воскресенской улицы (ныне ул.Кремлевская) выходила на обширный незасстроенный пустырь, круто спускавшийся к современной улице Пушкина (бывш. ул. Рыбнорядская), по гребню которого ещё в первой четверти того же века тянулись остатки деревянной стены старого Казанского посада. Окончательно их снесли лишь в 1729 г. по приказу тогдашнего губернатора А.П.Волынского. Этот район представлял собой практически окраину города, за которой простирались лесные овраги. Он начал застраиваться лишь со второй половины XVIII в., будучи по высочайше конформиванному плану 1768 г. включен в черту города. На нижней части Кремлевского холма (ныне территория Ленинского сада) в это время была Кузнечная площадь, где у заболоченного озера стояли кузнечные ряды, богадельни, воспитательные дома и городская больница.

Район современного университетского квартала и в третьей четверти XVIII в. не был ещё окончательно застроен. Восточная часть его (главный корпус, дом Каstellи) представляла собой заросший пустырь, лишь в западной части уже имелись городские усадьбы, расположенные в последовательности, считая от старого здания полиции (где сейчас расположено современное здание физико-математического корпуса Казанского университета).

В конце XVIII в. на самом углу университетского квартала (высокий холм) находился дом (городская усадьба) премьер-майорши Тютчевой, в начале XIX в. принадлежавший вдове инженера-поручика Анне Степановне Спизарной. Дом был каменный двухэтажный, в 13 сажень (27,74 м), очень старой постройки, с крупной деревянной крышей и большим слуховым окном на лицевой стороне.

Далее к нему примыкал на 19 саженьях (40,54 м) дом (усадеб-ба) купца Прянишникова, в начале XIX в. принадлежавший Казанскому коменданту генерал-майору Степану Николаевичу Кастелли. Этот дом тоже был каменный двухэтажный, в 9 окон по улице с пилястрами и выступом в его средней части.

Восточнее этого места и смежно с ним был расположен на 34 саженьях (72,54 м) обширный двор с домом (городская усадьба), длина 17 саженей (36,27 м), который в начале XIX в. находился во владении бывшего Казанского губернатора князя Дмитрия Васильевича Тенишева. Дом князя отличался великолепной внутренней отделкой и удобным расположением комнат, был большим двухэтажным в 13 окон с каменным забором. При доме находился большой фруктовый сад. Этот дом был куплен в 1804 г. за 30 тыс. руб. под помещения для губернатора. Часто его называют “тенишевским” или “губернаторским” домом.

В 1796 г. в 16 саженьях (34,14 м) к востоку от дома Тенишева начал строиться большой двухэтажный каменный дом, предназначенный под помещения для губернатора (арх. Ф.Емельянов). Дом этот стоял на гребне обрыва, в самом высоком пункте Казани (91 фут – 27,74 м над уровнем Волги). Находясь в Казани в 1798 г., император Павел Петрович поддержал предложение губернатора Казинского и приказал приспособить строящееся здание под казанскую гимназию (учрежденную в 1758 году императрицей Елизаветой), “пожаловав” 24492 руб. 90 коп. на внутреннюю и внешнюю отделку. В 1799 г. дом был готов, и 24 сентября в него была переведена гимназия. Именно в ней, спустя несколько лет, состоялось открытие Казанского университета, а позднее именно гимназический дом составил в измененном виде всю восточную половину нынешнего главного университетского корпуса и послужил образцом его фасада.

На планах нижнего этажа главного корпуса строений университета 1820 г., выполненных архитектором П.Пятницким, четко прослеживается, что с восточной стороны существующий изначально служебный флигель не примыкал вплотную к “гимназическому” зданию. Во флигеле размещались кухня, прачечная и др. Двор был огорожен деревянным забором, создавая тем самым замкнутый хозяйственный двор.

По своим украшениям гимназический дом был лучшим в городе. Со стороны Воскресенской ул. (ныне ул. Кремлевская) гимназическое здание представляло эффектный фасад, украшенный тремя порталами из колонн коринфского ордера, 8 – в среднем и по 4 – в боковых. В среднем портале находился парадный подъезд, со сквозным от него, во всю ширину здания, вестибюлем. Над этим порталом возвышался треугольный фронтон с аллегорическими лепными изображениями наук и искусств (лира, глобус, математические инструменты). Все здание увенчивалось большим куполом, придававшим ему вид храма. В бельэтаже здания, влево от парадного входа, был двухсветный, во всю ширину корпуса и с хорами, зал собраний; вправо – такой же столовый зал. На этом же этаже помещались классные комнаты, квартира инспектора, физический кабинет, азиатская типография и кладовая. В нижнем этаже здания, имевшем сквозные парадные сени с улицы во двор, размещались комнаты для воспитанников, дежурный офицер, эконо́м, контора и пр. В антресолях находились квартиры служащих.

В начале XIX в. гимназии принадлежал и участок земли, находившийся на противоположной северной стороне Воскресенской улицы, рядом с домом Молоцова, на котором во второй половине XIX в. располагалось здание старой клиники. Вглубь этого места шла большая липовая аллея (план № 5), за которой находился гимназический манеж, жилые помещения и типография. Со стороны улицы в юго-восточном углу стояли солнечные каменные часы – работа учителя физики, впоследствии адъюнкта Запольского.

Манеж предполагалось надстроить вторым этажом и приспособить в нижнем этаже – типографию, а в верхнем – четыре небольшие профессорские квартиры. На это было определено 20 тыс. руб. Но, в дальнейшем, манеж пришлось разобрать и выкладывать вновь, так как губернский архитектор Я.М.Шелковников определил негодность стен и фундамента здания. В отстроенном в 1806 г. доме была размещена типография, в связи с чем он стал именоваться «типографским». В описаниях этих планов несколько раз упоминаются солнечные каменные часы. Вдоль проезда к Кузнечной

площади посажена липовая аллея: "... если будут над оврагом посажены деревья, – пишет архитектор Петровский – то возможно это будет лучшее место для городского гулянья". Место это высокое, вид открывается на архиереевские жилища, на Кабан и на запад к Волге на весьма большие расстояния.

В 1805 г. университету выделили деньги, и дом А.С.Спижарной был куплен в собственность за 6 тыс. руб.

Кастелли уступил дом университету за 10 тыс. руб. Дом перестраивался много раз. Сначала занимался квартирой директора, потом ректора, затем попечителем учебного округа и, наконец, вновь квартирой ректора. Поэтому часто его называют "ректорским" домом. В нижнем этаже здания помещался музей Общества археологии и студенческая библиотека.

По ходатайству попечителя Казанского учебного округа С.Я.Румовского перед Главным Правлением училищ (23 марта 1805 г.) этот дом был передан университету.

Место позади купленных домов до ул. Малой Проломной (сейчас ул. Профсоюзная), принадлежавшее городу, также перешло к университету в 1805 г.

Таким образом, образовался целый университетский квартал: купленные в 1805 г. дома Спижарного, Кастелли, а также тенишевский и гимназический корпуса составляли лицевую часть квартала (к Воскресенской ул.), а заднюю (к Малой Проломной ул.) "первый директор университета мечтал обустроить под доходные торговые лавки".

Важную роль в осуществлении строительных замыслов первого попечителя Казанского учебного округа С.Я.Румовского (1803 - 1812 гг.) и профессора-директора университета И.Ф.Яковкина (1805 - 1819 гг.) сыграл Казанский губернский архитектор Я.М.Шелковников. При его содействии проводились все осмотры вновь приобретенных домов и перестройка манежа, которая завершилась в 1806 г. Но ввиду его большой занятости губернскими делами, на помощь ему был приглашен бывший учитель архитектуры и рисования в старой гимназии, а впоследствии нижегородский губернский архитектор В.А.Смирнов.

Оба архитектора начали работать по трем проектам:

1) соединение гимназического здания со всеми приобретенными домами, что должно было создать колоссальный корпус, простирающийся фасадом на всю лицевую сторону университетского квартала;

2) соединение всех этих зданий, исключая угловой дом Спичарного;

3) соединение только домов гимназического и губернаторского (этот проект и осуществился впоследствии).

Особенно много сил было отдано на разработку 1-го проекта, но выявленные серьезные дефекты домов и вскоре начавшаяся война (1807 - 1812 гг.) положили конец широким строительным замыслам первых годов существования университета.

Лишь в 1820-е гг. при попечительстве М.Л.Магницкого (1819-1826 гг.) было осуществлено соединение в одно целое гимназического и губернаторского домов.

Через 16 лет после открытия Казанского университета появилась острая необходимость в немедленной реконструкции существующих учебных зданий и в строительстве новых корпусов. Для выполнения этих задач в 1820 г. специальным распоряжением министра просвещения из столицы приглашается архитектор П.Г.Пятницкий на должность архитектора и учителя гражданской архитектуры. Основываясь на ранее сделанном предложении архитектора Я.М.Шелковникова, Петр Гаврилович Пятницкий составляет проект комплексной застройки всего квартала во взаимной увязке с главным корпусом.

Для реконструкции университетских построек создается строительный комитет в составе: ректора Г.Б.Никольского, профессора Н.И.Лобачевского, В.И.Тимьянского и архитектора П.Г.Пятницкого. В 1821 г. составленный проект и сметы одобрены министерством.

Весной 1822 г. начались строительные работы по главному корпусу, закончившиеся летом 1825 г. П.Г.Пятницкий объединяет два каменных рядом стоящих здания в одно. Бывшая гимназия вошла в новый корпус восточным крылом, а дом Тенишева – западным. Для того чтобы скрыть незначительную разницу в планировке домов, архитектор проектирует со стороны дво-

ра пристройку для лестницы, а в промежутке между двумя соединенными домами предусматривает большие по площади помещения вестибюля, актового зала, университетской церкви. По главному фасаду размещаются 3 мощных портика: центральный – из 12 колонн и два крайних – из 6. Аттики украшались лепными венками, в плане предусматривалось декорировать центральный аттик барельефом (это не удалось). Над двухъярусным аттиком возвышался громадный крест, отмечающий размещенную на втором этаже университетскую церковь, основанную в 1825 г. Крест стал эмблемой Казанского университета. Девизом служили слова – “Во свете Твоем узрим свет”. По периметру внутренних стен церкви расположены колонны и пилястры дорического ордера, несущие цилиндрический свод с прорезанными в нем арками верхней галереи. Фриз антаблемента имеет скромную лепку и сочную роспись. На первом этаже располагается вестибюль, вправо и влево от него идут коридоры с учебными аудиториями. В вестибюле и на главной лестнице стояли статуи великих людей и героев.

Дворовый фасад решен скромно: в центре находился большой фронтон с полукруглым окном и лепными украшениями в виде летящих муз. В 50-е годы XX в. здесь к корпусу со стороны двора в центральной части здания сделали пристройку (на втором этаже – спортивный зал). В пристройке в виде выступа на южной стороне повторили прежний внешний облик центральной части фасада со двора. Восточный служебный флигель по замыслу Пятницкого примыкал к главному зданию пристроен с лестничной клеткой, но проект не был осуществлен и лестницы были оставлены внутренние.

Помимо соединения двух домов в один главный корпус была осуществлена постройка примыкавшего к западной оконечности главного корпуса одноэтажного флигеля (форма буквы “Т”). Этот флигель в 1904 г. был сломан для сооружения нового западного корпуса, симметричного имеющемуся у восточной оконечности корпуса.

Летом 1825 г. были отменены постройки других предполагаемых корпусов из-за отсутствия финансирования.

В 1832 г. вновь возобновились работы по завершению архитектурного комплекса. Архитектором университета и

гимназии Казани назначается Михаил Петрович Коринфский. Именно под его руководством создается и строится великолепный ансамбль университетского городка (генплан М.П.Коринфского).

Приняв за основу план застройки П.Г.Пятницкого, М.П.Коринфский вносит существенные изменения. Он отводит центральное место в общей архитектурной композиции анатомическому театру, так как медицинское направление имело исключительное значение. Архитектор перемещает круглое здание обсерватории (по проекту П.Г.Пятницкого) на свободную территорию с юго-западной стороны квартала, к самому краю университетского холма (требование астрономов), а на его место ставит анатомический театр (историко-библиографические изыскания). Строительство его начато в 1836 г. Это небольшое, двухэтажное здание с подвалом, имеет в плане прямоугольную форму с полуротондой с северо-восточной стороны. Здесь размещен круглый двухсветный лекционный зал, перекрытый куполом. С фасада зал украшает полукруглая ионическая колоннада на высоком цоколе (из-за большого перепада уровней земли).

В 1833 г. заложена обсерватория и закончена строительством в 1838 г. (арх. М.П.Коринфский). Здание размещается на возвышенном месте и имеет своеобразную объемно-планировочную структуру, подсказанную архитектору профессором астрономии И.М.Симоновым. Южная часть корпуса вогнутой формы, что позволило установить специальное оборудование. Здание приподнято на высоком цоколе, окружено открытой террасой с широкой лестницей. На крыше – на специальной площадке – установлены круглые вращающиеся башни. После пожара 1842 г. здание восстановлено почти без изменений.

В 1834 г. начато строительство зданий библиотеки, химической лаборатории и физического кабинета. Эти два здания находятся симметрично по бокам от анатомического театра и имеют одинаковые размеры и решение фасадов, но разные по планировочному решению. Оба здания двухэтажные, на высоком цоколе, с двумя большими крыльцами, украшенными массивными колоннами с фронтонами. Стены верхнего этажа гладкие, нижний этаж обработан арками,

обрамляющими окна вверху, простенки рустованы, подоконные пространства декорированы балясинами. Внутренняя планировка отвечает назначению зданий. В библиотеке – главный двухсветный зал со сводчатым потолком и стрельчатыми арками, которые покоятся на 24 колоннах коринфского ордера. Зал был расписан настенной живописью – аллегориями на тему науки и искусства. Читальный зал был богат отделкой интерьера. В начале XX в. к зданию с восточного торца сделана трехэтажная пристройка, а главный читальный зал несколько перестроен.

В двухэтажном здании физико-химической лаборатории в нижнем этаже размещалась химическая лаборатория, а в верхнем – физический кабинет. Оба этажа первоначально объединялись двухсветной полукруглой аудиторией с амфитеатром, которая была основой композиционного решения. В настоящее время аудитория разделена перекрытием на два полукруглых зала, находящихся один над другим.

Здание библиотеки и физико-химического кабинета первоначально были соединены с анатомическим театром полуовальной деревянной оштукатуренной колоннадой с металлической решеткой, за которой стояли двухэтажные полукруглые служебные корпуса. Внутри двора, перед главным учебным зданием, создавалась замкнутая площадь, где в 1847 г. был поставлен памятник Г.Р.Державину (скульптор С.И.Гальберг, архитектор К.А.Тон). В 1870 г. памятник Державину перенесен на Театральную площадь в Державинский сад, а соединительная колоннада была разобрана.

К 1840 г. на специально отпущенные средства построено здание клиники Казанского университета (арх. М.П.Коринфский). Фасады были выполнены в скромном виде, но первоначальные эскизы предполагали решения в очень нарядной обработке.

В этом же году М.П.Коринфский при проектировании комплекса предусматривал увеличение этажности восточного и западного флигелей. Но проекту не было суждено осуществиться по ряду причин.

Особенностью Казанского университета было существование ботанического сада, организованного в 1806 г. про-

фессором К.Ф.Фуксом. Выбранное им место – юго-западный склон университетского квартала – существовавшие “тенишевский” и “комендантский” фруктовые сады. К 1813 г. здесь были 2 оранжереи, 8 парников, беседка, жилая изба для садовника, теплица, колодец. Здесь он просуществовал до 30-х годов XIX в.

В 1890 г. по проекту архитектора М.Н.Литвинова было построено здание физиологических лабораторий. Здание имеет разную этажность: со двора – два этажа, со стороны ул.Университетской – три. Фасад построен по симметричной схеме с мощным центральным ризалитом. Второй этаж рустован, а оконные проемы полуциркульные, не имеющие наличников.

В 1896 г. к юбилею Н.И.Лобачевского (1792 - 1856) было принято решение по случаю дня рождения ученого воздвигнуть памятник-бюст, напротив дома (“ректорского”), в котором долгое время жил ученый, впоследствии там был разбит сквер.

В 1904 г. по проекту архитектора К.Л.Мюфке к западному крылу главного корпуса, на месте одноэтажного флигеля, со стороны двора, пристроили трехэтажное здание физико-математического факультета, отличающееся пышным оформлением. Проектом предусматривалась такая же пристройка к восточному крылу здания, но сделать ее не удалось из-за отсутствия средств и начала русско-японской войны (см. планы, фасады К.Мюфке).

К ректорскому дому с западной стороны при создании ансамбля университетского двора пристроили небольшой двухколонный портик. Здесь находились учебные аудитории, а в здании справа от входа – геометрический кабинет.

В ходе строительства университетского городка постепенно заменялись ранние конструкции более прогрессивными и экономичными: деревянные перекрытия – каменными, дощатые полы – чугунными, деревянные оконные переплеты и двери – металлическими. Большая личная заслуга в этом Н.И.Лобачевского и М.П.Коринфского. Ими рассчитан, испытан и осуществлен оригинальный проект замены деревянных перекрытий строящейся библиотеки сводами не кирпичны-

ми, а сделанными из пустотелых гончарных коробок (главный читальный зал).

Благодаря во многом настойчивости, смелости и неутомимому труду Н.И.Лобачевского, таланту архитекторов П.Г.Пятницкого и М.П.Коринфского Казань получила университетский городок, считавшийся по праву одним из лучших в России.

Архитектурный ансамбль Казанского университета – яркий памятник зодчества начала XIX в., отличающийся ясностью планировки, четкостью фасадов, деталей и интерьеров.

Следующий крупный этап строительных работ университетского комплекса относится к советскому периоду, когда Казанский университет вырос в крупный научно-учебный центр страны. На его базе был создан ряд новых вузов (медицинский, педагогический и др.) со своими учебными зданиями в различных частях города.

Значительно увеличился и сам университетский комплекс. В 1953 г. его территория расширилась к северо-западу строительством на углу улиц Кремлевской и Лобачевского четырехэтажного здания химического корпуса (архитектор А.Г.Бикчентаев). На этом месте до 1930 г. находился Воскресенский собор.

По ул. Кремлевской, д.4 университету передано здание бывшей духовной семинарии. Здесь разместился геологический факультет и геолого-минералогический музей.

В этом здании, построенном в 1734 - 1741 гг., размещалась духовная семинария, основанная в 1732 г. В начале XIX в. ее украсили красивой колоннадой и большим угловым балконом с шестью каменными колоннами. В ходе перестройки в 1858 г. колоннада фасада и антресольный этаж семинарии были утрачены, и дом приобрел вид, сохранившийся до наших дней. Двухэтажное кирпичное здание занимает целый квартал. По фасаду проходят вертикальные рустованные лопатки. Его центральная часть выделяется такими же лопатками и венчается на кровле округлым аттиком. Окна первого этажа полуциркульные, обрамлены профилированными наличниками, повторяющими форму окна. Карниз простой. Крыша двухскатная, металлическая.

В 70-е годы развернулось строительство 17-этажного корпуса физического факультета по ул.Астрономической, который сдан в эксплуатацию в 1977 г. (ГИПРОВУЗ; группа архитекторов под руководством В.П.Бондаренко и О.А.Кашинцевой). Физический корпус имеет строительный объем – 77000 куб.м, полезная площадь – 13300 кв.м, рабочая площадь – 10190 кв.м. Здание рассчитано на одновременное пребывание в нем 1500 человек. Объем корпуса расчленен на три основных элемента:

1. Горизонтально вытянутый двухэтажный объем с внутренним открытым двориком, вокруг которого размещены вестибюль, гардероб, лекционные залы, столовая, некоторые учебные и подсобно-хозяйственные помещения.

2. Возвышающийся над вестибюльной частью 12-этажный вертикально-расчлененный объем с помещениями учебного назначения.

3. Трехэтажная цокольная часть, обращенная к спускающейся ул.Астрономической со стороны заднего и бокового фасадов, в которой размещены лаборатории и подсобно-хозяйственные помещения. Стены и перекрытия здания состоят из сборных железобетонных элементов. Широко использованы сплошные ленточные окна с дюралевыми переплетами. Отделочные материалы – гранит, мрамор, дерево.

В 1978 г. территория университета расширяется по другую сторону ул.Кремлевской с выходом к верхней террасе Ленинского сада строительством здания факультетов гуманитарных наук в едином комплексе с библиотекой (ГИПРОВУЗ; группа архитекторов под руководством В.П.Бондаренко и О.А.Кашинцевой). Строительный объем корпуса – 90674 куб.м, полезная площадь – 14119 кв.м, рабочая площадь помещений – 12351 кв.м. Парадная часть корпуса в виде сплошного остекления со строгим ритмом вертикальных членений обращена в сторону центрального звена в системе университетского комплекса – его главному корпусу со сквером вокруг памятника В.Ульянову-студенту. Объемно он состоит из трех основных элементов:

1. Вертикальный 17-этажный объем с вестибюлем.

2. Трехэтажный объем библиотеки с книгохранилищем на 4,5 млн томов.

3. Двухэтажный соединительный объем с лекционными помещениями вокруг квадратного зала с естественным верхним освещением.

Конструкции стен и перекрытий здания решены, главным образом, в сборном железобетоне; использованы дюралевые оконные рамы. Отделочные материалы – мрамор, гранит, полированное дерево.

Формирование университетской площади завершилось строительством по ул. Университетской здания концертно-спортивного комплекса (КСК “УНИКС”) в 1989 г. (архитектор О.А.Кашинцева). Комплекс решен единым объемом и состоит из двух зон: концертной и спортивной.

Пространственным ядром зон является фойе-рекреация, вокруг которого размещаются залы и все вспомогательные и обслуживающие помещения. При создании здания был использован перепад высот в 13,5 м между проезжими частями улиц Университетская и Пушкина. Главный парадный вход для зрителей клубной и спортивной зоны размещен с ул. Университетской. В большом актовом зале размещаются 1300 зрителей. Он универсален: используется и для проведения конференций, и для спектаклей и т.д. В малом актовом зале размещаются до 500 человек. В спортивный комплекс входят шесть спортивных залов.

Для наружной и внутренней отделки применён гранит, мрамор, керамика, пластик, цветная штукатурка, цветной металл.

Все три архитектурных сооружения, построенные в советский период, являются в исторической части города диссоциирующими.

НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОХРАНЕНИЯ, РЕСТАВРАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНСАМБЛЯ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

Вашему вниманию представляется Научная концепция сохранения, реставрации и использования ансамбля Казанского Кремля. Это работа творческого коллектива, созданного по специальному распоряжению Правительства РТ в 1996 г. при Союзе архитекторов РТ (всего 30 человек, из них 3 академика, 4 доктора наук, 8 кандидатов наук). Это результат коллективного труда команды из специалистов разных областей деятельности: археологов, архитекторов, геологов, инженеров, экологов.

Цель концепции – обеспечение комплексного сохранения и эффективного использования целостной историко-культурной и природной системы Казанского Кремля для приведения его в состояние, адекватное его значимости как части Всемирного культурного наследия.

Задачи концепции:

- определение принципов и подходов на уровне международных требований;
- оценка значимости объекта в политико-культурном, природно-ландшафтном, историко-археологическом, градостроительно-функциональном, геологическом, инженерно-реставрационном, экономико-правовом аспектах;
- проведение комплексной диагностической оценки состояния объекта и выявление причинно-следственных связей его состояния;
- предложение путей устранения причин деструктивных процессов;
- выявление ресурсов объекта во всех рассматриваемых аспектах и определение путей использования;
- предложения по эффективному использованию имеющихся территориальных, функциональных и туристских ресурсов на основе историко-генетического анализа;

- нахождение оптимального соотношения административной, музейной, культурно-информативной, туристской и других функций;
- содействие возрождению культуры и ремесел;
- организация согласованного и связанного процесса планирования и управления объекта Всемирного культурного наследия;
- разработка программы первоочередных мероприятий.

Концепция базируется на следующих принципах:

- открытости миру, включенности в мировое культурно-информационное пространство;
- целостности архитектурного ансамбля и природного окружения;
- баланса культур и конфессий;
- культурно-исторической преемственности;
- оптимального соотношения традиционных социальных функций с совместимыми современными функциями с приоритетом гражданского использования;
- эксклюзивности;
- реализуемости и экономической обоснованности.

Несколько слов о методике разработки концепции.

На каждом этапе происходит обмен информацией и взаимное согласование целей для комплексного решения проблем сохранения, реставрации и использования ансамбля Казанского Кремля.

Этапы разработки

- историко-генетический анализ;
- ценность и анализ состояния;
- концепция;
- программа реализации концепции

1. Историко-генетический анализ

1.1. Догородской этап. Территория современного Казанского холма, судя по данным археологии, была обитаема еще в первобытную эпоху. Здесь открыты следы поселений эпохи мезолита (VI - V тыс. до н.э.), раннего железа (VII - V вв. до н.э. – ананьинская культура), раннего средневековья (IV - V

вв. н.э. – азелинская культура). Функции – жилое поселение.

1.2. Казань – домонгольский болгарский город. (XI – первая половина XIII вв.) Функции – военная, торговая.

1.3. Крепость Казан – центр Казанского княжества. (XII – первая половина XV вв.). До первой половины XIV в. город развивался как форпост на северной границе Булгарии, столица мусульманского Булгарского княжества (функции административная, военная, торговая).

1.4. Крепость Казан – центр Казанского ханства. (1438 – 1552 гг.). Функция административная, военная, культовая, торговая.

1.5. Кремль – центр Казанского наместничества (Царства Казанского). (1552 – 1708 гг.). С 1552 г. Казань развивается как христианская столица Поволжья. Крепость была коренным образом реконструирована псковскими мастерами, на местах разрушенных мечетей были выстроены церкви. Развивалась русская средневековая культура на преемственном фоне булгаро-татарского контекста. В XVI – XVII вв. большого строительства в Кремле не велось. Крепость (функция административная, военная, культовая)

1.6 Кремль – центр Казанской губернии (1708 – 1917 гг.). В XIX в. крепость приобрела гражданский характер, регулярную планировку, появились огромные здания казарм и Юнкерского училища, Губернаторский дворец, новые церковные сооружения и др. Функции – административная, культовая, военная, учебная.

1.7 Кремль – центр ТАССР (1920 – 1992 гг.). После 1917 г. многие сооружения Кремля были разрушены или пришли в ветхость. Произошла деградация градостроительного облика на преемственном фоне крепостной структуры. С 1929 г. начинается археологическое изучение Кремля, с 1960-х годов – работа по научной реставрации сооружений Кремля. Функции – административная, военная.

1.8 Кремль – центр столицы Республики Татарстан (с 1992 г.). В настоящее время Казанский Кремль представляет собой частично отреставрированную средневековую крепость, внутреннее пространство которой имеет регуляр-

ную планировку и застройку XVIII – XIX вв. В 1994 г. создается Историко-архитектурный и художественный музей-заповедник “Казанский Кремль”. Восстанавливаются функции христианских и возрождаемых мусульманских культовых сооружений, появляются музеефицированные археологические экспозиции, представительские и появляется музейная функция.

В результате историко-генетического анализа был составлен историко-архитектурный опорный план.

Выявлены Историко-архитектурные комплексы Казанского Кремля:

- I. Комплекс Губернаторского дворца
- II. Комплекс Благовещенского собора
- III. Комплекс Присутственных мест
- IV. Комплекс Спасо-Преображенского монастыря
- V. Комплекс Юнкерского училища
- VI. Комплекс Артиллерийского двора
- VII. Комплекс бывшей Пересыльной тюрьмы

2. Значение и состояние по аспектам

2. 1. Политико-культурный аспект

Важное геополитическое положение территории Татарстана в Евразии предопределило его исключительную геополитическую ценность. В последнее тысячелетие здесь проходит северная граница тюркских и мусульманских территорий в Восточной Европе. Историко-генетический анализ показывает значимость Кремля как ядра Казани – столицы сильных государственно-политических и территориально-административных образований от Булгарского царства средневековой Восточной Европы до столицы Республики Татарстан. Кремль стал центром притяжения, открытым миру. Однако на данном этапе состояние памятников Кремля и его образа не соответствуют его современному политическому статусу, уникальный потенциал объекта не выявлен.

2.2. Историко-археологический аспект

Казанский Кремль – уникальный памятник истории и археологии. Наиболее ярко это удалось сформулировать в формате ЮНЕСКО.

Соответствие ансамбля Казанского Кремля критериям ЮНЕСКО. Комплекс Казанского Кремля представляет собой исключительное свидетельство исторической непрерывности и культурного многообразия в течение длительного периода времени, приводящее к важному обмену ценностями, порожденными различными культурами.

Историческая цитадель представляет собой исключительное свидетельство Ханского периода и единственную сохранившуюся татарскую крепость со следами первоначальной концепции городского строительства.

Место и его ключевые памятники представляют собой выдающийся пример синтеза татарского и русского влияния в архитектуре, объединяющего различные культуры (Булгар, Золотая Орда, татарская, итальянская и русская), а также демонстрирующего влияние ислама и христианства.

Мощность его культурного слоя, накопленного на протяжении тысячелетней истории, начиная с рубежа X – XI вв., колеблется в пределах 2-8 м (в северной, древнейшей части территории Кремля средняя мощность слоя около 3 м).

В нем сохранились остатки каменных и деревянных сооружений общественного, жилого и хозяйственного назначения, а также предметы материальной и духовной культуры предков татарского народа, населявших древнюю Казань в домонгольское время, что позволило обосновать 1000-летие Казани, в эпоху Золотой орды и Казанского ханства. Археологически вскрыты некоторые памятники древней архитектуры: два белокаменных мавзолея казанских ханов (Махмуда и Мухаммед-Амина), древнейшая каменная стена XII – XVIII вв., остатки монументальных зданий и оборонительной башни первой половины XVI в. и др.

Составлен историко-археологический опорный план, на котором показана датировка всех объектов Казанского Кремля.

2.3. Градостроительно-функциональный аспект

Кремль является важнейшим градостроительным объектом Казани: в Градостроительном Уставе он выделен зоной №1, историческим городским ядром, планировочным узлом, важнейшим объектом городской панорамы, значительным исторически сложившимся архитектурным ансамблем. Бас-

сейн видимости: по реке Волге – более 50 км, при подъезде с железной дороги Кремль раскрывается из Заречья с Адмиралтейской дамбы. Башня Сююмбике и Спасская надвратная башня являются композиционными доминантами, ориентирами, координирующими значительное пространство. В настоящее время в результате утрат и реконструкций Кремль можно назвать незавершенным ансамблем, целостность композиции которого утрачена, колористическая композиция невыразительна. Сохранились дисгармоничные и поздние хозяйственные постройки, искажающие целостность градостроительной идеи и историческую среду.

В функциональном использовании зданий пока продолжает превалировать административная функция (89 % используемых площадей). Не созданы условия для развития туристской индустрии, не развита туристическая инфраструктура. Остро стоит транспортная проблема.

Пешеходные потоки туристов по территории Кремля не организованы. Уровень благоустройства территории Кремля крайне низок.

2.4. Экономико-правовой аспект

Проектом зон охраны памятников истории и культуры Казани, утвержденным Советом Министров ТАССР в 1988 г., установлена охранный зона Казанского Кремля площадью 115 га, специальным постановлением главы администрации г.Казани в 2000 г. уточнены границы зоны регулирования (буферной зоны) севернее Кремля.

С организацией Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника "Казанский Кремль" республиканского значения ансамбль Казанского Кремля приобрел адекватную правовую защиту.

После включения комплекса Казанского Кремля в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО встает вопрос о соответствии существующей правовой базы международным требованиям, существенного пересмотра системы управления объектом Всемирного наследия, налаживания мониторинга и представление периодических отчетов в ЮНЕСКО.

Финансирование работ по реставрации и реконструкции объектов Казанского Кремля ведется из средств бюджета

(федерального и республиканского), внебюджетных фондов финансовой поддержки возрождения мечети Кул Шариф и Благовещенского собора, кредитов банков и др.

Таким образом, поаспектный анализ состояния Кремля как системы и оценка его ценности и значимости показали потенциал Кремля в природно-ландшафтном, культурологическом, градостроительно-функциональном и инженерно-геологическом аспектах.

Цель концепции – обеспечение интегрированного сохранения и эффективного использования целостной историко-культурной и природной системы Казанского Кремля для приведения его в состояние, адекватное его значимости как части Всемирного культурного наследия.

В каждом аспекте ставились локальные цели и задачи по максимальному использованию ресурсов.

3. Концепция

3. 1. Политико- культурный аспект

Для реализации принципа баланса культур и конфессий, во исполнение Указа Президента Республики Татарстан ведется возрождение мечети Кул-Шариф одновременно с реставрацией Благовещенского собора. Службы предполагается проводить только праздничные, два раза в год (Ураза-байрам и Курбан-байрам в мечети, Пасха и Рождество в соборе). Здания должны быть на балансе музея-заповедника и в остальное время использоваться как музей мусульманской культуры в Татарстане в мечети и музей культур православных народов Поволжья в соборе.

Предполагается провести топонимические изменения в Кремле.

В северной части территории Кремля предлагается формирование официальной представительской зоны, включающей в себя 3 комплекса:

Комплекс резиденции Президента Республики Татарстан

Комплекс Пушечного двора

Комплекс бывшего Архиерейского дома.

Ожидаемый результат: приведение уровня презентативности Казанского Кремля в соответствие с его современным политико-культурным статусом.

3.2. Природно-ландшафтный аспект

Для улучшения экологического состояния Кремля как системы необходимо:

- устранить источники хозяйственных вод;
- сократить антропогенное вмешательство в литосферу, в частности строительными и археологическими раскопками;
- снять напряжение бессистемного устройства сетей прокладкой канала с совмещением всех сетей в одном месте.

Необходимо раскрыть стены и башни Кремля по восточному и северному периметру от высокоствольных насаждений, укрепить склоны.

Анализ дендрологии показал, что целесообразно сохранить незначительный процент существующих деревьев.

При благоустройстве и озеленении территории Кремля предлагается восстановление природной среды и ландшафтного облика. Для этого могут быть использованы как виды местной природной флоры, так и экзотические декоративные виды. Предлагается восстановление видов деревьев, которые были в садах царицы Сююмбеки (по устным преданиям и легендам).

Ожидаемый результат: получение “нового потенциального единства” взаимозависимых историко-культурного наследия и оздоровленной природно-окружающей среды.

3.3. Историко-археологический аспект

Предлагается музеефикация архитектурно-археологических объектов всех этапов существования Казанского Кремля, есть специально разработанная концепция московскими специалистами.

Организация специализированного музея археологии Казанского Кремля в сохранившемся цокольном этаже Спасо-Преображенского монастыря.

Ожидаемые результаты: адекватная значимости изученность и музеефикация самых уникальных архитектурно-археологических объектов и стратиграфии всех периодов существования Казанского Кремля.

3.4. Градостроительно-функциональный аспект

Предлагаются следующие пути решения проблем интенсификации функционального использования:

- создание туристической культурно-рекреационной зоны, музейного комплекса, музея-библиотеки, ремесленного центра, связанных на всей территории Кремля в единую систему культурно-информативного центра;
- продолжение вывода непрофильных для музея-заповедника функций, сноса или реконструкции дисгармоничных поздних зданий;
- пространственная дифференциация функциональных зон;
- устройство сквозного прохода по периметру стен и башен Кремля с устройством в башнях кафе, небольших музеев и смотровых площадок;
- вертикальное функциональное зонирование;
- максимальное использование подземного пространства для устройства гаражей-стоянок (после полного археологического обследования);
- создание туристической инфраструктуры для развития международного, внутреннего, въездного, событийного, социального и самостоятельного туризма.
- разработана схема благоустройства с организацией транспорта и пешеходных потоков.

Ожидаемые результаты: целостный сохранившийся и развитый градостроительный многофункциональный комплекс, эффективно используемый с учетом композиции интересов.

3.5. Инженерно-реставрационный аспект

При выполнении реставрационных, ремонтно-реставрационных, консервационных работ необходимо руководствоваться требованиями международных норм научного подхода в этих работах, основываясь на принципах целостности, подлинности, правдивости, масштабных соотношений, взаимосвязанности с окружающей архитектурной и ландшафтной средой.

Предлагается реализация идеи перехода от реставрации по комплексам к реставрации ансамбля Казанского Кремля как целостного памятника. Предложены конкретные меры и очередность реставрационных работ по этапам.

Очень важной позицией в сохранении объектов Всемирного наследия является ведение мониторинга (отслеживание и контроль за состоянием объекта).

Ожидаемый результат: к 1000-летию Казани отреставрировать ключевые здания, создать музеи и туристическую инфраструктуру.

3.6. Экономико-правовой аспект

Выход на международный уровень требует адекватной правовой базы, административного обеспечения и финансирования.

Предлагается расширить границы музея, оформить его статус земель историко-культурного назначения.

Необходимо обратить внимание на соблюдение режима содержания зон охраны Кремля, на что указывается в документах ЮНЕСКО.

Предлагается реализация программы по увеличению собственных финансовых средств музея-заповедника – точек экономического роста доходности территории: организация платного входа для туристов и посетителей, доходов от туристической и музейной деятельности.

Для полноценного функционирования дирекции музея-заповедника как органа управления объектом Всемирного культурного и природного наследия, необходимо доработать и утвердить в установленном порядке положение о Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике "Казанский Кремль", изменить его структуру и штаты, обеспечить материально-техническую оснащенность на уровне международных требований. Разработать ежегодные планы работы управления и технического обслуживания объекта в соответствии с требованиями ЮНЕСКО.

СОДЕРЖАНИЕ

Великий Волжский путь: история формирования и развития

<i>А.А.Арсланова</i> Причины войн Улуса Джучи с Хулагуидским Ираном	4
<i>Р.М.Валеев</i> Торгово-экономические и культурные связи Булгарского государства со странами Востока в IX–XIII столетиях	20
<i>Мария Иваникс</i> Крымскотатарско-иранские связи в XVI–XVII вв.	26
<i>И.Л.Измайлов</i> Великий Волжский путь и распространение ислама в Поволжье	36
<i>И.Л.Измайлов</i> Торговля Волжской Болгарии со странами востока и принятие ислама булгарами	50
<i>А.Н.Кирпичников</i> Исследования старой Ладogi	55
<i>Р.З.Махмутов</i> Научное исследование Болгарского историко-архитектурного комплекса	62
<i>Р.М.Мунчаев</i> Основные этапы культурно-исторического развития Восточного Кавказа в древности	68
<i>Анне Стальсбер</i> Профессор Кристофер Ханстен о Казани 1828 г.	82
<i>Д.М.Усманова</i> Воспитанники и представители Казанского университета в Государственной думе и Госсовете России. 1906 – 1917 гг.	89

Великий волжский путь: развитие культурных и этноконфессиональных контактов

<i>И.М.Арсланов</i> Презентация Программы по сохранению, изучению и развитию языков народов, проживающих в г.Казани	112
---	-----

Р.Б.Гайнетдинов Исторические аспекты формирования татарской диаспоры в Центрально-Азиатском регионе	118
Н.К.Касумов Дербент – ворота Кавказа	128
Р.М.Нургалеева Архитектурный ансамбль Казанского университета	146
Р.М.Нургалеева Научная концепция сохранения, реставрации и использования ансамбля Казанского Кремля	158

**Великий Волжский путь:
История формирования
и культурное наследие**

Материалы III-го этапа Международной научно-практической
конференции «Великий Волжский путь». Часть II.

Научное издание

Оригинал-макет – А.А.Журавлев

Формат 60x84 ¹/₁₆. Усл.печ.листов – 10,5. Тираж 500 экз.
Подписано в печать 28.07.2004. Печать на ризографе.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
420008 Казань, ул. Кремлевская, 10/15,
тел. 92-91-04, 92-84-82

Примечание:

На страницах 158-167 представлен текст **Презентации Научной концепции сохранения, реставрации и использования ансамбля Казанского Кремля**, проведенной Р.М.Нургалеевой по материалам Ф.М.Забировой – руководителя-координатора работы.

Авторский коллектив Концепции составляет:

Научные руководители: Н.Х.Халитов – доктор архитектуры, Р.С.Хакимов – кандидат философских наук;

Консультанты: С.С.Айдаров – доктор архитектуры, И.М.Вахитов – директор музея-заповедника «Казанский Кремль», Е.М.Пашкин – доктор геолого-минералогических наук.

Руководитель-координатор, методист – Ф.М.Забирова – председатель Союза архитекторов РТ (до 2000 г.)

Разработчики разделов – авторы: Р.Р.Аитов – кандидат архитектуры, М.А.Виленский – инженер-геолог, А.А.Дембич – кандидат архитектуры, Р.М.Забиров – архитектор, А.М.Захаров – инженер-геолог, А.И.Исхаков -инжеенр, Г.Г.Короткова – биолог, М.А.Максутов – архитектор, С.А.Мамлеева – архитектор, В.В.Машкин – инженер, С.М.Михайлов – кандидат архитектуры, С.Г.Персова – архитектор, О.Г.Рачкова – инженер, Т.В.Рогова – кандидат биологических наук, С.П.Саначин – архитектор, А.Р.Слепак – доктор геолого-минералогических наук, Э.Р.Утемов – геофизик, Ф.Ш.Хузин – доктор исторических наук, А.Н.Царева – архитектор, Р.Ф.Шарифуллин – археолог, Г.А.Юнина – кандидат биологических наук.

